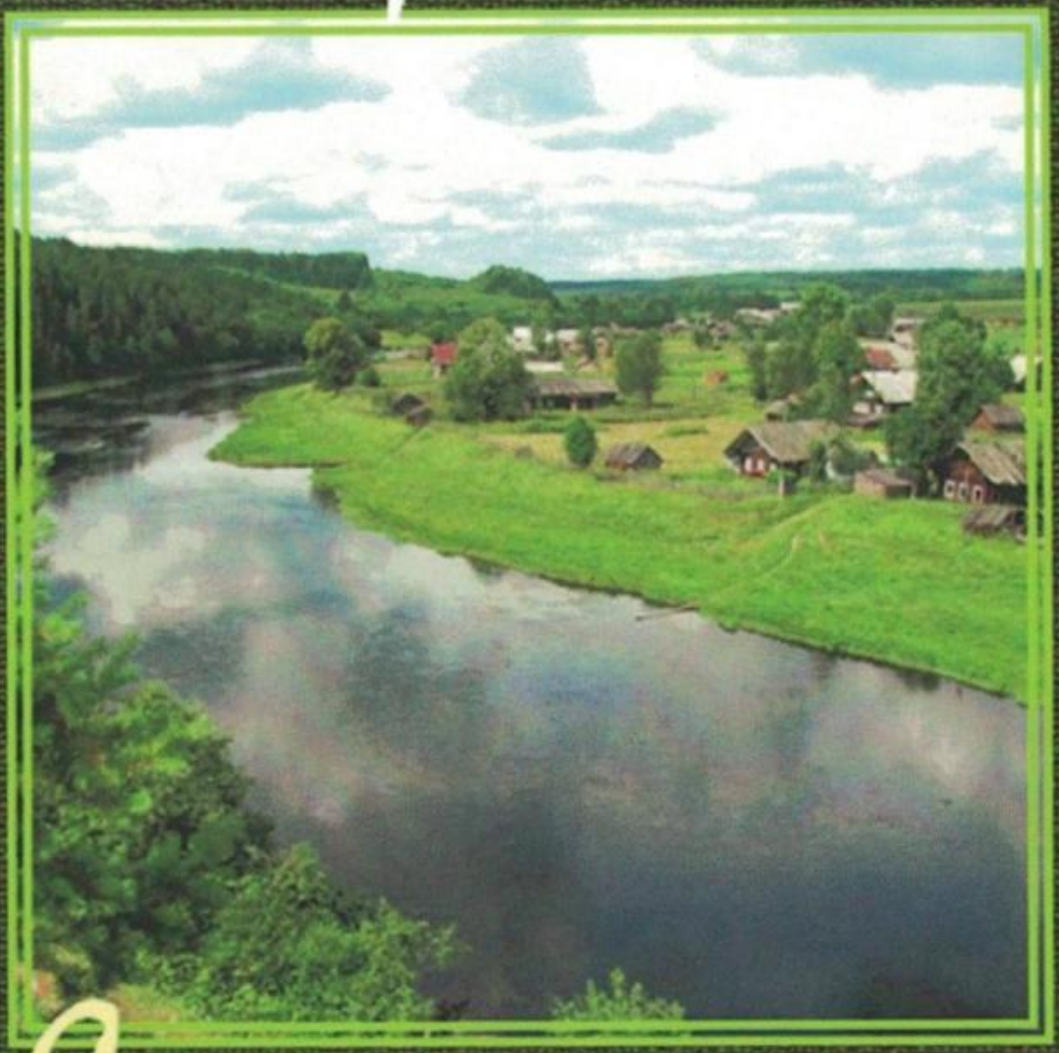
Альберт Кайков



Семья ФРОНТОВИКА

Альберт Кайков

СЕМЬЯ ФРОНТОВИКА

Роман и рассказы

Новосибирск
2021

ББК 84 (2Рос-Рус)
К-15

Кайков А.С.
К15 Семья фронтовика. Роман и рассказы.
Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2021. –
ISBN

В очередной книге Альберт Сергеевич Кайков рассказывает о судьбах детей фронтовика, вернувшегося с войны инвалидом, о нелёгкой жизни в послевоенные годы в селе и рабочем посёлке. Их жизнь прослеживается от рождения до наших дней.

Автор много путешествует. В путевых записках делится с читателями своими впечатлениями. Каждый рассказ – крупица истории нашей страны.

Значительное место в книге уделено описанию природы.

Книга написана занимательно и будет интересна для всех, кто хочет познакомиться с недалёким прошлым жизни наших людей.

Кайков А.С. , тексты, 2021.
Мыслин О.Г., оформление обложки 2021.

Об авторе

Альберт Сергеевич Кайков родился в 1932 году и прожил интересную жизнь, насыщенную многими событиями. Он свидетель исторических процессов, проходящих в нашей стране. Ему довелось жить на западе и востоке, на севере и юге страны; удалось повидать красоты Заполярья, видеть удивительную природу Камчатки и просторы Тихого океана. Накопленные впечатления и жизненный опыт позволили написать около двух десятков интересных книг.

Перед Отечественной войной семья Кайковых проживала в Анапе Краснодарского края. Ему было десять лет, когда город оккупировали фашисты. Сегодня Анапа носит звание «Город боевой славы». Алик был свидетелем незабываемых событий тех лет. В первой книге «Потерянное детство» он описал жизнь детей до войны и в период оккупации. Конечно, в центре внимания истории, которые приключались с ним.

Дети, побывавшие в оккупации и испытавшие на себе ужасы войны, ненавидели фашистов и хотели стать военными, чтобы защищать Родину. Многие сверстники Алика стали офицерами. После окончания школы в Новосибирске он поехал во Владивосток и поступил учиться в Высшее военно-морское училище имени С.О.Макарова. Службу офицером проходил на кораблях Камчатской флотилии. Видел просторы Тихого океана и его суровый нрав. В дальнейшем этот период своей жизни описал в книге «Флотские будни».

В пятидесятые годы в стране сокращались вооружённые силы. Под сокращение попали многие молодые офицеры. Кайков служил помощником командира корабля большого охотника за подводными лодками. Его мечты стать флотоводцем рухнули в одночасье. После увольнения в запас вернулся в Новосибирск и поступил учиться в Новосибирский инженерно-строительный институт имени В.В.Куйбышева. После окончания института работал в Новосибирске, пока не представился случай поехать на строительство заполярного города Игарка.

Альберт с детства увлекался охотой, это позволило ему побывать в разных регионах страны. Разнообразие природы и животного мира стало основной темой его произведений. В школьные годы встречи на охоте и рыбалке с писателем Кондратием Никифоровичем Урмановым, который привлёк его к участию в стенной газете, заложили любовь к литературному творчеству.

Его любимыми книгами были произведения об охоте и путешествиях. Особое место занимали книги Джека Лондона. Однажды прочитал в газете «Комсомольская правда» объявление: «В строительное управление «Игарстрой» требуются инженеры строители». В памяти мгновенно всплыли произведения Джека Лондона и детские мечты побывать в северных широтах, увидеть северное сияние, полярный день и полярную ночь. Не раздумывая, написал письмо. Когда получил ответ с приглашением на работу, вылетел в Заполярье. Через месяц к нему присоединились жена с сыном, проделав длинный и интересный путь по Енисею от Красноярска до Игарки.

Природа Заполярья, встречи с интересными людьми оставили глубокий след в его памяти, что позволило написать книги «На заполярной широте», «Под северным небом», «В Туруханской тайге», «Чёрная пурга» и другие.

Жизнь Альберта Сергеевича состоит из многих переездов, путешествий, походов на охоту и рыбалку. Он стал свидетелем многих важных событий прошлого века, которые нашли отражение в его творчестве.

Литературное творчество Альберт Сергеевич начал с поэзии. Его стихи отмечают наблюдательность и любовь к природе.

Переломным моментом в творчестве стало прочтение книг известного писателя Петра Павловича Дедова и встреча с ним. Он начал писать прозу. Редактором его первых книг был Пётр Павлович.

Свой поэтический дар он использует при написании прозы. Она лирична и многообразна. Об этом можно судить по названию изданных книг: «Встреча через полвека», «По жизни с друзьями», «О друзьях с улыбкой», «Близкие сердцу» и другие.

Следует отметить трудолюбие Кайкова. Его книги издаются с постоянной регулярностью. В 2020 году издал две книги: «Наши студенты в Америке» и «На притоках Кети».

Произведения писателя постоянно печатаются в журналах СовременникЪ, Российский колокол, Сибирский Парнас, Охотничьи просторы, Юный натуралист и других.

Он участвует в литературных конкурсах Московской городской организации Союза писателей России, награждён медалями: Кирилла и Мефодия, Надсона, Пушкина, Грина и Бунина. За активное участие в литературном процессе России получил благодарность Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации.

Валентина Самсонова,
Член литературного объединения Молодость.

СЕМЬЯ ФРОНТОВИКА

Поезд перевалил Уральские горы. Паровоз, натужно пыхтя и пуская клубы дыма, покатил по просторам Сибири. Ещё шла война.

У окна сидел фронтовик Иван Семёнович. Рядом стояли костыли. Ему давно перевалило за тридцать лет. На нём был офицерский китель со следами от погон. Воевал рядовым в стрелковой роте. Его одежда после ранения была не пригодна для носки. При выписке из госпиталя его одели в поношенную одежду кого-то из врачей и выдали справку об инвалидности второй группы.

Он смотрел на мелькавшие луга, перелески и вспоминал родную Камышенку. Её деревянные дома, вытянувшиеся одной улице вдоль речки Ивановки, колхозные поля. Там остались его мать, жена Настя и трое детей. Больше года от них не получал вестей. Находясь в госпитале в тяжёлом состоянии, не мог сообщить свой адрес. Его сердце всегда учащённо билось, когда представлял, как его встретит Настя, как обнимет её и прижмёт к свой груди. Думал о детях. Старший Фёдор, наверное, стал крепким парнем, а Маша и Гена подросли за прошедшие два года.

Около купе остановилась проводница с пачкой газет и, обращаясь к Ивану Степановичу, спросила:

– Товарищ офицер, газету читать будете?

Иван замешкался с ответом. Он не умел читать, но, чтобы не позорить честь офицера, за которого его приняли, молча протянул руку. Развернув газету, стал рассматривать заголовки, написанные крупным шрифтом, которые ему ни о чём не говорили.

– Уважаемый, вы держите газету вверх ногами, – произнёс сосед по полке.

– Извините, я задумался.

Иван Семёнович родился в седьмом году двадцатого века. Выучиться грамоте можно было в церковно-приходской школе, находящейся в волостном центре, до которого было около ста вёрст. Крестьяне не имели возможности

возить детей на учёбу, и те с ранних лет проходили науку земледелия, работая вместе с родителями в поле и ухаживая за домашними животными.

Во время коллективизации в Камышенке организовали отделение колхоза. Вскоре появилась начальная школа. Иван уже стал взрослым парнем, учиться с детьми было стыдно, да и желания не было. Вот так и остался неграмотным.

2

Осенние ветра сорвали листья с берёз и осин. Деревья стыдливо стояли вдоль дороги в своей наготе. На полевой дороге в колеях блестела дождевая вода. Низко над землёй плыли грязные, рваные тучи. Природа наводила грусть и тоску.

Иван Семёнович шёл по обочине, с трудом выдёргивая костыли из мягкой почвы. Ему не терпелось увидеться с семьёй, и он решил пять километров преодолеть пешком. «Если какая-нибудь подвода догонит, то подвезут», – решил он.

Его никто не обогнал. Впереди показалась изба Демьяненко, стоящая на окраине села. Он остановился, опёрся на костыли, решив перевести дух после утомительного перехода.

Чем ближе Иван Семёнович подходил к своему дому, тем сильнее беспокоила нога, не зажившая после операции, и появлялось душевное беспокойство.

Прежде чем открыть дверь в дом, хозяйским глазом осмотрел двор. Он был пуст. Не бегали куры, в свинарне не видно поросят, конура опустела. Ему захотелось заглянуть в коровник, но тут же передумал. В это время дня корова должна быть на пастбище. Плохое предчувствие усилилось.

Открыв дверь без стука, Иван оказался в прихожей. Слева, на кухне, спиной к нему стояла у плиты мать. На её голове была та же косынка в клеточку, в которой провожала его на фронт. Она обернулась на шум вошедшего человека и обмерла. Руки безвольно опустились, а тело медленно стало оседать. Сын одним махом костылей оказался около неё и одной рукой подхватил худенькое тело. Прижав к себе, почувствовал биение её сердца.

Марфа очнулась, посмотрела на сына и зарыдала.

– Мама, я вернулся, всё будет хорошо.

Мать обняла сына, положила голову на его грудь и продолжала рыдать.

– Мама, успокойтесь, я вернулся живым.

– У нас большое горе, – сквозь слезы произнесла мать.

– Что случилось?

– Настю твою похоронили.

Иван на фронте видел много смертей. Гибель в бою считалась обычным событием. Смерть же любимого человека его потрясла. Вмиг обрушились все мечты радостной встречи.

– Как это случилось?

– Перетрудилась на работе, простудилась, получила воспаление лёгких.

– Когда?

– Скоро будет год. Мы не знали твоего адреса и не могли тебе сообщить. Я даже не знала, жив ты или нет.

– Как же вы жили? Где дети?

Иван выпустил из рук мать и посмотрел в комнату. В нескольких шагах от него стоял мальчик трёх лет и наблюдал за ними. Отец догадался, что это его младший сын Гена. Когда он уходил на фронт, сыну не было года.

– Гена, подойди ко мне, – как можно мягче произнес Иван.

Сын не двинулся с места. Удивлённо смотрел большими глазами на незнакомого мужчину.

– Геночка, это твой папа, – сказала бабушка.

Иван сделал на костылях два шага и подошёл к сыну.

– Давай знакомиться, – произнёс отец и протянул сыну руку.

Гена с опаской протянул свою руку.

– Где Федя и Маша? – спросил отец.

– Федя в школе, Маша у подруги.

Сын немного приободрился, услышав знакомые имена.

– Гена, беги к Романенко, скажи Маше, что отец с войны пришёл.

Иван Семёнович снял шинель, повесил на вешалку у входной двери и присел к столу.

Через несколько минут дочь вбежала в дом. Она резко остановилась, увидев человека в военной форме. Когда узнала отца, бросилась ему на шею. Иван Семёнович взял её под мышки и посадил на колени.

– Ты сильно выросла, стала тяжёлой, – произнёс отец.

– На следующий год пойду в школу, – ответила она и поцеловала отца в небритую щёку.

3

Весть о возвращении фронтовика быстро облетела небольшой посёлок. Соседи потянулись в его дом, чтобы узнать последние новости с фронта. Федя, возвращаясь из школы, уже знал, что приехал отец. Запыхавшись, он с шумом ввалился в дом.

На табурете у стола сидел мужчина в военной форме. Он вмиг узнал отца и бросился к нему. Иван обнял его и прижал к себе. Бабушка с умилением смотрела на молчаливую сцену. Сегодня у неё был самый счастливый день: сын вернулся живым с войны, внуки обрели отца.

– Мойте руки, – требовательно произнесла бабушка, – будем обедать.

Марфа Фёдоровна налила в тарелки грибную похлёбку и поставила чугунок с варёной картошкой. В целях экономии картошку не чистили, а варили в мундирах.

Отец смотрел на похудевших детей, быстро орудующих ложками, и думал: «Не сладко им жилось без меня. На такой еде не располнеешь, лишь бы с голоду не умереть».

– Мама, хлеб у вас есть?

– Откуда ему быть? Осенью колхоз отоваривал мукой трудодни, но у меня их нет.

– За счёт чего же вы живёте?

– Едим только то, что в огороде вырастили да в лесу собрали.

Марфа собрала со стола посуду и унесла на кухню. Вытирая стол тряпкой, сказала внуку:

– Федя, бери ручку, чернильницу, бумагу и садись к столу.

– Зачем?

– Будешь писать письмо Степану.

Ей нетерпелось поделиться радостью со старшим сыном, проживающим в Кузбассе. Он работал в шахте. Шахтёров в начале войны в армию не призывали: стране нужен был уголь.

Иван попросил сына сделать приписку от его имени. Он спрашивал у брата совета о своём обустройстве.

4

Письмо от Степана пришло быстро. Он радовался счастливому возвращению брата. Предлагал не мешкая приехать к нему: «На шахте требуются мужские руки, работать остались в основном женщины, мужчин призвали в армию. Заработки хорошие, сможешь прокормить семью. Остановишься у меня. В шахтёрском посёлке хорошая больница, пройдёшь обследование и лечение, устроишься на работу и вызовешь семью».

Иван Семёнович долго размышлял над предложением брата. В колхозе он не работник. Остаться на зиму дома – быть лишним едоком. Работая в шахтёрском посёлке, сможет помогать семье. Приняв решение, выехал в Кемеровскую область.

Дом брата находился на окраине поселка.

Степан увидел Ивана через окно и быстро выскочил во двор.

– Куда помчался как угорелый? – спросила жена Мария.

– Иван приехал.

Братья обнялись и долго стояли молча. Им не нужны были речи. Их переполняло чувство радости встречи. Во время войны не многим довелось встречать фронтовиков, вернувшихся с войны. Выпустив брата из объятий, Степан произнёс:

– Дай мне твой рюкзак, пойдём в дом.

В доме Мария уже накрывала стол. Она подошла к Ивану, обняла и, погладив по спине, произнесла:

– Прими мои самые глубокие сочувствия. Война уносит жизни людей не только на фронте, но и в тылу.

Его угощали супом из курицы и жареной свининой с картофелем. Иван ел и думал о своих детях, которые давно не едят мясной еды. Его мучила совесть, что не может обеспечить нормальное содержание семьи.

Иван Семёнович нацепил на китель орден солдатской славы, медали и отправился в поликлинику. Он чувствовал на себе взгляды прохожих. Одни с

восхищением смотрели на его награды, другие с сочувствием на костыли. Его окружали люди в штатской одежде. Ему хотелось переодеться в костюм. Военная форма постоянно напоминала о войне. Для покупки одежды нужны деньги, а их надо заработать. «Кто меня, инвалида на костылях, примет на работу?» – с огорчением думал он.

После сдачи анализов и обследования его положили в больницу. Рентген показал осколок в левой ноге. Сделали операцию и извлекли осколок. Постепенно научился ходить без костылей, но слегка прихрамывал. После больницы его направили на ВТЭК. Там признали трудоспособным и сняли инвалидность.

5

Степан посоветовал брату устроиться работать на шахте.

Пожилая женщина в отделе кадров спросила Ивана:

– Какая у вас профессия?

– Хлебороб.

– Что умеете делать?

– Пахать, ухаживать за лошадьми.

– К сожалению, на конном дворе нет вакансий.

Иван не знал, что такое вакансия и ответил:

– Мне нужна работа, где больше платят, чтобы содержать семью.

Она внимательно посмотрела на посетителя. Перед ней сидел крепкий мужчина среднего роста с мужественным лицом. Серые большие глаза выжидательно смотрели на неё. В его облике чувствовалась сила и спокойствие. Большие сильные руки лежали на коленях. Кадровик оценила собеседника и предложила:

– На погрузку угля в вагоны пойдёте? Работа тяжёлая. Женщины справляются. Раньше на погрузке работали только мужчины, но все призваны в армию. Вам думаю, будет по плечу.

– Согласен.

Она протянула ему лист бумаги и предложила:

– Заполните анкету и напишите заявление.

– Напишите сами, я не умею писать.

Заполняя раздел анкеты «семейное положение», сотрудница кадров обратила внимание на то, что мужчина не женат, и подумала: «Недолго ты будешь холостым, наши вдовы-солдатки быстро тебя подберут».

6

Впервые в жизни Иван шёл на работу по гудку на шахте. Для шахтёров гудки были неотъемлемым атрибутом в жизни. По ним шли на работу и определяли время суток. Часы в то время были не в каждой семье. Он думал, что ему придётся лопатой грузить уголь в вагоны. Оказалось, что вагоны загружаются из бункера, а ему надо следить за загрузкой и разгребать уголь к

бортам вагона. Работа для него оказалась нетрудной. Он с детства привык к физическому труду на свежем воздухе. Здесь приходилось дышать угольной пылью, она оседала на лице. После смены требовалось подолгу отмываться. Иван стойко всё переносил. Ему надо было заработать деньги и отправить семье.

Несколько раз в день к нему подходила лаборантка и просила набрать из вагона пробу угля. Иван молча брал совок, насыпал уголь и возвращал женщине.

Зоя обратила внимание на молчаливого мужчину. Среди женщин уже прошёл слух, что он не женат и приехал из села. Под угольной маской на небритом лице трудно было разглядеть его черты. Однажды она не выдержала и спросила:

– Скажите, пожалуйста, как вас звать, а то мы знакомы больше месяца, а не знаю, как обращаться.

– Иван, – кратко ответил он.

– А отчество?

– Семёнович.

– Иван Семёнович, почему вы не бреетесь?

– Зачем вам это надо?

– Женщины интересуются, сколько вам лет.

– Завтра побреюсь.

Утром на следующий день, подходя к составу, Зоя увидела на вагоне Ивана с чисто выбритым лицом.

– Доброе утро Иван Семенович, – крикнула она, – вы оказывается очень молодой мужчина.

Он набрал пробу угля, спустился на землю и, прихрамывая, подошёл к ней.

– Вы узнали моё имя, но не назвали своего.

– Меня звать Зоя. Почему вы хромаете?

\– Фронтовое ранение.

– Вам повезло, вы вернулись живым, а вот мой муж погиб в начале войны, оставив меня с двумя детьми.

– У меня такая же участь. Жена скончалась, оставив мне троих детей. Как только обустроюсь, привезу их в город. В селе им живётся очень трудно.

– С кем же они остались?

– С бабушкой.

После этого разговора он каждый день ожидал её появления. Его как магнитом тянуло к молодой приятной женщине в чистом халате. Ему хотелось узнать о ней как можно больше.

На шахте работало много незамужних женщин. У одних мужья погибли на фронте, другие не могли выйти замуж из-за дефицита мужчин. С ним неоднократно заводили разговор с целью познакомиться поближе. Некоторые были скромные и стеснительные, другие бойкие и вызывающие. Ни к одной из них не лежала душа Ивана. А вот Зоя чем-то тронула его сердце. Он ещё полностью не понимал чем.

7

С фронта приходили хорошие вести. Разгромив немцев под Сталинградом, Красная Армия гнала их на запад, освобождая захваченные ими города и сёла. Каждый день, приходя домой после работы, Степан первым делом включал репродуктор, чтобы послушать сообщение: «От советского информбюро». Как только раздавался голос диктора Левитана, приостанавливались все домашние дела. Взгляды Степана, Ивана и Марии устремлялись на черную тарелку, висящую на стене в углу комнаты. Из неё раздавался твёрдый голос Левитана, от которого мурашки пробегали по телу: «Наши войска под командованием маршала Жукова освободили города» . . . Выслушав сообщение, Мария отправлялась в комнату детей, в которой с их школьных лет на стене висела карта, и переставляла булавки с красными флажками. Она возвращалась к мужчинам и сообщала: «Скоро наши войска подойдут к границе и выгонят немцев за пределы страны».

Такие сообщения с нетерпением ждали и слушали все жители страны. Они доставляли радость и гордость за нашу армию, вселяли надежду на окончание войны и возвращение к мирной жизни.

Иван Семёнович зарплату почти полностью отправлял матери. Скопив денег на недорогой костюм, отправился в промтоварный магазин. У прилавка обувного отдела увидел Зою и подошёл к ней.

– Добрый день, что покупаете?

– Хочу купить осенние туфли.

В глубине её глазах он заметил промелькнувшую искорку радости.

А за какой покупкой вы пришли? – спросила она.

– Надоело ходить в кителе, хочу купить костюм. Может, вы поможете выбрать?

– Конечно, помогу, пойдёмте в отдел одежды. Она взяла его за локоть и отвела от прилавка.

Выбирая костюм, Иван смотрел не только на качество материала, а больше на цену. Подобрав тёмную расцветку, приложил брюки к себе, проверяя их длину. Затем надел пиджак. Зоя провела сзади руками по его спине и сообщила:

– Пиджак сидит как влитой.

От прикосновения её рук Иван испытал чувства, которые не испытывал с начала войны. Биотоки от её прикосновения проходили по его телу и тревожили сердце.

Со свёртком в руках они отправились к выходу из магазина. Иван спохватился:

– Вы же хотели купить туфли?

– Я не нашла подходящих туфель своего размера. Куплю в другой раз.

Они шли по улице, застроенной многоэтажными домами. С северной стороны домов лежал ещё не растаявший снег. На деревьях и кустарниках начали набухать почки. Весеннее солнце заливало теплыми лучами улицу и слепило глаза. Иван Семёнович вспомнил, какую радость доставляла ему весна в селе, и свои мысли высказал вслух:

– На селе сейчас готовятся к пахоте, затем начнётся посевная страда.

– Мне тоже весна на селе доставляла больше радости, чем в городе, – поддержала разговор Зоя, – всегда ждала появления первой зелени на лугу, чтобы выгнать корову на пастбище.

Иван Семёнович почувствовал родство душ. «Видимо, она живёт в городе, как и я, по необходимости», – подумал он.

На большом кусте сирени веселились воробьи. Они радостно чирикали и гонялись друг за другом. Глядя на них, Иван Семёнович подумал: «Несмотря на войну, жизнь на земле продолжается».

Постепенно они вышли на улицу, застроенную одноэтажными деревянными бараками. Зоя думала, что им идти по пути, а Ивану не хотелось расставаться с понравившейся ему женщиной.

Зоя остановилась у одного из зданий и произнесла:

– Вот здесь я живу.

– А я живу в доме брата в другом конце поселка.

Они стояли прервав разговор, который вели по дороге и смотрели в глаза друг другу. Каждый думал о своём. Ивану не хотелось расставаться с Зоей, а она думала: «Стоит ли приглашать мужчину к себе после первой встречи?». Затем решила, что это не первая встреча. Они же видятся на работе каждый день. После небольшой паузы произнесла:

– Хотите посмотреть, как я живу?

– Конечно!

– Тогда пойдёмте.

Они поднялись на невысокое крыльцо и вошли в длинный коридор, в котором по обе стороны тянулся длинный ряд дверей. На некоторых дверях в навесах торчали палочки. На замок двери никто не закрывал. Это считалось недоверием и неуважением к соседям. Воровства в те годы не было. Люди жили как одна большая семья.

Зоя остановилась у одной из дверей. В комнате слышались детские голоса. Она открыла дверь и переступила порог. К ней подбежала дочка и протянула руки. Мать взяла её на руки, прижала к себе и поцеловала. Мальчик лет восьми стоял у стола и внимательно смотрел на мужчину в дверях.

– Иван Семёнович, проходите в комнату, – пригласила Зоя.

Затем обратилась к сыну:

– Миша, познакомься. Это Иван Семёнович. Мы с ним вместе работаем.

Сын стоял, не двигаясь с места, о чём-то думая. Только когда Иван Семёнович протянул руку и произнёс: «Дядя Ваня», подошёл к нему.

– Вы воевали? – спросил Миша.

– Воевал.

– Много фашистов убили?

– Не считал, наверное, много.

– Мой папа тоже воевал. Его фашисты убили.

– Сейчас фашистов гонят из страны, наша армия отомстит за твоего отца.

– Миша, если хочешь, сходи, погуляй, – предложила Зоя. Во дворе ребята в догонялки играют.

– Я тоже хочу гулять, – сказала дочь

– Миша возьми с собой Валю.

– Хорошо.

Иван Семенович, присаживайтесь к столу, напою чаем.

– Зоя! Ты каждый день, уходя на работу, оставляешь детей одних?

– Миша уже большой мальчик, он всё понимает, ему доверяю оставаться с сестрой.

– По короткому разговору с ним я это понял.

Когда дети вышли из комнаты, Иван Семёнович присел к столу и осмотрел комнату. Она была разделена плитой с дымоходом в пять колен на две части. Первая часть служила прихожей и столовой, вторая спальней. За печью стояли две кровати.

Зоя разожгла примус, стоящий на плите, и поставила чайник.

На столе появились две чашки на блюдцах, хлеб и сахарница с кусочками колотого сахара. Иван отпил глоток чая и спросил:

– Чем вы завариваете чай?

– Это чабрец, или богородская трава.

– Приятный аромат.

Иван допил чай, не притронувшись к хлебу и сахару. Он понимал, что эти продукты продаются по карточкам. На душе появилось беспокойство о своих детях. «Как они живут, что едят? – думал он.

Прощаясь, Зоя произнесла:

– Теперь вы знаете, где я живу. Будет свободное время – заходите.

8

У Ивана Семёновича часто всплывал в памяти день посещения квартиры Зои и приглашение навещать её. Ему давно нравилась симпатичная стройная женщина с мягким характером. Его душа давно истосковалась по женской ласке. Но каждый раз прерывал сладкие мечты воспоминаниями о своих детях, которых надо вырастить и выучить. Наконец он не выдержал и при очередной встрече у вагона предложил:

– Зоя, можно я сегодня провожу тебя домой? Мне надо с тобой поговорить.

На её лице появилась улыбка, а в глазах радостный блеск. Иван понял, что она рада его предложению. В ответ услышал:

– Иван Семёнович, давайте встретимся завтра. Сегодня я обещала маме зайти к ней после работы.

– Хорошо, – ответил Иван.

Его не смутил такой ответ. Мало ли какие дела могут быть у женщины. Она была на тринадцать лет младше его. В свои тридцать восемь лет ему хотелось иметь семейный очаг. Он отдавал себе отчет о разнице в возрасте, но думал, что дети могут их сблизить.

На следующий день, принимая из рук Ивана пробу угля, Зоя сказала:

– Ваша смена заканчивается позже моей. Я буду вас ждать дома. Найдёте барак?

– В лесу не блудил – в городе не заблужусь, – улыбаясь ответил Иван Семёнович.

У него возникла проблема: идти в гости с пустыми руками неудобно. Его продовольственные карточки были у жены брата Марии. «Не покупать же бутылку самогона», – думал Иван. Он вспомнил, что на базаре видел женщину, продающую конфеты – леденцы на палочках.

После смены отправился на базар. Женщину с леденцами в руках увидел издали. Она ходила по рынку и громким голосом предлагала свой товар.

Иван спросил цену. Конфеты оказалась дорогими. Сахар в то время продавался по карточкам. Где торговка добывала сахар, ему было не ведомо.

– Дайте мне двух петушков, – попросил Иван.

Когда в его руках оказались две нестроганые палочки, произнёс:

– Добавьте ещё одного петушка.

Он шёл между продовольственными рядами и разглядывал товар. Его взгляд привлекла стопка кусков свиного сала. Мгновенно возникли воспоминания детства, когда мать жарила на свином сале картошку. У него даже потекли слюнки. Иван выбрал небольшой кусок и попросил взвесить.

Найти барак, в котором проживала Зина, труда не составило. У Ивана была хорошая зрительная память, и он запомнил, что барак стоял третьим от угла по правой стороне улицы. Когда подходил к знакомой двери, испытывал тревожное волнение. Он давно продумал, о чём будет говорить с Зоей.

Постучав в дверь, Иван вошёл в комнату. Ему показалось, что перед ним стоит незнакомая молодая женщина. Красивое платье облегало стройную фигуру, завитые волосы локонами спускались к плечам.

– Зоя, это вы?

– Я.

Иван с трудом оторвал от неё взгляд и, осмотрев комнату, спросил:

– А где дети?

– Они остались у бабушки.

– Я принёс им подарки, – произнёс Иван и протянул её леденцы.

– Почему три?

– Один тебе.

– Спасибо, раздевайся и проходи.

Женское предчувствие подсказало Зое, что это тот мужчина, который будет заботиться о её детях. Кроме того, она понимала, что у неё нет выбора.

Они допоздна просидели за столом, рассказывая о прожитых годах в сёлах. Это их сближало, они почувствовали родство душ.

Когда Иван произнёс: «Уже очень поздно, мне пора домой», Зоя сказала:

– На улице темень, дорога в ямах, оставайся ночевать.

9

На следующий день за ужином Мария спросила Ивана:

– Ты где ночевал? Мы за тебя переживали и волновались.

– Засиделся допоздна у знакомой. Пришлось заночевать.

– Знакомая, наверное, вдова-одиночка.

– Не одиночка, у неё двое детей.

– Вот это да, не ожидала от тебя такого номера.

– Что ожидала?

– У нас одиночек пруд пруди, а ты выбрал женщину с детьми.

– Маша, перестань его отчитывать, – произнёс Степан.

– Предупреждать надо, когда не придёт домой.

– Он не маленький.

– Не спорьте, пожалуйста, – произнёс Иван, – я ночевал у женщины, которой сделал предложение.

– Кто она? – удивилась Мария.

– Работает в лаборатории. Звать Зоей. Живёт в бараке с двумя детьми.

– У тебя же своих детей трое. Ты их бросить собираешься?

– Ни в коем случаи, буду поднимать всех.

– Где жить собираешься с такой оравой? У нас не поместить всех.

– Сниму квартиру.

– Иван, – вмешался в разговор Степан, – не торопись. Снимать квартиру – жить впроголодь. Надо построить своё жильё.

– Как и где строить? – заинтересовался Иван.

– К нашему дому можно сделать пристройку, одна стена уже готова. Земли прирежешь для огорода столько, сколько сможешь обработать.

– Где взять материалы?

– Я помогу, на шахте выпишу бывший в употреблении материал.

10

Зоя неимоверно обрадовалась, когда Иван сообщил, что они будут строить собственный дом. Она положила руки ему на плечи, встала на цыпочки и поцеловала в щеку, невзирая на угольную пыль на ней.

Каждый день после работы братья копали погреб под будущим домом. Землю далеко не отбрасывали, чтобы сделать из неё завалинки с внутренней стороны.

Когда около дома самосвал вывалил кругляк, Иван Семёнович расстроился. В Камышенке дома строили из брёвен длиной шесть – восемь метров в зависимости от длины стены, а здесь был короткомер. «Как из такого леса строить?» – спросил брата.

– Будем стыковать. Радуйся, что лес нам достался почти даром. Пройди по улице и посмотри, как брёвна стыкуются в зуб.

Через неделю Степан сказал брату:

– Готовь магарыч. В выходной день придёт моя бригада, будем поднимать стены.

– Где водку можно купить?

– Водку ты не купишь, а вот самогонку надо заказать заранее. На бригаду много надо.

– Кому заказать?

– Спроси у Марии. Она всё знает. Наш дом бригада за две недели поставила.

На Руси повелось издавна оказывать помощь близким и друзьям при строительстве домов. Деньги за работу не брали. Хозяин был обязан кормить и поить работников.

Когда Иван спросил у Марии, у кого можно купить самогон, она удивилась:

– Ты сам хочешь кормить бригаду? У тебя же есть жена. Пусть приходит, я всё расскажу и помогу. В огороде поспели огурцы и помидоры – еды хватит.

– У нас тоже хороший урожай овощей.

Вечером Иван повёл Зою знакомиться с родственниками. Стоял тёплый летний день. До захода солнца было ещё далеко. На дороге лежал толстый слой пыли, в небе летали ласточки, выписывая пируэты.

Степана и Марию застали во дворе. Поздоровались. Иван представил Зою. Мария глянула на золовку и подумала: «Она Ивану в дочки годится». Затем произнесла:

– Проходите в дом, будем чай пить.

– Спасибо, – ответила Зоя, – мы недавно ужинали, мне не терпится посмотреть место, где будет наш дом.

– Когда заходили в калитку, видели яму в торце дома? – спросил Степан.

– Видела.

– Вот там будет ваш дом.

– В яме? – пошутила Зоя.

Степану понравилась её шутка, и он ответил:

– Пристройка будет над погребом, пойдёмте смотреть.

Дом Сидоренко стоял последним на окраине посёлка. Дальше простиралось поле, вытоптанное скотом, на котором, как бородавки на теле, возвышались бугры горной породы, привезённой из шахты.

Иван Семёнович показывал рукой, в какую сторону будут смотреть окна дома, где будет двор, надворные постройки, огород. Зоя, выросшая в селе и живущая сейчас за счёт огорода, спросила:

– Сколько соток будет огород?

– Прирезай, сколько сможешь обработать, – улыбаясь, сказал Степан.

– Надо бы огород вспахать с осени, можно найти у кого-нибудь лошадь? – обратился Иван Семёнович к брату.

– Вряд ли мы найдём лошадь. На шахте кони измучены тяжёлой работой. Есть один добрый конь, его запрягают в пролётку, на которой ездит директор шахты, но его не дадут для пахоты. Придётся копать вручную.

Стены дома быстро росли. Иван не отставал от шахтёров. Поднимаясь на леса, разбередил раненую ногу. Присел на чурку и стал растирать колено. К нему подошёл Миша:

– Дядя Ваня, нога сильно болит?

– Скоро пройдёт.

– Можно я потру тебе ногу?

– Спасибо, сынок, боль уже прошла.

Иван всегда Мишу называл сынком. Ему хотелось, чтобы мальчик ответил ему взаимностью и стал называть его папой.

Зоя с детьми регулярно посещала стройку. Миша подружился с соседскими ребятами и принимал участие в их играх.

К осени пристройка к дому была под крышей. Небольшие окна блестели стёклами, как очки на лице человека. Штукатурку стен оставили до следующего года, чтобы стены могли осесть. Пристройка состояла из двух комнат. Первая комната служила прихожей, кухней и столовой. Вторая – горницей и спальней. Это было типовое жилище на Руси с давних пор. Комнату от кухни отделяла русская печь.

Скромную мебель и вещи Зои перевезли на тележке. Тележки в то время были почти в каждом дворе. Они служили транспортом для любых перевозок. На них возили уголь, дрова, воду, урожай с полей и катали детей. Обычно взрослый впрягался в оглобли, дети садились на тележку и ехали за грузом. На обратном пути дети толкали тележку сзади, помогая везти груз.

Зоя обустраивала жилище. Застелила кровати, повесила на окнах занавески, свою кровать, стоящую у стены, отделила занавеской, посуду поставила в шкафчик, сколоченный Иваном Семёновичем. На душе было тепло и радостно: у неё полноценная семья и свой дом. Иван Семёнович её обожает, относится очень внимательно. Будучи серьезным немногословным человеком, никогда не говорит о любви, а ей очень хотелось услышать эти слова. Радовало и то, что её теперь никто не назовёт вдовой, а детей безотцовщиной.

Миша принёс в дом чёрного лохматого щенка с висящими ушами и обратился к отчиму:

– Дядя Ваня, можно я возьму твой столярный инструмент?

– Конечно, можно, что собираешься делать?

– Хочу построить конуру для Тузика.

– Миша, – вмешалась в разговор Зоя, – где ты взял щенка?

– У Кольки Найда принесла щенков, они их раздают.

Иван достал разноску – деревянный ящик с ручкой, в котором лежали ножовка, молоток, плотницкий топорик, гвозди и другие необходимые инструменты. Подержав в руке, протянул Мише со словами:

– Держи, я помогу тебе сколотить конуру.

Отчим помог нарезать по размеру доски и придерживал их, когда Миша вбивал гвозди. Ему нравилось трудолюбие пасынка. К вечеру конура была готова. «Будет мне помощником при строительстве сарая, – думал Иван, – навыки строительства пригодятся в жизни».

Иван Семёнович и Зоя никогда не сидели без дела. Она готовила еду, занималась огородом, шила одежду для детей. Он занимался строительством. В его ближайших планах было построить сарай, баню и летнюю кухню – печь под навесом.

В дом вбежал запыхавшийся Миша, налил в кружку воду и стал жадно пить.

– Ты где так запыхался? – спросила Зоя.

– Мы играем в футбол.

В военные годы не было компьютеров и сотовых телефонов. Дети всё свободное время проводили в играх на улице. Для детей окраины посёлка

местом сбора и игр был пустырь за домом Сидоренко. Здесь они играли в футбол, городки, лапту и другие игры.

Иван Семёнович строил сарай. Он не представлял жизни в собственном доме без подсобного хозяйства. До его слуха донеслась громкая ругань женщины. Выйдя на улицу, увидел кучку ребят и разъяренную женщину, поносящую их нецензурными словами. Подойдя к ним, спросил:

– Что случилось?

– Эти негодяи мячом разбили моё окно.

– Кто разбил? – спросил Иван Семёнович у ребят.

Мальчики переглянулись, а Миша произнёс:

– Я разбил.

Иван подошёл к женщине. Перед ним стояла худая измождённая женщина. Можно было подумать, что это глубокая старуха, но ей было лет меньше, чем ему. Она жила в землянке с двумя детьми, которую построили с мужем перед войной, собираясь строить рядом дом. Землянка возвышалась над землёй на метр. Верх покрывал дёрн с зеленеющей травой. Началась война, мужа призвали в армию. Прощаясь, он сказал: «Вернусь, дом обязательно построим».

– Не переживайте, – спокойно произнёс Иван, – я сейчас же застеклю ваше окно. У меня остались стёкла после строительства дома.

– Спасибо.

Миша ожидал взбучки, но отчим не проронил ни слова, даже не рассказал Зое.

За обедом Иван услышал давно ожидаемое слово. Миша произнёс: «Папа, подай мне ложку».

11

Иван Семёнович с нетерпением ждал первого отпуска. Почти год не видел мать и детей. Из коротких писем знал, что все живы, здоровы. Он понимал, что мать не сообщает о трудностях. Пишет: «Живём хорошо, как все». Получив отпускные, купил подарки, билет на поезд и покатил в родную Камышенку. За год не смог привыкнуть к городу, его шуму и загазованному воздуху. Ему всегда хотелось в поле, вдохнуть полной грудью воздух, насыщенный запахами сена и лошадей.

Стояли тёплые дни бабьего лета. Иван с солдатским рюкзаком за плечами шёл по знакомой дороге. Идти без костылей по твердой почве было легко. На полях пожухлая трава, предвестница конца тёплого периода года, не радовала глаз. А вот небольшой колок привлёк его внимание. Деревья переоделись. Осины горели покрасневшими листьями на фоне пожелтевших берёз. Где-то в глубине леса раздалось:

– Кар-р, кар-р!

Вороны не было видно среди густой листвы.

«Скоро подуют холодные ветра, налетят, как ошалелые, на лес. Загудят, закачаются деревья, и облетит с них вся осенняя прелесть», – думал Иван Семёнович и вновь посмотрел на нарядный колок.

В небе над головой раздалось курлыканье. Иван поднял голову и увидел клин журавлей. «Покидают родные края, – подумал он. – Как пережила этот год моя семья?».

Вот в эту замечательную пору года Иван Семёнович вошел во двор дома родителей. Во дворе бегали куры, из конуры выскочил щенок, завилял хвостом и, ласкаясь, подбежал к его ногам. «Хорошая примета», – подумал он, нагнулся и погладил щенка.

В огороде кипела работа. Вся семья копала картошку. Работа не лёгкая, но она приносит радость, когда хороший урожай. Иван Семёнович оставил рюкзак на крыльце и, прихрамывая, быстрым шагом отправился в огород. Его заметили. Мать разогнула спину и стояла опершись на лопату, дети бросились навстречу.

Обняв и поцеловав детей, Иван подошёл к матери. Они обнялись и долго стояли молча. Когда он выпустил её из рук, на глазах у неё были слёзы, на лице стало больше морщин. Чувство волнения и радости охватило Ивана.

– Мама, пойдём в дом. Ты отдохнёшь, а я переоденусь и помогу выкопать картошку.

Работа спорилась. Отец копал, а Федя и Маша выбирали картошку из лунок. Даже младший сын Гена старался помогать брату и сестре. Сухую мягкую землю копать было легко. Картошку рассыпали на выровненную площадку, чтобы подсохла, прежде чем спустить в погреб.

Каждый чувствовал ответственность: остаться в зиму без картошки – равносильно смерти. Будет картошка – будешь сытым. Ребята тщательно ворошили землю в лунках. Мелкую картошку складывали в отдельное ведро. Она пойдет на корм скотине.

Вечером за столом Иван рассказал о семье Степана: его взрослые дети живут отдельно, он с Марией в доме остались одни. Брат помог ему построить дом, в котором сейчас живёт Зоя с детьми.

Старший сын Фёдор в душе был возмущён, узнав, что отец завёл новую семью. Когда Иван заявил, что собирается всех перевезти в город, первым заявил:

– Я никуда не поеду. Меня в военкомате поставили на учет, скоро призовут в армию.

Иван стал уговаривать мать: «Будешь жить в одном доме с сыновьями. Мы сможем о тебе заботиться. Дети будут учиться в школе.

– Сынок, не приспособлена я для города. Не могу бросить дом, огород, Зорьку. Гену не отдам. Мал он по городам шастать.

– Машенька, – обратился Иван к дочери, – ты-то, со мной поедешь?

– Куда мы поедем?

– К дяде Степану.

– На чём поедем?

– На поезде. Ты же никогда на поезде не ездила.

– Нет, не ездила.

– Тогда собирайся, не забудь своих кукол.

Маша вышла из-за стола и побежала к подружкам, сообщить им новость, что она поедет на поезде.

За время отпуска Иван починил стайку, отремонтировал крыльцо. С Федей съездили в лес, нарубили жердей и поправили ограду вокруг огорода. Федор после окончания семилетки второй год работал в колхозе.

Перед отъездом Иван купил поросёнка и принёс в дом. Когда развязал мешок и выпустил его, тот бойко забегал по комнате.

– Ваня, – удивилась мать, – поросят надо покупать весной, чтобы в зиму заколоть, а этого надо кормить больше года.

– Мама, ему два месяца. Покормите до нового года и зиму будете с мясом.

12

Уезжал Иван из Камышенки с тяжёлым чувством на душе. Колхозный мерин медленно тянул телегу. Он давно не бегал рысью. Тяжёлый труд в колхозе вымотал его силы. Гнедая масть подёрнулась сединой и превратилась в серую. Управлял конём Фёдор, держа в руках вожжи, не пытался понудить коня идти быстрее. Он понимал, что с отцом осталась недоговорённость, но разговаривать не хотелось. Федя, со своим детским эгоизмом, не мог простить отца.

Иван понимал, что с сыном скоро не увидится и старался завязать разговор, но тот на все вопросы отвечал односложно. Сын довёз отца и сестру до Кыштовки. Дальше им предстояло ехать на попутной машине до железнодорожной станции Чаны. Прощался Иван с тяжёлым чувством на душе.

В поезде он немного успокоился, его мысли унеслись в Кузбасс. Он был уверен, что Зоя встретит Машу приветливо. У него была с ней договорённость, что привезёт всю семью. Его думы были о матери и детях, оставшихся в Камышенке.

Маша впервые ехала в поезде. Она сидела у окна и наблюдала, как мимо проносятся столбы и деревья. У неё возникало много вопросов, которыми отвлекала отца от раздумий.

– Папа, почему деревья убегают назад?

– Это мы едем быстро, а деревья остаются на месте.

Зоя с нетерпением ждала возвращения Ивана Семёновича с детьми. Когда он вошёл в дом только с Машей, удивилась:

– А где остальные дети?

– Пока не приехали, – уклонился Иван Семёнович от прямого ответа.

– Маша проходи, будь как дома.

– Почему вы знаете моё имя?

– Мне много рассказывал о тебе твой папа.

– Маша, – вступил в разговор отец, – тётя Зоя теперь будет твоей мамой.

Вероятно, Иван совершил ошибку, поторопился предложить дочери называть чужую для неё женщину мамой. Освоившись, подружившись с дочерью Зои Валей, она сама могла придти к решению, называть её матерью, а сейчас она подумала: «Я помню свою маму, это не моя мама». Она подружилась с Валей, со временем стала считать её сестрой, с любовью относилась к мачехе, но ни разу не назвала мамой. Для неё она навсегда осталась тётей Зоей.

Вечером Зоя спросила детей:

– Какую книгу сегодня будем читать?

– Муху-цокотуху! – закричала Валя.

– Маша, – обратилась к ней Зоя, – тебе читали книжку про Муху-цокотуху?

Маша молчала.

– Тогда садитесь рядом, я буду читать.

Валя и Маша уселись рядом с Зоей и стали слушать. Они заглядывали в книгу и рассматривали картинки.

У Зои сложилась привычка регулярно заходить в книжный магазин и покупать дешёвые детские книжечки, стоимость которых была пять – десять копеек. Перед сном она читала детям книжки Маршака, Чуковского, Михалкова, Агнии Барто и других детских писателей.

13

Зоя подошла к мужу и, глядя ему в глаза, произнесла:

– Иван Семёнович, я не знаю, что делать?

– Что случилось?

– Я забеременела.

Он посмотрел на грустное лицо супруги, прижал к себе и успокоил:

– Это хорошая новость, у нас будет ребёнок.

– Так у нас уже есть трое.

– Где трое, четвёртый не лишний.

Весной Зоя родила дочку. Имя выбирали всей семьей и решили назвать Тоней. Такое имя носила её свекровь, – мать погибшего на войне первого мужа. Как-то за ужином Иван Семёнович произнёс:

Надо покупать корову.

– Я давно об этом думала, – поддержала мужа Зоя, – но у нас недостаточно денег.

– Займем у Степана.

В комнате начался шум. Дети обрадовались. Маша и Валя запрыгали и захлопали в ладоши. Миша заявил, что будет пасти корову. Зоя держала на руках Тоню и думала: «Без коровы такую семью прокормить трудно».

В воскресный день Иван с Мишей, Машей и Валей отправились на рынок покупать корову. Зое тоже хотелось участвовать в выборе коровы, но грудной ребенок не позволил пойти.

В дальнем углу базара продавали живность. Здесь можно было купить корову, коз, поросят, кур, гусей и даже голубей.

Иван Семёнович с гурьбой ребят шёл вдоль ряда коров, рассматривая животных и их хозяев. По внешнему виду пытаясь угадать, кто продает по нужде, а кто от излишка. Несколько раз приценивался. На него смотрели с надеждой продать свой товар. Коров продавалось больше, чем проходило покупателей. В конце ряда остановился и спросил у ребят:

– Кому, какая корова понравилась?

Дети молчали.

– Тогда пойдёмте смотреть ещё раз.

Ивану приглянулась молодая корова после первого отёла.

– Сколько даёт молока? – спросил хозяина.

– Ведро хозяйка надаивает.

Иван понимал: доверять продавцу сложно, но, как сельский житель, оценил корову и знал, что она раздоится. Кроме того, он помнил пословицу: «У коровы молоко на языке».

– В какой деревне проживаете? – поинтересовался Иван.

– Мы местные, живём около пятой шахты, там все знают Ивлевых.

– Почему продаёте молодую корову?

– У нас её мать ещё не старая и тёлка подрастает.

О цене договорились быстро. Иван взял в руки верёвку, привязанную к рогам коровы, и потянул. Она сопротивлялась, не хотела двигаться с места. К ней подошёл старый хозяин, погладил по шее и повёл с базара. Когда передал верёвку Ивану, корова вновь заупрямилась. Ему приходилось с силой тянуть её. Ребята подгоняли сзади.

– Близко не подходите, – предупредил отец, – она может лягнуть.

Зоя встретила своё семейство с покупкой во дворе. Ей понравилась корова. Она подошла к ней и погладила по лбу. Корова мотнула головой. То ли приветствуя новую хозяйку, то ли отмахнулась от её руки.

– Какая у неё кличка?

Ребята переглянулись, а Иван Семёнович произнёс:

– Мы забыли спросить у прежнего хозяина.

– Это не беда. Давайте выберем кличку прямо сейчас.

Предложений было много. Маше хотелось, назвать корову Зорькой. В Камышенке так звали их корову.

– У неё рябая масть, как у кукушки. Её можно назвать Кукушкой, – предложил Миша.

На этой кличке все согласились.

14

Все ребята шахтёрского посёлка ходили за углём на террикон, который располагался вдали от шахты за веткой железной дороги. Миша, Валя и Маша присоединились к их компании. Террикон, как курган, возвышался огромным куполом на ровной местности. На его склонах среди горной породы встречались куски угля. Их собирали в вёдра и мешки. Детвора, как муравьи, ползали по крутым склонам. Иногда грунт осыпался под ногами, и они скатывались вниз на несколько метров. Часто на железной дороге стоял товарняк, и приходилось с грузом пролезать под вагонами. Походы за углём прекратились, когда на шахте стали выписывать уголь своим рабочим.

С появлением коровы у ребят появились новые заботы и обязанности. Миша обязан был поить корову и чистить стайку. За водой ездили с тележкой, на которой стояла деревянная бочка. Колонка находилась довольно далеко от конца улицы. Воду в бочку заливали ведром. Затем клали на воду деревянный

кружок, чтобы вода не расплёскивалась, накрывали бочку тряпкой и завязывали шнуром. Зоя впрягалась в оглобли, а дети подталкивали сзади.

Миша свои обязанности выполнял беспрекословно. Закончив работу, моментально убегал на улицу играть с ребятами.

Грудной ребёнок заставил Зою поручать дочерям часть домашней работы: принести дрова, помыть пол, подготовить овощи для приготовления обеда. Иногда она спрашивала у дочек:

– Морковку любите?

– Любим.

– Тогда идите в огород. Пока не прополете по грядке, играть на улицу не пойдёте.

Валя, мягкая, покладистая, сразу же отправлялась в огород. Маша унаследовала от матери упрямый и строптивый характер. Прежде чем что-то выполнить, могла поупрямиться.

Кукушку решили некоторое время не отдавать в стадо, чтобы приучить к дому. Утром Зоя доила корову, Иван Семёнович выводил ее на пустырь, привязывал к колышку и уходил на работу. За завтраком ребята с удовольствием ели картофельное пюре, запивая парным молоком. После еды Миша шёл на пустырь к Кукушке. Маша и Валя устремлялись за ним.

Весеннее солнце заливало окрестность, всюду цвели одуванчики. Кукушка, увидев приближающихся детей, подняла голову. Девочки со всех ног припустили к ней. Подбежав, Маша говорила:

– Здравствуй, Кукушка, мы сейчас нарвём тебе травы.

Миша подходил степенно, как и подобает старшему брату.

Если корова успевала общипать всю траву вокруг колышка, Миша переносил его на другое место.

Девочки нарвали травы и положили кучкой перед Кукушкой. Она понюхала и стала щипать траву, росшую рядом.

– Не хочет нашего угощения, – обиделась Валя, – пойдём, Маша, рвать одуванчики и плести венки.

После работы Иван Семёнович приводил корову в стайку, Зоя шла доить. Девочки отправлялись с ней.

– Тётя Зоя, можно я попробую доить Кукушку? – спросила Маша.

Она выросла в селе, её тянуло к животным. У Вали такого стремления не было.

– Можно, только в другой раз. Отец пришёл голодным, мне надо его кормить.

Усаживаясь за стол, муж всегда спрашивал:

– Зоя, ты детей кормила?

– Конечно, накормила, Иван Семёнович.

Она до конца жизни называла мужа уважительно по имени и отчеству.

Кукушку решили привлечь к пахоте огорода. Иван Семёнович привёз от соседа на тележке плуг и сбрую. Корова стояла спокойно, когда её запрягали. Отец встал за плуг, сыну скомандовал:

– Тяни!

Миша потянул верёвку, привязанную к рогам. Корова сделала несколько шагов. Почувствовав сопротивление плуга за спиной, стала рваться в стороны, чтобы избавиться от непривычной нагрузки. Миша не мог с ней справиться.

– Стой! – крикнул Иван Семёнович и подошёл к корове. – Иди вставай за плуг, – сказал сыну.

Почувствовав силу крепких рук, кукушка медленно пошла за хозяином. У Миши не хватало сил, чтобы лемех заглубить в землю. Иногда плуг валился на бок.

Осмотрев первую борозду, отец сказал сыну: «Не будем мучить себя и корову, веди её на пастбище». Придётся копать огород лопатами.

Через две недели Кукушку отвели в стадо, которое ежедневно проходило недалеко от их дома. Пастух гнал коров к высокой насыпи железной дороги, под которой проложен железобетонный тоннель. Жители называли его трубой. Весной по трубе протекала вода. За ней начинался берёзовый лог, заросший лиственным лесом. Здесь жители собирали грибы и ягоды. По сторонам простирались луга с многочисленными колками.

Встречать табун, возвращающийся с пастбища, Зоя отправилась с Мишей. Девочкам поручила следить за Тоней.

Коровы проходили одна за другой, Кукушки не было видно. Зоя от волнения сжимала в кармане кусочек хлеба, посыпанный солью. Когда за табуном появился пожилой пастух с кнутом на плече, она бросилась к нему:

– Где моя корова?

– Убежала. Я не смог её догнать и завернуть в табун.

– Куда убежала?

– Спросите у неё, когда найдёте.

Домой Зоя вернулась расстроенной.

– Что случилось? – спросил Иван.

– Кукушка потерялась.

– Как потерялась?

– Пастух сказал, что убежала.

– Надо идти искать.

– Поешь, потом пойдём.

– Поем позже, пока светло, надо искать.

– Девочки! – приказала Зоя. – Остаётесь с Тоней.

– Я тоже хочу искать Кукушку, – запротестовала Маша.

– Кто тогда останется с Тоней?

– Валя одна справится.

– Валя, ты останешься одна? – спросила мать.

– Останусь, – с радостью ответила дочь.

Она любила нянчить сестрёнку. С удовольствием качала кроватку и играла с ней игрушками.

За трубой след прошедшего табуна хорошо просматривался по многочисленным лепешкам помёта на траве. Он привёл к берёзовому колку, около которого паслось стадо. Они пошли по лесу, растянувшись цепочкой. Идти было легко: берёзы стояли редко, подлеска не было. Зоя и дети кричали, призывая Кукушку. Их голоса гулом разносились по лесу и где-то вдали отзывались эхом. Иван Семёнович осматривал землю, пытаясь найти следы коровы. Он думал, что корова могла зайти в лес, пастух не заметил и угнал стадо. Прочесав небольшой колок, все вышли на поле, за которым простирался лес.

– Надо посмотреть в том лесу, – произнёс Иван Семёнович и первым зашагал через поле.

Кукушку не нашли и там. Стало смеркаться, пришлось возвращаться домой. У всех было подавленное настроение. Иван Семёнович обдумывал дальнейшие поиски. Он ругал себя за то, что не спросил адрес у продавца коровы. В экстремальных условиях у людей часто проявляются вспышки памяти. Его осенила память: продавец назвал фамилию – Ивлев. Печаль отлегла от сердца – Кукушка могла уйти к старым хозяевам.

Для Зои потеря коровы была трагедией. Она боялась произнести мелькнувшую мысль: «Неужели дети останутся без молока?»

Взрослые шли молча, каждый со своей думой. Дети не могли скрывать своих мыслей и эмоций.

– Почему Кукушка убежала? – спросила Маша. – У нас Зорька никогда не убегала.

– Наверное, она обиделась на нас, – ответил Миша.

– За что ей обижаться?

– Мы хотели заставить её пахать огород.

Немного подумав, добавил:

– Наверное, мы зря назвали её кукушкой.

– Почему?

– Кукушки не имеют своих гнёзд, вот она и бросила дом.

На следующее утро, проводив мужа на работу, Зоя обратилась к детям:

– Девочки, остаётесь с Тоней, следите, чтобы она не плакала.

– Мама, а ты куда уходишь? – спросил Миша.

– Иду искать Кукушку.

– Можно я с тобой пойду?

Зоя немного подумала и согласилась:

– Пойдем.

– Я тоже хочу идти искать Кукушку, – закричала Маша.

– Ты остаёшься в доме за старшую.

– Не хочу я быть старшей.

– Хочешь-не хочешь, а к моему приходу полы должны быть вымытыми.

– Не хочу мыть полы.

Зоя, не сказала больше ни слова, вышла из дома. Она знала, что полы будут вымыты.

Усадьбу Ивлевых нашли быстро. Первый же встречный указал на неё. В доме застали пожилую женщину.

– Добрый день! – поздоровалась Зоя. – Это дом Ивлевых?

– Ивлевых, – ответила бабушка, догадываясь, зачем пожаловали гости.

– Мы купили у вас корову, она потерялась, не приходила ли к вам?

– Приходила. Вчера пришла из табуна вместе с матерью и дочерью как ни в чём не бывало.

– Где она?

– Ушла с табуном на пастбище. Приходите вечером. Цела она и не вредима.

Зоя так обрадовалась, что готова была расцеловать старушку.

Вечером Кукушку застали во дворе Ивлевых. Они не поставили её в стайку со своими коровами. На её боках виднелись вспученные длинные полосы.

– Что это такое? – спросила Зина.

– Сын попросил пастуха отучить её от своего стада.

Зина дала корове кусочек хлеба, посыпанный солью, привязала к рогам верёвку и потянула к калитке. Кукушка без сопротивления последовала за ней. Она шла за хозяйкой понуро, чувствуя свою вину, получая периодически из знакомых рук кусочек лепёшки.

У Миши появилась новая обязанность: водить Кукушку в стаде на верёвке. Она паслась среди коров и не делала попыток вырваться из его рук. Через несколько дней пастух сказал ему:

– Отвязывай верёвку, она уже не убежит.

Больше попыток убежать Кукушка не делала. Когда она отелилась, Зоя расстроилась. Ей хотелось иметь тёлочку, а корова принесла бычка.

– Не переживай, – сказал Иван Семёнович, – в хозяйстве бычок нужен. Научим ходить в упряжи, будет помощником.

– Как его будем обучать? – спросил Миша.

– Немного подрастёт, будем водить в стадо на недоуздке, чтобы привык ходить на привязи рядом с человеком. Затем обучим командам «ап» и «стой».

Телёнку дали кличку Гай. Мише нравилось обучать его командам. Он брал в руку кусочек хлеба, шёл рядом с Гаем, показывал хлеб, останавливался и подавал команду «стой». Бычок оказался смышленым. Ради куска хлеба с удовольствием выполнял команды. Когда Гай подрос, Иван Семёнович стал приучать его к упряжи. Несколько дней давал обнюхать хомут, седелку и вешал их на стену стайки. Затем надел хомут на Гая. Бычок беспокойства не проявил. Через несколько дней стал водить его в упряжи по двору. Постепенно приучил тащить за собой груз.

Гай стал незаменимым помощником в семье Сидоренко. На нём пахали, косили, возили сено и другие грузы.

Зимой Иван Семёнович поехал на мелькомбинат за отрубями. Возвращался в сумерках. Снег скрипел под полозьями саней, мороз крепчал и стал забираться под тулуп. Иван Семёнович продрог и решил пройти за санями, чтобы согреться. Он остановил Гая, слез с саней и подал быку команду «Ап». С облегченными санями Гай поспешил домой. Ему надоел мороз и хотелось скорее попасть в стойло. Иван Семёнович следовал за санями. Постепенно

расстояние между быком и человеком увеличивалось. Его ноги путались в длинном тулупе. Он стал кричать: «Стой, стой», но бык продолжал идти вперёд. Пришлось подобрать руками полы тулупа и, хромая, догонять сани. Разгорячённый Иван Семёнович свалился в сани, завернулся в тулуп и уснул. Гай благополучно привёз хозяина и остановился во дворе. Его никто не распрягал. Когда мороз стал донимать, бычок стал фыркать. Зоя услышала эти звуки и вышла во двор. Увидев в санях спящего мужа, разбудила и спросила:

- Иван Семёнович, с тобой всё в порядке?

- Задремал немного.

- Гай давно фыркает, в стайку просится.

Иван Семёнович поднялся из саней и начал распрягать быка. Зоя отправилась накрывать на стол ужин.

16

Миша вихрем влетел во двор и резко остановился. Иван Семёнович прибивал к стенам дома дранку.

– Папа, что ты делаешь?

– Дранкую стены.

– Зачем?

– Надо дом оштукатурить, чтобы зимой было теплее.

– Можно я тоже буду прибивать дранку?

– Бери молоток и вставай рядом.

По вечерам Иван Семёнович возил на тележке из карьера глину. Затем нарубил солому, принёс коровяк и всё перемешав, залил водой. За ужином заявил:

– Завтра будем топтать глину.

– Зачем её топтать? – удивилась Валя.

– Будем делать тесто.

– Пироги стряпать? Мы с девочками, когда играем в мам, всегда стряпаем из глины пироги.

– Я этим тестом буду обмазывать дом.

– Мы тоже будем топтать? – спросила Маша.

– Конечно, мне надо много помощников.

Девочки с нетерпение ждали возвращения отца с работы. Им хотелось узнать, как взрослые делают из глины тесто. После ужина Иван Семёнович вышел во двор, снял обувь, засучил брюки выше колен и стал ходить по заготовленной куче глины. Миша последовал за ним.

– Вы почему ворон ловите? – спросил отец у дочерей.

– Мы не ловим ворон, – бойко ответила Маша.

– Тогда присоединяйтесь к нам.

Девочки всё лето ходили босяком, их ноги привыкли к любой грязи. Они смело вошли в мягкое месиво и стали ходить за братом. В таком хороводе застала их Зоя, выйдя на крыльцо.

– Это какой танец? – спросила она.

Миша поднял руки и стал раскачиваться корпусом. Девочки покатились от смеха.

К концу лета штукатурка на доме высохла. Зоя побелила стены. Домик преобразился, стал выделяться среди серой застройки.

В выходной день Зоя всегда готовила праздничный обед. Варила борщ, заправленный свиным салом с чесноком, и стряпала пирожки с морковкой. Для чая использовала фруктовую заварку, которая продавалась в прессованных брикетах и каждому давала по кусочку сахара, который хранила в мешочке в укромном месте, недоступном детям. Сахар каждый ел по-своему. Валя клала кусочек перед собой и долго им любовалась, запивая пирожок чаем. Маша клала сахар в чай и долго мешала ложкой. Миша сахар брал в рот, запивал чаем, пирожки тайком засовывал в карман и убегал на улицу.

Зое приятно было смотреть на детей и мужа, которые с удовольствием ели её пирожки. Когда дети наелись и убежали из дома, она подсела к Ивану Семёновичу, положила ему руку на плечо и произнесла:

– Иван Семёнович, я забеременела, что делать не знаю. Тоне ещё года нет. . .

– Иван Семёнович прижал жену к себе и уверенным голосом заявил:

– Будем рожать, не волнуйся, вырастим.

– Я не смогу работать.

– Не переживай, с голоду не умрём, всех поставим на ноги. Сколько твоя мать родила детей?

– Шестнадцать.

– Вот видишь, а ты переживаешь.

Иван Семёнович, успокоив жену, принял от неё эстафету беспокойства. Он размышлял: «Дети подрастут – в двух комнатах жить будет тесно, надо расширяться». С этими мыслями отправился к брату.

Степан выслушал его и поддержал его намерения:

– Опыт у нас есть, выписывай стройматериалы, и начнём строить.

Иван пристроил к дому две комнаты.

17

О победе над Германией в Прокопьевске узнали утром 9 мая. Во многих домах было радио. Черные репродукторы висели на стенах. Послушать последние известия в программе «Говорит Москва» соседи часто собирались вместе. Долгожданная весть пришла с первыми лучами солнца в четыре часа утра. Радио сообщило, что над Берлином реет Знамя Победы! Фашистская Германия капитулировала!

Современному поколению трудно представить, что ощущали люди, когда услышали голос Юрия Левитана, зачитывающего акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Люди выходили на улицы, обнимались, целовались, плакали, поздравляли друг друга с долгожданной победой. Это был праздник «со слезами на глазах». Многие не дождались своих близких и друзей с фронтов.

Ночная смена на шахтах заканчивалась в восемь утра. Шахтёры толпами шли на площадь. По улицам города со всех сторон двигались потоки людей. Начался стихийный общегородской митинг.

После окончания митинга люди не расходились. В разных концах раздавались песни, начались танцы.

Иван Семёнович, обычно спокойный, невозмутимый человек, пришёл домой взволнованным. Он вспомнил сослуживцев, которые погибли на его глазах за победу, которой сегодня радуется каждый человек. Его встретила Зоя с грудным ребёнком на руках.

– Иван Семёнович, садись к столу. Я буду тебя кормить.

– Детей накормила?

– Конечно. Ты слишком долго задержался.

– Ходил на митинг.

– Я так и думала.

– У нас есть что-нибудь выпить?

– Нет ничего, Иван Семёнович, – вежливо ответила Зоя, видя необычное состояние мужа.

– Пойдём к Степану, у него всегда найдётся.

Иван Семёнович надел китель с наградами, и они отправились к его старшему брату.

Степан с радостью встретил родню. Мария начала накрывать стол. Появилась бутылка самогона, солёные огурцы и помидоры.

Хозяин наполнил стопки и произнёс тост:

– Сегодня счастливейший день: прекратилась война. Давайте выпьем за победу.

– Подожди, брат, – прервал его Иван Семёнович. Предлагаю первый тост выпить за погибших на войне. Я когда возвращался с митинга, в памяти всплыли лица солдат, которые погибали на моих глазах. Меня пули щадили, а вот мина не пожалела.

Он встал, поднял стопку и произнёс:

– Вечная память погибшим за Родину.

Степан поднялся из-за стола, и братья выпили стоя.

Зоя только пригубила стопку и поставила на стол. У неё на руках заплакал ребёнок.

– Пойду перепеленаю и накормлю Галочку, – произнесла она и удалилась из-за стола.

18 осень 1945г.

Почтальон принес братьям телеграмму-молнию, извещающую о смерти матери. Эта весть тяжёлым грузом легла на их души. Взрослые люди почувствовали себя осиротевшими.

В пасмурный осенний дождливый день они выехали на родину, в Камышенку. Путь предстоял не близкий. Поездом доехали до станции Чаны Новосибирской области, затем на попутной машине до Кыштовки, а далее

пешком. В пути их одолевало беспокойство: не опоздать бы на похороны. Каждый вспоминал эпизоды жизни матери в своём детстве. Она их растила, заботилась о них и любила. Теперь её не стало.

Они не опоздали. В комнате хлопотали соседки. Гроб с Марфой Ильиничной стоял на столе. На её спокойном сосредоточенном лице разгладились морщины. Трудным был у неё жизненный путь. Ушла из жизни, исполнив предначертанную роль на земле. Братья перекрестились. Иван наклонился, поцеловал холодный лоб матери и прошептал: «Прости меня, мама». После этого посмотрел по сторонам и спросил:

– Где Гена?

– Его забрали Очередько, – ответила одна из женщин.

В этот же день Марфу хоронили. Знакомый Ивану старый мерин медленно тянул телегу с гробом покойной. Погост находился в нескольких сотнях метрах от поселка на пригорке, заросшем редкими старыми берёзами. С них давно осыпались листья, и они стояли в траурном молчании. Основатели села выбрали для кладбища высокое и сухое место. Могила была вырыта рядом с могилами мужа и невестки. Проститься пришли почти все односельчане.

Село – не город. Здесь не надо собирать справки и платить бешеные деньги за похоронные услуги. Кум Марфы сколотил гроб, друзья Фёдора, призванного в армию, выкопали могилу. В селе каждый знает друг друга, многие состоят в родстве.

После поминок Степан и Иван остались в пустом доме. В нём они родились, женились, растили детей. Знали каждый уголок, каждую трещину на брёвнах стен. Теперь дом, как и они, осиротел. Они долго не могли уснуть, но разговаривать не хотелось. Каждый по-своему обдумывал события прошедшего дня.

Утром Иван увидел на тумбочке стопку писем. Взял их в руки и протянул Степану:

– Что это за письма?

– Письма от Фёдора. Видимо, мама перед смертью положила их на видное место, чтобы мы их нашли.

Отцу Федор не писал.

Иван положил письма в карман со словами: «Дома прочитаем».

Покидая отчий дом, братья остановились во дворе и оглянулись. Осиротевший дом мрачно смотрел на них. Во дворе не бегали куры, около конуры не лежала собака. Иван держал за руку Гену, на душе было тревожно и грустно. Где бы он ни был, всегда помнил, что у него есть отчий дом, в котором живут дорогие ему люди, к которым всегда стремилась его душа. «Приедем ли мы ещё когда-нибудь сюда?» – думал он.

Словно прочитав его мысли, Степан произнёс: «Приедем в родительский день, навестим могилы».

Приезд Ивана с сыном для Зои не был неожиданностью. Вся семья была в сборе, когда они вошли в дом. Маша, увидев брата, закричала: «Генка приехал» и бросилась к нему. Она обняла и прижала его к себе. Зоя, наблюдая эту сцену,

подумала: «Будет теперь у меня шестеро детей: мои, Ивана Семёновича и наши».

Вечером Иван Семёнович попросил Зою прочитать письма Фёдора. Он внимательно слушал, переваривая каждое предложение, перед ним протекали кусочки жизни сына за три года. В те годы срочная служба на флоте составляла пять лет. Сын писал, что ему осталось служить два года, что дружит с девушкой Томой. Ивана тронула просьба сына к бабушке: сообщить, как живёт отец. Внимательно прослушав чтение, попросил Зою:

– Надо написать Феде о кончине мамы.

– Конечно, надо.

19

Гена долго не мог привыкнуть к городской жизни. Ему было скучно, когда сестра Маша уходила в школу. О жизни в селе ему напоминало пение перепёлок по вечерам в поле за огородом. Он вспоминал друзей из Камышенки, с которыми ходил на речку купаться и рыбачить, в лес за ягодами и грибами. Его тянуло в поле.

Он уходил за огороды, ложился в траву и подолгу слушал звонкое, мелодичное пение жаворонков, парящих высоко в небе. Его завораживало громкое пение, переливающееся звенящим колокольчиком. Ему казалось, что звенит голубое небо. Маленьких сереньких птичек увидеть не удавалось.

Однажды к нему подошёл мальчик его возраста и спросил:

– Ты почему лежишь на сырой земле?

– Слушаю жаворонков.

– Хочешь, покажу их гнездо?

– Хочу! – произнёс Гена и поднялся с земли.

Они пошли по полю. Из низкорослой травы вылетела птичка величиной с воробья. Осторожно подойдя к месту вылета птички, увидели в небольшом углублении, выстланном сухой травой, четыре яичка.

– Яйца трогать нельзя, – сказал Гена, – птичка может бросить гнездо. С гнезда слетела самочка, а самец в небе поёт для неё песни.

– Ты откуда это знаешь?

– У нас в Камышенке все знают.

Незнакомец почувствовал интерес к собеседнику и предложил:

– Давай познакомимся, меня звать Славой.

– Гена.

Ребята пожали руки и направились к посёлку.

– Я живу в крайнем доме, – сообщил Гена.

– Знаю, я тебя видел много раз во дворе.

– А ты где живёшь?

Слава показал рукой на землянку, возвышающуюся над землёй.

Живу с мамой, старшим братом и младшей сестрой.

Между ребятами завязалась дружба, нашёлся общий интерес.

Иван Семёнович застал Гену около навозной кучи с лопатой в руках.

– Чем занимаешься? – Спросил сына.

– Червей копаю.

– Зачем они тебе?

– Пойду со Славой на рыбалку.

– Удочка у тебя есть?

– Нет. Слава обещал дать свою.

– Без удочки не рыбалка. Пойдём в колок искать удилище.

Отец взял плотницкий топорик, и они отправились в лес. Иван Семёнович издали увидел куст черёмухи и направился к нему. Выбрал длинный ровный отросток и срубил его. Очистив его от боковых веток, протянул сыну со словами:

– Дома ошкурим, быстрее высохнет.

По дороге домой они подобрали чёрное перо от хвоста вороны или сороки. Гена гордо шёл с удилищем на плече с чувством признательности и уважения к отцу.

Вот из таких поступков родителей рождается у детей любовь к ним.

Во дворе, отец сказал:

– Беги к матери, попроси крепкую нитку.

Зоя сидела за швейной машинкой и что-то шила. Подбежав к ней, Гена выпалил:

– Папа просит крепких ниток.

– Зачем ему нитки?

– Удочку будем делать?

– Он собирается на рыбалку?

– Я пойду со Славой на рыбалку.

Зоя протянула моток шёлковых ниток и сказала:

– Отмотай, сколько надо.

Гена попытался оторвать нитку. Она не рвалась, а больно врезалась в руки.

– Возьми ножницы и отрежь, – посоветовала Зоя.

Когда Гена вернулся во двор, отец успел ошкурить ветку. Длинные полоски коры валялись у его ног, а удилище сияло белизной в солнечных лучах.

– Принеси пробку, будем делать поплавок, – попросил отец.

Когда Гена принёс пробку, он отрубил половину, проткнул в ней дырку и пропустил через неё нитку. Затем отверстие заткнул пером. Привязав леску к удилищу, протянул сыну:

– Удочка готова, дело за крючком и грузом.

– Крючок мне обещал Слава.

Недалеко от посёлка пятой шахты расположено озеро, из которого вытекает один из притоков Ини, которая повиляв по Кузбассу, устремляется в Новосибирскую область и впадает в Обь.

Слава и Гена сидели на берегу озера и внимательно наблюдали за поплавками. Их удочки лежали на рогульках, воткнутых в землю у уреза воды. Справа поднимался камыш, легонько раскачиваясь под напором слабого ветра. Слева простиралась вода, подёрнутая рябью.

На удилище Гены села голубая стрекоза. Прозрачные крылья подергивались. Видимо, этими движениями она удерживалась на удилище, сопротивляясь порывам ветерка. Её большие круглые глаза выступали в стороны. Разглядывая насекомое, он прозевал поклёвку.

– У тебя клюёт, – крикнул Слава.

Когда Гена перевел взгляд на поплавок, он уже спокойно лежал на воде. Гена не стал делать подсечку, чтобы не спугнуть стрекозу.

«Интересно, видит ли она меня, сидя ко мне спиной», – думал Гена. Чтобы проверить своё любопытство, потянулся к ней рукой. Стрекоза вспорхнула и улетела. Рыбок не знал, что её глаза состоят из множества мелких глаз, называемых фасетками. Она видит во все стороны.

Передавая Зине связку карасей, Гена спросил:

– Мы сегодня видели утку с утятами. Она вела утят из леса через дорогу к озеру. Зачем она водила утят в лес?

– Спроси у отца, он должен знать.

Иван Семёнович стоял у верстака и строгал доски. Сын подошёл к нему и задал тот же вопрос. Отцу понравилась любознательность сына.

– Присядем на лавочку и поговорим, – предложил он.

– Есть утки, которые любят гнездиться в ближайшем лесу. Там пернатым хищникам не видно их яйца и утят, – начал рассказывать Иван Семёнович. – Некоторые утки предпочитают гнездиться в норах и даже в дуплах деревьев.

– Интересно, какие утки гнездятся в дуплах?

– В дуплах обычно гнездятся гоголь и чернеть.

– Как утята слезают с деревьев?

– Выпрыгивают вслед за матерью и парят, как правило, на воду.

Гена остался доволен объяснением отца и побежал к Славе поделиться полученными знаниями.

Каждый поход на рыбалку приносил какой-нибудь интересный сюрприз. На этот раз Гена заметил жука-плавунца, выбирающего из воды по стеблю камыша. Поднявшись на приличное расстояние от воды, он пополз по листу. Лист стал прогибаться под его тяжестью. «Упадёт», – подумал Гена. Жук сорвался с листа. Не долетая до воды, расправил крылья и полетел.

Пришло время Гене идти в школу. Зоя отправляла на учёбу четверых: Миша шёл в пятый класс, Валя и Маша в четвёртый. Она осмотрела детей и осталась довольной их внешним видом. На них были рубашки и платья, сшитые её руками. Валю напутствовала:

– Проследи за Геной. Подведи его к учительнице.

– Хорошо, мама.

Зоя сама не могла пойти в школу с первоклассником. У неё на руках оставались две дочки: Тоня и Галя.

Гена оказался учеником средних способностей. Вёл себя спокойно, в потасовках не участвовал. Одноклассники померяться силами и побороться ему не предлагали, побаиваясь старшего брата Мишу.

После обеда дом многодетной семьи напоминал учебный класс. Дети выполняли домашние задания. Мать не проверяла уроки: она доверяла детям.

По дневникам знала, что лучше всех учится Валя. Иногда подойдёт к ней и спросит:

– Валя, ты выучила уроки?

– Ещё не все.

– Сделай перерыв. Сходи, пожалуйста, за водой.

Дочь поднималась из-за стола и беспрекословно шла выполнять просьбу матери.

По вечерам Иван Семёнович подшивал валенки. Их было много. От старших детей переходили младшим. Ходить в подшитых валенках было удобнее, чем в новых твёрдых. Валя и Маша примеряли валенки и бегали по комнате. Отец натирал дратву варом, прокалывал подошву шилом и протягивал через отверстие дратву с двух сторон.

– Папа, – попросил его Миша, – подшей мне валенки транспортёрной лентой.

– Зачем это тебе?

– Они лучше скользят по дороге.

В школе у ребят были два увлечения: жевать вар и играть в жостку. Вар жевали все, а в жостку играли мальчики, по очереди подбрасывали ногой кусочек меха с грузом из свинца. Очередника стояли кругом и громко считали количество подбросов. Быть чемпионом считалось престижным.

Валя с Машей не удержались от искушения: нашли у отца кусочек вара, разделили пополам, и начали жевать. Вечером Иван Семёнович не нашёл на месте пропажу.

– Куда исчез вар? – громко произнёс он и внимательно посмотрел на девочек.

Те мгновенно перестали жевать, но их раздутые щёки показывали местонахождение вара. Отец отчитал дочек, но наказывать не стал. Он никогда не поднимал на детей руку. Вместе с тем никогда не читал им назидания, но строгий его взгляд давал им понять, что отец сердит и недоволен их поведением. Они воспитывались на примере его трудолюбия, отношения к жене и детям.

Зимой любимым занятием детворы было катание с горки и террикона. После уроков, проходя мимо горки, скатывались на ногах и портфелях. В выходные дни отправлялись к террикону. Там спуски были крутые и с трамплинами. Катались на санках и ледянках. Ледянки готовили так: таз наполняли подстилкой коровы и заливали водой. Туда же опускали концы верёвки. Когда содержимое замерзало, его вытряхивали из таза. Эти ледянки послужили прообразом современных надувных ледянок, которые называют «ватрушками». Ледянки легко катились с горы. Иногда крутились и сбрасывали хозяина в снег. Это доставляло удовольствие для окружающих. Миша нашёл на свалке кусок транспортёрной ленты. Проткнул в ней дыру и привязал верёвку. Он затаскивал ленту на склон террикона, садился на неё, сзади устраивались Валя и Маша. Они скатывались вниз, поднимая вихри снега.

Домой обычно возвращались замерзшими. Валенки всегда были полными снега. Зоя заставляла раздеться, вытряхнуть снег из валенок и залезть на русскую печь. Они ложились на тёплые кирпичи, босые ноги прижимали к горячему дымоходу и быстро согревались. Случаев простуды не было. Если у

кого-нибудь потечёт из носа, мать поила чаем с малиновым вареньем, насыпала в носки горчицы и заставляла в них ложиться спать. При появлении у кого-нибудь из детей кашля дополнительно ставила на спину самодельные горчичники.

Весной все дети любили сосать сосульки. Если у Зоиных ребят начинало болеть горло, а иногда появлялась температура, она лечила их паром сваренной в мундирах картошки. Предлагала сесть на кровать с ногами, ставила между ног чугунок с горячей картошкой, накрывала шубой и заставляла дышать горячим паром. Других способов лечения не применяла, врачей на дом не вызывала. Все дети выросли крепкими и здоровыми.

20

Медицинская комиссия признала Фёдора годным к службе на флоте. Жизнь в селе, физическая работа на свежем воздухе сделали его крепким и сильным юношей.

Новобранцев везли на поезде из Сибири на Дальний Восток. Многие впервые ехали на поезде и удивлялись просторам страны. Они проезжали многочисленные поселки и крупные города. Самым удивительным участком пути был проезд вдоль Байкала. Поезд неоднократно нырял в туннели. Перед станцией Могочи кондуктор объявил: «Скоро будем проезжать мимо бюста товарища Сталина». Все прилипли к окнам. На изгибе дороги машинист подал длинный гудок. На высокой отвесной скале над дорогой увидели белый бюст Сталина.

По преданию в 1935 году трое заключённых обратились к своему начальству за разрешением высечь на скале бюст Сталина. Письмо каким-то образом попало к Сталину. Он написал резолюцию: «Разрешаю».

Работы начались. Один заключенный сорвался с отвесной скалы и погиб. Двое после завершения работ были освобождены из заключения. В 1956 году скала с бюстом была взорвана под предлогом, что возникла угроза обрушения скального массива с бюстом на железную дорогу.

Когда поезд пошёл вдоль Амурского залива, будущие моряки впервые увидели море. Оно голубой гладью простиралось до горизонта. Кто-то произнёс:

– Ни одного парохода.

– Приедем во Владивосток, там увидим тихоокеанские пароходы.

Владивосток им увидеть не довелось. На остановке «Вторая речка» последовала команда выходить и строиться.

В учебном отряде прибывшее пополнение направили в баню, подстригли «под Котовского» и после помывки выдали синюю рабочую форму, называемую робой.

Первое время новобранцы проходили курс молодого матроса: изучали уставы, занимались строевой подготовкой, учились грести на шлюпках и стрелять из винтовки. После принятия присяги стали изучать корабельные специальности. Фёдор попал в группу сигнальщиков. Он изучал флажковый семафор, азбуку Морзе. Он легко запомнил буквы флажкового семафора. Очень

просто было запомнить, что буква «А» изображается руками с флажками, опущенными вниз и разведенными под сорок пять градусов к корпусу тела. Еще проще выполнялась буква «Т». Надо было руки развести в стороны параллельно земле. Сложнее оказалось выучить буквы азбуки Морзе, состоящие из точек и тире. Их надо передавать сигнальным прожектором, открывая и закрывая жалюзи прожектора.

Проходить службу Фёдора направили в Советскою гавань, расположенную на западном побережье Татарского пролива. Группу молодых матросов сопровождал офицер. Добирались до места службы на десантном корабле. Молодым матросам не хотелось покидать верхнюю палубу. Они зачарованно смотрели на корабли, стоящие у причала, на крутой берег, где каскадами поднимались дома.

Десантный корабль вышел из узкой бухты «Золотой рог» на просторы залива Петра Великого, обогнул мыс Поворотный и оказался в Японском море, которое встретило его высокой зыбью – последствием тихоокеанского циклона, пронесшегося здесь недавно. Корабль раскачивало. Нос то поднимался вверх, то стремительно опускался вниз.

Фёдора стало укачивать: он впервые попал в качку. Появилась тошнота, кружилась голова, хотелось лечь и не подниматься на ноги. У некоторых матросов появилась морская болезнь, и они постоянно бегали в гальюн.

На вторые сутки качка прекратилась. Корабль шёл вдоль берега Татарского пролива. Стояла ясная, тёплая погода. В воздухе носились чайки, с воды взлетали морские утки. Мелкие улетали в море, а крупные жирные бакланы, отлетев недалеко, падали на воду.

Фёдор стоял у борта, положив руки на натянутый трос леерного ограждения. Он любовался высокими красивыми берегами горной системы Сихотэ-Алинь. Проходящий мимо офицер сделал ему замечание:

– На леера опираться нельзя.

– Извините, я не знал.

Офицер остановился и спросил:

– Вы прошли курс молодого матроса?

– Так точно! – произнёс Федор, вытянувшись по струнке.

– Так как надо было ответить?

– Слушаюсь. Так точно.

– Правильно, – улыбнулся офицер и удалился.

Корабль обогнул мыс Путятина, прошёл вдоль полуострова Меньшикова и вошёл в юго-западную бухту. Здесь у причалов и на рейде стояли боевые корабли: эскадренные миноносцы, тральщики, торпедные катера и другие.

Новобранцы толпились на палубе, разглядывая корабли и постройки на берегу. Фёдор внимательно рассматривал корабли и думал: «На каком из них мне придется служить?». Неожиданно для новичков их корабль повернул к галечной косе и упёрся носом в берег. Его тупой нос стал отваливаться от бортов и опустился на гальки, образовав широкий трап для выхода из трюма на берег. Новобранцы беспорядочной толпой выходили на берег и строились в две шеренги.

Нести службу Фёдора определили на тральщик. На корабле его встретили приветливо. Особенно обрадовался старшина первой статьи Щербаков. Ему пришло время демобилизоваться, но его задерживали до прибытия замены. Он показал Федору его место в кубрике и повёл на ходовой мостик. «Здесь твой боевой пост, – сказал старшина, – вот флажки, бинокль, флаги расцвечивания, прожектора левого и правого борта. Во время похода твоя задача – следить за обстановкой в море и докладывать командиру. Теперь пойдём к боцману, он покажет тебе корабль».

Во время первого выхода в море на боевое траление Фёдор слегка волновался, на мостике рядом стояли командир корабля и офицеры. Он глянул на старшину, который сосредоточенно смотрел на головной корабль, и успокоился. Корабли шли кильватерным строем. На головном тральщике сигнальщик замахал флажками над головой. «Ответь, что готов читать», – приказал старшина. Фёдор вскочил на приступок для сигнальщиков и замахал флажками над головой. «Приготовиться к постановке трала», – прочитал он.

Ответьте, – приказал командир, – «к постановке трала готов!»

Во время войны в Татарском проливе все подходы к бухтам были заминированы. Существовала опасность нападения японских кораблей и подводных лодок. Разминирование продолжалось до середины пятидесятых годов прошлого века.

Фёдора не тяготила однообразная жизнь на корабле во время стоянок: побудка, зарядка, уборка, учёба. Замполит регулярно проводил политинформации. Он говорил не только о международных событиях, но и рассказывал о Дальневосточном крае, об исторических событиях и знаменитых мореплавателях.

Впервые залив «Советская гавань», закрытый со всех сторон высокими горами, в 1853 году посетили участники Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Залив был прекрасным местом для стоянки флота. Его нарекли Императорской гаванью. На берегах залива проживало около пятидесяти местных жителей – орочей. Они ютились в десяти домах, разбросанных в пяти местах по бухтам залива. Жителям было вручено официальное письмо на русском, немецком и английском языках, в котором указывалось, что Императорская гавань принадлежит России. На мысу был основан Константиновский пост, а в бухте – первое русское поселение.

В мае 1854 года парусный фрегат «Паллада» с посольством возвращался из Японии. Возглавлял посольство вице-адмирал Е. В. Путятин, а секретарём был писатель И.А. Гончаров. В Татарском проливе «Палладу» встретила паровая шхуна «Восток», командир которой сообщил Е.В. Путятину, что Англия и Франция объявили войну России, началась Крымская война. Чтобы не встретиться в море с неприятелем, Е. В. Путятин принял решение зайти в Императорскую гавань.

Вскоре англо-французская эскадра зашла в Авачинскую губу Камчатки. Они пытались захватить Петропавловск-Камчатский, но получили достойный отпор и убрались восвояси. Оборону города возглавлял начальник сухопутных и морских сил Амурского края генерал В. С. Завойко. По его приказу фрегат

«Паллада» был затоплен в бухте «Постовая», дабы не достаться противнику. Вскоре вражеская эскадра побывала в «Императорской гавани», но российского флота не застала. Англичане разрушили Константиновский пост и удалились, чтобы больше никогда не появляться в этих водах.

Матросы с интересом слушали замполита и ждали следующих бесед.

В очередной день увольнения с кораблей, стоящих у плавучего пирса, по длинным трапам потекли цепочки матросов. На них любо было смотреть: бескозырки набекрень, стрелки брюк тщательно отглажены, бляхи ремней, надраенные пастой, сияли на солнце зайчиками, ботинки начищены до блеска. Большинство направились на причал, чтобы на морском трамвайчике поехать в город. Фёдор присоединился к сослуживцам, направляющимся в посёлок Майский. Стояло прохладное лето, светило солнце, но жары не было – редкая погода для этой местности. Чаще идут дожди и стоят туманы.

Матросы шли по каменистому берегу вдоль воды. Возле уреза лежали морские водоросли и ракушки, выброшенные волнами. Под ногами попадались дырчатые камни пыльно-розового цвета. Это была пемза вулканического происхождения. Неожиданно матрос, шедший впереди, быстро сунул руку в воду и прижил ко дну небольшого краба. Затем вынул из воды и показал товарищам, как надо правильно держать его за корпус, чтобы он не вырвался и не ущипнул клещами за палец. Краб перебирал конечностями и сердито пощёлкивал, пока не был отпущен в воду.

Ещё издали матросы увидели на камнях нерп. Они как брёвна валялись на отмели и грелись на солнце. Животные позволили подойти довольно близко. Когда до них оставалось метров десять, заковыляли к воде и нырнули. Здесь на них никто не охотился, и они привыкли к людям. А вот на Чукотке нерпы являются одним из главных объектов промысла для местных жителей. Там подойти к ним сложно.

На склоне к заливу росли лиственницы. Матросы направились по хорошо натоптанной тропе, покрытой плотным слоем хвои, пружинившей под ногами. Она привела в поселок Майский. До их слуха донеслась мелодия вальса. По воскресеньям в клубе устраивались танцы.

Войдя в клуб, Фёдор не успел осмотреть зал, как к нему, словно на крыльях, лёгкой походкой подлетела стройная блондинка.

– Я думала ты не придёшь.

Голубые глаза светились радостным блеском.

– Здравствуй, – произнёс Федор и дотронулся до её плеча.

– Почему долго не приходил?

– Мы были в плавании.

После нескольких танцев в душном помещении, они вышли на свежий воздух.

– Пойдём погуляем, – предложил Фёдор.

– Идём, – согласилась Тома.

– Я получил письмо от отца.

– Интересно, что пишет?

– У нас большое горе.

– Что случилось?

– Скончалась бабушка, у которой я жил после смерти мамы.

Они молча подошли к протоке реки Май. Посёлок Майский получил название от реки. На языке орочей река называлась Маа. На её берегу построена ГРЭС для обеспечения электроэнергией объектов военно-морского флота. Тома работала на ней диспетчером.

Фёдор снял бушлат, постелил недалеко от воды, и они уселись рядом, прижавшись друг к другу.

– Что ещё тебе пишут из дома? – спросила Тома.

Он достал письмо из нагрудного кармана и стал читать.

После прочтения письма, Федя произнёс: «Теперь не знаю, куда ехать после демобилизации: в деревню или в город».

– Ты бросишь меня и уедешь? – грустно произнесла Тома.

– Не переживай, я тебя никогда не брошу, – произнёс Фёдор, обнял и крепко поцеловал.

В протоке раздался плеск и шелест, масса горбуши шла на икромёт. На мелководье их спины виднелись над поверхностью воды. Рыба торопилась на икромёт, выполнить предназначенную ей роль в жизни – произвести потомство. Тамаре захотелось, чтобы у неё с Федей тоже появились дети.

21

В стране в послевоенные годы происходили большие изменения. В 1947 году отменили карточную систему и провели денежную реформу. Устанавливались единые розничные государственные цены на продовольственные и промышленные товары. В последующие несколько лет регулярно проводились снижения розничных цен на товары народного потребления.

Денежная реформа предусматривала обмен десяти рублей старых денег на один рубль новых. Накоплений у шахтёров не было. Излишки заработанных денег они направляли в Фонд обороны. Уже в первые дни войны жители Прокопьевска провели массовый субботник по сбору металлолома. Вырученные двенадцать тысяч рублей направили в Фонд обороны. На средства из Фонда обороны были построены десятки единиц боевых самолётов и танков.

Жители Кузбасса спокойно обменяли имеющиеся на руках деньги, ничего не потеряв. Цены на товары в магазинах также были снижены в десять раз.

Пришло время собирать Валю и Машу в школу. Зоя по тем временам считалась образованным человеком. Она успела закончить четыре класса церковно-приходской школы. Родители хотели, чтобы она продолжила образование, но неожиданно скончался отец, и мать не в состоянии была отправить её из дома на учёбу. В хозяйстве требовался помощник. Зоя учила считать девочек играючи. Бывало, копая морковку, скажет:

– Валя, брось мне две морковки, а ты, Маша, три.

Затем возьмёт морковки в руку и спросит:

– Кто первой отгадает, сколько морковок у меня.

По вечерам обычно читала детям книжки. «Чук и Гек» – первый рассказ Гайдара, который она прочитала детям. Когда повествование дошло до грустного момента: ямщик привёз мать с детьми в тайгу, где не оказалось людей, у Вали потекли слёзы. Ей очень понравился рассказ. Она часто брала книжку в руки, смотрела картинки, вспоминая содержание.

– Мама, почему я не могу прочитать книгу?

– Потому, что ты не знаешь букв.

– Научишь меня читать?

– Конечно.

Зоя начала учить девочек писать буквы. Валя с желанием учила грамоту и оказалась прилежной ученицей, а Маша не проявляла большого интереса и всегда старалась увильнуть от занятий. Зато с удовольствием помогала по хозяйству.

Зоя постоянно думала: «В чём отправлять дочерей в школу?» Их платья износились и выцвели, стали короткими. Она уже собралась перешить свои платья, как вдруг Иван Семёнович принёс отрез синего ситца в белый горошек. Её радости не было предела. Зоя не стала спрашивать, где достал материал, обняла и поцеловала мужа.

– Девочки! – крикнула она, выйдя на крыльцо. – Идите в дом.

– Зачем?

– Сейчас узнаете.

Девочки вбежали в дом.

Мать развернула перед ними отрез ткани и набросила на девочек. Они запрыгали от радости.

– У нас будут новые платья! – кричали они.

– Я хочу платье с крылышками, – сказала Валя.

– А я хочу рукав фонариком, как у Люси, – попросила Маша.

– Маша, вставай первой ближе к окну. Буду снимать с тебя мерку.

Она подошла к окну и стала стягивать платье.

– Зачем ты раздеваешься?

– Ты же сказала снимать мерку.

Зоя рассмеялась, подошла к дочери и обняла её. Затем сантиметром измерила объём груди, талии и длину будущего платья. Шить она научилась у своей матери, от которой в наследство осталась ручная швейная машинка немецкой фирмы «Зингер».

Примерка платьев девочкам доставляла большое удовольствие. Они кружились по комнате.

– Осторожнее, егозы, – предупредила мама, – лопнут нитки намётки, и останетесь без платьев.

Перспектива остаться без платьев их не устраивала, и они прекратили кружиться.

В школу девочки пошли в новых платьях. Они выделялись яркой окраской на фоне одежды остальных детей. В то время в школах не было единой формы

одежды. Дети носили разнообразную одежду, часто доставшуюся от старших братьев и сестёр.

Родители первоклашек подводили детей к пожилой учительнице Кларе Ивановне и обнимались с ней. Они когда-то были её учениками, и вот теперь привели к ней своих детей.

Зоя подвела девочек к учительнице и напутствовала их: «Во всём слушайтесь Клару Ивановну. Она не успела поговорить с учительницей, как раздался чей-то громкий голос, призывающий к построению на линейку. После небольшой речи директора школы старшеклассник посадил на плечо девочку, которая звонила в колокольчик, извещая первым звонком о начале нового учебного года.

Родители первоклашек обратили внимание на нарядных девочек. Возвращаясь домой, они стали спрашивать у Зои:

– Где купила платья?

– Сама сшила.

– Ты умеешь шить?

– Умею.

– Можешь сшить мне платье?

– Могу, приходи с материалом.

Зоя стала известной портнихой в посёлке. У неё не было отбоя от клиентов. К ней шли для пошива детской и взрослой одежды. Не обходилось, конечно, и без казусов. Приходит однажды соседка и говорит:

– Скрои мне платье, а сошью его сама. У меня есть швейная машинка.

Через некоторое время возвращается с претензией:

– Ты неправильно скроила платье, испортила материал.

– Почему неправильно?

–Посмотри, что получилось. Не умеешь кроить – не надо браться.

Зоя взяла в руки шитье и увидела, что незатейливая портниха перепутала местами полы. Она распорола его и сострочила платье. Соседка была удивлена. Не извинившись, спросила:

– Сколько я тебе должна?

– Нисколько!

После рождения второго ребёнка Зоя уволилась с работы. Большая семья требовала постоянного её внимания. Шитьё стало для неё дополнительным доходом для семьи.

22

Фёдор сообщил о своём намерении приехать в Кузбасс. Зоя подготовилась к встрече, но всё же его приезд для неё оказался неожиданным. Она строчила на швейной машинке, выполняя чей-то срочный заказ, Маша и Валя учили уроки, Иван Семёнович ещё не пришёл с работы.

По улице посёлка шла молодая пара с чемоданами в руках и рассматривала номера домов. Мужчина в бескозырке и со значками на груди привлекал внимание жителей. Они провожали взглядами красивого стройного моряка. Многие за свою жизнь не видели морской формы.

Фёдор и Тома подошли к крайнему дому и через калитку вошли во двор. К ним подбежали две девочки. Тоня спросила:

– Вы к кому?

– К вам, – ответил Фёдор.

– Кто вы будете?

– Это ваш брат, – пояснила Тома.

Девочки со всех ног помчались в дом.

Мама, мама, – закричали обе, – к нам приехал брат.

В это время Фёдор и Тома переступили порог.

– Добро пожаловать, мы вас давно ждём, – произнесла Зоя, подошла к молодой паре и обняла сначала Тому, затем Фёдора.

– Раздевайтесь и присаживайте к столу, это ваш дом. Сейчас напою вас чаем. Скоро придет отец с работы – будем ужинать.

Из соседней комнаты вышла Маша и бросилась к брату. Он обнял её, поцеловал и произнёс:

– Как ты быстро выросла, сестрёнка, встретив на улице, я бы тебя не узнал.

– Валя, беги к дяде Степану, скажи, что Фёдор приехал, – крикнула Зоя.

Валя встала с места и моментально отправилась к двери.

Федя по шагам в коридоре понял, что идет отец и поднялся из-за стола. Иван Семёнович, войдя в дом, увидел сына в морской форме. По его взгляду понял, что сын сильно изменился. Взгляд был насторожённый и вопросительный. Не тот колючий, с которым он разговаривал с отцом на телеге, когда вез его из Камышенки.

– Здравствуй, сын, – сказал отец и, подойдя к нему, протянул руку.

По крепкому рукопожатию понял, что примирение состоялось. Он кивнул головой снохе и произнес: «Рад, что у сына такая красивая жена». Заметив полнеющее тело молодой женщины, подумал: «Скоро буду дедом».

За столом всё внимание уделялось Фёдору. Сёстры с восхищением смотрели на него и на значки на его груди.

– Сын, расскажи, как служба прошла? – попросил отец.

– Служба – есть служба. Однообразие. Елиедождался демобилизации.

– Неужели не было интересных случаев?

– Были, – вмешалась в разговор Тома.

– Федя, расскажи, – затараторила Маша.

«Стояли мы на брандвахте при выходе в Татарский пролив, – начал рассказывать Фёдор. – На мостике находились я и вахтенный офицер штурман Лыжин. Вахта была «предсобачьей». «Собачья вахта» начинается с нуля часов. Подул сильный ветер с зарядами снега, небо затянуло тучами. Быстро стемнело. На корабле зажгли наружное освещение. Ветер сорвал тральщик с якоря, и он стал дрейфовать в сторону Татарского пролива. Вахтенный офицер вызвал швартовочную команду и приказал травить якорную цепь. Дрейф прекратился. Я до службы на флоте думал, что корабль на рейде удерживает только якорь. Оказалось его вес ничтожен по сравнению с весом якорной цепи. Её длина у нашего корабля сто пятьдесят метров.

В какой-то момент услышал крики людей и сквозь непогоду увидел вспышки огней. Доложил вахтенному офицеру:

– Товарищ старший лейтенант, слышу крики людей справа по борту.

– Освети прожектором.

Лучи прожектора пробивают тьму и высвечивают лодку с тремя людьми, уносимую ветром из залива. Офицер доложил командиру и подал команду:

– Баркас моторный на воду!

Когда баркас с матросами запрыгал на волнах около борта тральщика, штурман прыгнул в него. Взревел мотор и баркас отвалил от борта. Я прожектором освещал направление дрейфа лодки.

В лодке оказались двое мужчин, женщина и ящик водки. Они кричали до хрипоты, мочили одежду бензином и поджигали, чтобы привлечь к себе внимание. Эти люди отправились на моторной лодке в город за зельем. Купили его целый ящик. На обратном пути слабенький моторчик отказался работать и их понесло ветром.

Наш катер отбуксировал их к плавбазе, стоящей у берега недалеко от места происшествия. В награду спасённые вручили спасателям две бутылки водки. Она была передана командиру корабля. Ни штурман, ни я эту водку не пробовали».

– Интересно служить на флоте, – воскликнул Гена, а почему вахта называется собачьей?

– Представь себе: только ты уснул, а тебя будят, в любую погоду надо подниматься на ходовой мостик.

– Когда подойдёт срок призыва, попрошусь служить на флот.

– Не советую, – сказал Фёдор.

– Почему?

– В сухопутных войсках служба короче, и штормов не бывает.

Ваня, – заговорил брат Степан, – мы здесь с Федей многое обсудили, пока ты был на работе. Он согласился пойти работать на нашу шахту.

– Профессия шахтёра почётная и денежная, – согласился Иван Семёнович.

23

Шахте требовались рабочие. Страна нуждалась в угле. Фёдора приняли горным рабочим в забой и предоставили комнату в общежитии. Прежде чем приступить к работе, прошёл краткие курсы обучения и месяц практики.

Комната в общежитии оказалась небольшой. В ней стояли стол, кровать и два стула. Тома радовалась возможности быть хозяйкой хоть и не в собственном жилье. Она вспомнила поговорку: «С милым и в шалаше рай». Дни проживания у свёкра в многодетной семье доставляли ей дискомфорт, хотя все к ней относились хорошо. Особенно привязались Маша и Валя. Тома не была строгой, как Зоя и вела себя с ними, как с равными.

Тамара не могла сидеть в одиночестве в комнате, ожидая Федю с работы. Она каждый день приходила к Зое, чтобы помочь ей по хозяйству. В очередной приход попросила совета:

– Мне хочется устроиться на работу, куда посоветуешь?

– С мужем советовалась?

– Федя сказал: «Тебе скоро рожать, моего заработка нам вполне хватает».

– На шахте много специальностей, не связанных с физическим трудом. Поговори ещё раз с Фёдором.

Вскоре Тома стала работать табельщицей. Она была в курсе событий на шахте, у неё с мужем появились общие знакомые и разговоры.

В назначенный природой срок родила девочку Наташу, через год мальчика Вову.

Шахтоуправление выделило многодетной семье двухкомнатную квартиру на втором этаже двухэтажного дома. Через год Тамара родила девочку Свету.

Семья жила дружно и счастливо. Заработок шахтёра позволял не отказывать ни в чём ни себе, ни детям. Тома часто с детьми навещала родственников. Иногда оставляла их у бабушки, когда требовалось отлучиться по делам. Дед очень любил внуков, а Зоя баловала подарками и шила им наряды.

Семейная идиллия закончилась через пять лет после поступления Фёдора на работу. В шахте произошёл обвал, и он погиб вместе с другими шахтёрами.

На похороны собрался почти весь посёлок. Каждая семья была связана с добычей угля. Шахтёры на плечах несли гробы, грузовая машина была переполнена венками. Похоронный марш разрывал душу Томы. Её ноги подкашивались. Маша и Валя вели её под руки. На похороны прилетела мать Тамары Вера Викторовна.

Зоя осталась дома с детьми. Она готовила поминальную трапезу.

За столом велся невесёлый разговор.

– Я предлагала Феде и Томе остаться в Советской гавани, – произнесла Вера Викторовна, – но они наотрез отказались. Здесь произошла трагедия.

– Не надо их винить, – перебил её Степан Семёнович, – это судьба. О покойном нельзя говорить плохо.

– Я не говорю плохо, а беспокоюсь о внуках.

– Мы поможем поднять детей, – произнёс Иван Семёнович, – Тома переедет к нам, здесь много нянек.

– Нет уж, – возмутилась Вера Викторовна, – я увезу их в Советскую гавань. У вас на улице дышать нечем, а там чистейший воздух.

Это должна решить Тома: где ей лучше жить с детьми, – сказала Зоя.

Отметив девять дней со дня кончины Фёдора, Тома с матерью и детьми покинула Кузбасс.

Иван и Зоя с тяжёлым чувством на душе провожали их. Они понимали, что вряд ли когда-нибудь увидят внуков, которых любили и сильно привязались к ним.

24

После похорон сына Иван часто стал задумываться: всё ли он сделал для своих детей. Ему очень хотелось, чтобы они получили образование. В памяти перебирал школьные годы каждого.

Миша в пятом классе остался на второй год и стал учиться в одном классе вместе с сёстрами. Его место за партой было позади сестёр и позволяло подглядывать в их тетради. Валя любила математику и всегда первой решала задачки на контрольных работах. Миша себя сильно не утруждал и списывал у неё решения.

Он был старше одноклассников и частенько отпускал им тумаки. Как-то сосед по парте дернул за косу Машу и моментально получил удар в ухо. Шлепок звонко разнёсся по классу. Учительница подняла голову и строго спросила.

– Кто дрался?

– Я, – произнёс Миша.

– Неси дневник.

Зоя, увидев двойку за поведение, спросила сына:

– За что тебе поставили двойку?

– Лёшка дергал Машу за косу.

– Ничего не пойму. За косу дёргал Лёша, а двойку поставили тебе?

– Я ему в ухо заехал.

– Почему не сказал учительнице?

– Я не ябеда.

Миша любил сестёр и никогда не давал их в обиду.

Валя училась лучше всех. Для неё получить тройку было трагедией. Она иногда приходила домой из школы с мокрыми глазами.

– Что случилось? – спрашивала мать.

– Мне поставили тройку.

– Учи уроки лучше, на следующем уроке исправишь.

25

Окончив седьмой класс, Миша пошёл учиться в техническое училище. На новогоднем вечере познакомился с Людой. Она училась на бухгалтерском отделении, была скромной, тихой, незаметной девочкой. Чуть курносый носик придавал простодушное выражение. На вечерах танцев иногда с ней танцевал. Встречаясь в столовой, здоровался, не проявляя интереса к встречам за пределами училища. После окончания училища получил профессию токаря широкого профиля. По достижении восемнадцати лет был призван в армию.

После трёх лет службы в армии вернулся домой и поступил работать в центральные механические мастерские токарем. У него проявились хорошие способности. Из куска металла он мог выточить любую деталь. Ему поручали вытачивать самые сложные детали. Однажды в столовой увидел за столом Люду. Поставил на поднос комплексный обед и подсел к ней за столик. У неё ложка застыла на полпути ко рту. Она с удивлением посмотрела на него. Миша спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Обедаю.

– Я о другом спрашиваю.

– Работаю в бухгалтерии, а ты как здесь оказался.

– Отслужил в армии, поступил на работу.

После нескольких коротких вопросов и ответов Люда опустила глаза и продолжила обед. Миша последовал её примеру. Обед мешал разговаривать, но появилась возможность внимательно рассмотреть её. Перед ним сидела не та худенькая девочка, которую он помнил по училищу, а взрослая девушка с пышной грудью, которой перевалило за двадцать лет. В глубине голубых глазах появилась уверенность и любопытство. Он перевёл взгляд на её руки. Обручального кольца не было. «Видимо, незамужем», – подумал Михаил. В его груди всколыхнулись воспоминания об учёбе в училище. В центре их была простенькая девочка, на которую никто не обращал внимания. И вот сейчас перед ним сидела возмужавшая девушка, которая напомнила о давно забытых событиях.

Они каждый день встречались в столовой. Через несколько дней Миша пригласил Люду в кино. Она согласилась. После этого дня они стали встречаться и вместе проводить свободное время.

Зима наступила с большими снегами и ледяными холодами. Дни стали короткими и мрачными. Над посёлком висел зимний туман насыщенный копотью, через который мерцанием пробивался свет фонарей на столбах.

Миша с Людой возвращались из кино. Мороз не заставил себя долго ждать, стал пробираться под их одежду.

– Собачий холод, – произнёс Михаил.

Он не знал, почему холод собачий. Такие слова часто слышал от бабушки.

– Сейчас бы прижаться к тёплой печке, – поддержала его Люда.

– Зайдём к нам, погреемся, а позже провожу тебя домой, – предложил Михаил.

– А это удобно?

– Конечно, удобно, познакомишься с моими родителями.

В доме стояла жара, в печке потрескивали дрова. Иван Семёнович сидел на низеньком стульчике спиной к печи с валенком в руках и ковырял в нём шилом. В зубах держал чёрную, просмолённую варом дратву. Из соседней комнаты доносился звук швейной машинки.

Иван Семёнович оторвался от работы и поднял глаза на вошедшую пару в дом. Люда увидела в них удивление и вопрос. На стук двери Зоя прервала работу и вошла в прихожую, которая служила кухней, столовой и рабочим местом Ивана Семёновича. Вслед за ней выбежал мальчик лет шести.

– Добрый день, – произнесла Люда, – извините за внезапное вторжение.

– Мы зашли погреться, – сообщил Миша, – на улице страшный холод. Это Люда, я вам о ней рассказывал.

– Раздевайтесь, проходите к столу, – предложила Зоя, – напою вас чаем.

– Тебя как звать? – спросил Толик, обращаясь к Люде.

– Толя! Сколько раз я тебе говорила, что к взрослым людям надо обращаться на вы, – сделала замечание мать.

Зоя поставила к чаю пресные сладкие калачики, которые очень любили её дети и называли их каральками. Угощая Люду, Зоя расспрашивала о её

родственниках. Ей удалось выяснить, что та живёт с родителями. Младшая сестра вышла замуж и живёт отдельно от родителей.

Весной Миша и Люда поженились. Свадьбу играли два дня. Первый день у Сидоренко, второй – у родителей Люды. Они радовались больше молодожёнов. Их покинуло беспокойство за дочь. Младшая дочь давно вышла замуж, а старшая не блистала красотой и могла остаться старой девой.

Молодожёнам не хотелось зависимости от родителей, хотелось начать совместную жизнь самостоятельно. Они сняли комнату и переехали от родителей. У Миши оказался мягкий спокойный характер. Люда старалась во всём ему угождать. У них сложилась счастливая семейная пара. Вместе ходили на работу и с работы. По дороге рассказывали друг другу о событиях прошедшего дня. Через год у них родился сын Виталий. Предприятие предоставило молодой семье однокомнатную квартиру. В те годы это было обычным событием. Предприятия обязаны были обеспечивать своих работников жильём. Тем не менее, оно доставило большую радость. К новоселью родители подарили мебель для обустройства квартиры.

На работе Михаила ценили сослуживцы и начальство. Михаил работал токарем высшего разряда. Он мог выточить не только болт и гайку, а любую деталь сложной конфигурации. Помимо основной работы, у него всегда были заказы от приятелей. В магазинах не было запасных частей к автомашинам. В шестидесятых годах прошлого века брать деньги с друзей за работу считалось крохоборством. Единственным мерилом любой выполненной работы считалась бутылка водки. Она, как правило, тут же распивалась.

Как-то подошёл к нему начальник соседнего цеха и спросил:

– Михаил, сможешь изготовить замок для гаража с секретом.

– С каким секретом?

Тот рассказал, какой замок он хочет иметь.

Михаил вспомнил, что видел такой замок в магазине. В выходной день сходил и купил. Когда вручил его заказчику, тот выставил на верстак бутылку водки. Замок стоил в несколько раз дороже.

Людмиле очень не нравилось, что муж стал приходить с работы выпившим. В силу своего характера, она не ругалась, а спрашивала:

– Почему выпивший?

– Был калым.

– Какой прок семье от твоего калыма?

– Не понесу же я домой бутылку водки.

– Ещё чего не хватало.

– Вот видишь, сама понимаешь.

Люда очень обрадовалась, когда Михаил предложил ей записаться в очередь на покупку автомашины. Она подумала: «Будет водить машину – перестанет пить».

– Где мы возьмём деньги на покупку машины? – спросила мужа.

– Пока подойдет очередь, накопим.

– Каким образом?

– Мне предлагают в свободное время заняться ремонтом машин. Там платят очень хорошие деньги.

– Так ты их пропьёшь.

В выходные дни и по вечерам Михаил занимался ремонтом машин. Он оказался хорошим не только токарем, но и костоправом. В семье появились дополнительные деньги.

Михаил подогнал к дому купленные «Жигули» и поднялся в квартиру.

– Кто хочет прокатиться на машине? – спросил он.

Виталий от радости захлопал в ладоши. Лида, не выразив бурных эмоций, произнесла:

– Пойдём посмотрим.

Виталий обошел вокруг машины, открыл дверцу и уселся на переднее сидение.

– Это место мамы, – сказал отец, – дети должны ездить на заднем сидении.

Сын перебрался на заднее сидение и спросил:

– Куда поедем?

– Надо навестить дедушек и бабушек.

В очередной выходной день Миша предложил поехать в лес за грибами.

26

Солнце клонилось к закату, стоял теплый июньский день. Михаил возвращался домой из гаража в прекрасном настроении, под впечатлением проведённого времени с друзьями. Он помог соседу по гаражу отрегулировать зажигание на стареньком жигулёнке. Тот в благодарность за помощь достал из погреба солёные огурчики, помидоры и, конечно же, бутылочку белой. Подошли приятели-автолюбители, и они прекрасно провели время, обсуждая наболевшие вопросы. Лёша Зонов прочитал где-то услышанное стихотворение.

Все дружно смеялись, но Лёшу предупредили, чтобы был осторожен с чтением этого стихотворения. Он никогда не учил стихи – не мог запомнить слова, но это читал без запинки, представляя на трибуне руководителя страны.

Михаил шёл по знакомой улице, слегка пошатываясь, вспоминал отдельные моменты разговора, в нём бурлили чувства товарищества и любви к людям, с которыми можно говорить на любые темы. Его внимание привлёк черный щенок у забора. Он присел около него и спросил: «Ты чей?» Щенок слегка заскулил. «Как ты здесь оказался?» Щенок молчал. Михаил протянул руку и погладил его. Рука ощутила дрожь в худом теле малыша. Пёсик был чёрной масти, с висячими ушами. Чёрные, как уголь, глазёнки испуганно смотрели на человека. «Пойдём ко мне домой», – предложил Михаил. Щенок не мог ответить на предложение. Михаил взял его в руки, засунул за пазуху и продолжил путь.

Поднимаясь на четвертый этаж многоквартирного дома, Михаил обдумывал разговор с женой. Она не любила, когда он возвращался домой выпившим. Люда встретила его вопросом:

– Почему так поздно?

– Помогал Николаю ремонтировать машину.

Жена уловила запах алкоголя и произнесла:

– Вижу, в чём помощь заключалась! Ваш гаражный кооператив – сборище алкоголиков!

Михаил достал из-за пазухи щенка и опустил на пол. Люда прервала речь. Её глаза от удивления расширились. Она произнесла:

– Это что такое?

– Щенок.

– Вижу, что щенок. Он же будет пакостить, его надо выгуливать. Я тебе в этом деле не помощник.

Услышав разговор родителей, из соседней комнаты вышел сын Виталий и, увидев щенка, произнёс:

– Какой хороший пёсик! Папа, это мне? Как мы его назовём?

Михаил задумался, затем произнёс:

– Назовем его Рэтом.

– Почему Рэтом?

– Недавно шёл по телевидению сериал, в котором героя звали Рэт Баклер. Мне кажется, щенок похож на Рэта.

– Разве может собака походить на человека? – удивился сын.

– Ты посмотри на выражение его глаз. Они, как и у человека, выражают его чувства.

Недовольная Люда не проронила больше ни одного слова, ушла на кухню. Вскоре раздался её голос:

– Есть будешь?

– Что на ужин?

– Жареная картошка с котлетой.

– Положи одну котлету.

Михаил прошёл на кухню, помял вилкой котлету и поставил тарелку перед Рэтом. Супруга возмутилась:

– Ты собираешься кормить собаку котлетами?

– Завтра куплю для него корм.

Он дождался, когда щенок вылизал тарелку, подхватил его под живот и произнёс:

– Пойдем спать.

Невозмутимая всегда Люда закричала им вслед:

– Не вздумай ложиться с собакой в кровать!

Михаил улёгся на ковре перед кроватью, прижал к себе Рэта и уснул.

Между ними завязалась дружба. Хозяин постоянно брал щенка с собой в гараж, на дачу, в лес. Ни одна поездка на машине не обходилась без Рэта. Спал Рэт на ковре около кровати Михаила, уткнувшись носом в руку, опущенную с кровати. Он очень скоро научился понимать интонацию в разговоре людей. Хозяин всегда разговаривал с ним ласково и гладил по голове. Хозяйке не нравилась их дружба. Её возмущало поведение мужа. Он собаке уделял больше внимания, чем ей. Кипевшую внутри обиду старалась выместить на Рэте. Если

он днём заходил в спальню и ложился на ковёр, она грубо произносила: «Пошёл вон, от тебя летит шерсть!» Рэт поднимался и шёл к наружной двери ожидать хозяина. Услышав его шаги ещё на первом этаже, вскакивал на лапы и радостно вилял хвостом. Когда открывалась дверь, бросался к ногам хозяина, его глаза светились радостью.

Михаил обнимал и гладил любимца, затем шёл обнять жену. В ней росло возмущение: «Первой обнимает собаку, а затем идёт ко мне». Она протягивала перед ним руку и произносила: «Гладил собаку, а затем лезешь ко мне. Вымой сначала руки».

Муж мыл руки, но к жене уже не подходил. Между супругами образовалась трещина, которая с каждым днём расширялась.

Михаил стал чаще приходить домой выпившим. Люда, всегда спокойная и тихая, стала устраивать скандалы, у неё изменился характер. Алкоголь и собака испортили между ними отношения. При ссорах Рэт принимал сторону хозяина, подходил к нему и рычал на хозяйку. Она возмущенно кричала:

– Когда ты уберёшь из дома эту собаку?!

– Никогда, – отвечал муж, шёл в спальню и ложился на ковёр. Пёс устраивался рядом.

Рэт вырос в собаку средней величины, похожую на лабрадора. Его преданность не имела границ. Во время прогулок не отходил от Михаила, готовый в любой момент защищать его. Когда хозяин работал в гараже, он никого не пускал в гараж без его разрешения.

Он прожил более десяти лет. На голове и спине появилась седина, которая не старила, а украшала его. У хозяина появилась гипертония. Как-то он менял клапана двигателя на машине племянника. Помощи от него не было, только отвлекал от работы. «Коля, иди домой, – предложил Михаил, – я сам закончу работу. Завтра придёшь – машина будет готова».

Утром племянник увидел его лежащим на заднем сидении. У него случился инфаркт. Он скончался, не дожив до пенсии трёх лет.

Хоронили Михаила из частного дома родителей, который находился недалеко от кладбища.

Собака потеряла покой и аппетит. Выгуливать её стал Виталий. С каждой прогулки Рэт убегал. Его путь лежал к гаражу. Не найдя там хозяина, бежал к дому его матери. Обследовав всё подворье, и не почуяв запаха хозяина, отправлялся на кладбище. Домой возвращался иногда через день. Когда он окончательно исчез, Виталий отправился на поиски и нашёл его скончавшимся на могиле отца. У юноши покатились слёзы. Как в тумане побрёл к бабушке, взял лопату и похоронил Рэта рядом с могилой отца. Возвращаясь домой, думал: «Тетерь их ничто не сможет разлучить».

27

Уроки сёстры обычно готовили вместе. Валя помогала Маше решать задачки по математике. Зато Маша быстрее заучивала стихи. После седьмого

класса она пошла учиться на швею, затем стала работать в швейной мастерской. Однажды у неё испортилась ножная швейная машинка. Бригадир вызвал мастера. Им оказался молодой симпатичный парень. Он осмотрел машинку, встал на колени и заглянул под неё. Выбираясь из-под машинки, его взгляд скользнул по ногам швеи. Они были стройны и изящны, как у балерины. У него затрепетало в груди. Встав на ноги, внимательно посмотрел на обладательницу стройных ног. Перед ним стояла симпатичная молоденькая девочка с голубыми глазами. «Если бы я не увидел её ноги, – думал Василий Бочкарёв, – то не обратил бы на неё внимания.

– Как тебя звать? – спросил мастер.

– Маша.

– А меня зову Василием.

– Хорошее имя.

– Если ещё что-нибудь случится с машинкой, звони мне, я приду и починю.

– Хорошо.

Мастер ушёл, а перед глазами Маши долго стоял его облик.

Василий стал каждый день заходить в мастерскую. Обычно ещё у дверей громко спрашивал: «Как работает техника?».

– Нормально, – отвечало несколько голосов. Он подходил к столу Маши и задавал тот же вопрос.

Через несколько дней Василий пригласил её на танцы. Они стали встречаться, ходить в кино, на танцы, гулять в парке. Василий делал попытки её поцеловать, но Маша не позволяла. В порыве возбуждения он сделал ей предложение: «Выходи за меня замуж».

– Мне надо подумать, посоветоваться с родителями.

– В таких делах ни с кем не советуются. Если любишь – соглашайся.

У Маши ещё не проснулись женские инстинкты, чувство любви к Василию не испытывала. Ей просто было приятно ухаживание красивого молодого человека. Доставляло удовольствие ходить с ним рядом, когда посторонние люди обращали на них внимание.

В женском коллективе пошли разговоры. Некоторые, возможно, ревновали, другим хотелось позубоскалить. Над Машей стали подшучивать:

– Мастер, кажется, в тебя влюбился? – спрашивала средних лет швея.

Маша упорно молчала. В мастерской начал разгораться спор. Женщинам нашлась тема поговорить.

– Тебе завидно, что он влюбился не в тебя.

– Так она слишком молода.

– Маша еще успеет стать такой старухой, как ты. А вот ты никогда не станешь молодой, как она.

– Это я-то, старуха?

Маша, слушая этот спор, подумала: «Вот возьму вам всем назло и выйду за него замуж».

После очередного предложения Василия Маша пришла домой поздно с чувством сомнения: «Что ответить Василию». Зоя стала её отчитывать:

– Где была? Почему пришла поздно?

Эта ругань подтолкнула Машу заявить:

– Я выхожу замуж.

Родители были в шоке. Первой пришла в себя мать:

– Ты в своём уме? Тебе ещё шестнадцать лет.

– Никакого замужества до совершеннолетия, – твердым голосом заявил отец.

В очередное воскресение около дома Сидоренко остановилось такси. Из машины вышла чета Бочкарёвых. Мужчина в дорогом костюме с галстуком и в шляпе, женщина в бархатном платье с золотой брошью на груди.

Приоткрыв дверь, мужчина произнёс:

– Позвольте войти?

– Проходите, – ответила Зоя, не поворачиваясь от плиты.

Она жарила картошку на свином сале, помешивая деревянной лопаточкой, чтобы не пригорела.

– Добрый день! – услышала незнакомый голос и повернулась к двери.

На её лице появилось удивление, увидев столь респектабельных людей.

– Здравствуйте, – тихо ответила Зоя.

Видя растерянность хозяйки, женщина начала разговор:

– Мы Бочкарёвы, родители Василия, пришли по поводу Маши.

– Что-нибудь случилось? – испугалась Зоя.

– Успокойтесь, пока не случилось, но может случиться.

В разговор вмешался мужчина:

– Наши дети любят друг друга. В старые времена в таких случаях засылали сватов, но сейчас не те времена, да и случай у нас неординарный, мы решили прийти сами и познакомиться с вами. Меня зовут Михаил Васильевич, мою супругу Таисией Николаевной.

– Да вы не стойте у порога, проходите к столу, – пригласила Зоя нежданных гостей, переваривая в голове услышанную новость.

Когда гости присели к столу сказала:

– Рано Маше замуж, она ещё несовершеннолетняя.

– Поживут полтора года без регистрации, у нас прекрасная квартира со всеми удобствами. Исполнится Машеньке восемнадцать лет – зарегистрируются.

Зоя с первого момента, как только увидела разодетых людей, почувствовала себя в стареньком, штопаном платье ущербно. После слов «квартира со всеми удобствами», поняла намёк на их скромноё жильё. Она готова была выпроводить сватов из дома. В это время из соседней комнаты вышел Иван Семёнович.

– Я слышал весь разговор. Скажите, пожалуйста, с детьми вы разговаривали?

– Конечно, разговаривали, – ответила Таисия Николаевна.

– Надо было их взять с собой, вместе бы всё обсудили.

– Мы решили, что сначала надо ситуацию обсудить с вами.

– Маша ещё ребёнок, а ваш-то взрослый человек. Если любит, мог бы подождать.

– Молодёжь сегодня ранняя, не хотят ждать. Боимся, что согрешат.

– Маша мне уже заявляла об этом. Иван Семёнович, что будем делать?

– Выпороть бы дочь надо, но строптивая, убежит. Давайте обсудим, когда свадьбу играть.

Свадьба была скромная в доме невесты. Кроме родственников никого не приглашали. Горько не кричали, танцев, как обычно на свадьбах, не было. Родители произносили напутствующие речи, желали любви и долгой семейной жизни. Атмосфера стояла напряжённой и нерадостной.

После застолья невеста уехала в дом родителей жениха. Зоя с Иваном Семёновичём остались вдвоём.

– Не нравится мне, как прошла свадьба, – высказался Иван Семёнович.

– А мне не нравятся родители жениха.

– Что так?

– Не из нашего они рода-племени, не пригласили даже на второй день к себе. Ведут себя, как высшее сословие.

– Поживём – увидим, – произнёс Иван Семёнович мудрые слова.

Через два месяца Маша вернулась домой и заявила:

– У вас буду жить, не нравится мне у Бочкарёвых.

– Что случилось? – Спросила Зоя.

– Нет никакой свободы. Это не делай, это не трогай, это не бери. Таисия Николаевна постоянно командует, что надо сделать в квартире. Живёшь на третьем этаже, как в клетке.

Родители думали, что Василий придёт уговаривать «жену» вернуться к нему, но он не приходил. Видимо, свекрови не подошла невестка.

Зоя беспокоилась за Машу и постоянно поглядывала на её фигуру, но её беспокойства оказались напрасными. Она думала, что неудачная «женитьба» послужит Маше хорошим уроком, но не тут-то было. Видимо, наследственные гены брали своё. Недели через две она стала поздно приходить домой.

– Почему так поздно? Где была? – Спрашивала Зоя.

– На танцах, затем гуляли.

– С кем гуляла?

– С девчатами и ребятами.

– Кто они?

– Мы вместе работаем.

– Смотри, не принеси мне кого-нибудь в подоле.

– Хорошо, тётя Зоя, буду смотреть.

Однажды Маша не пришла ночевать.

Зоя не находила себе места, думая, что с ней мог случиться несчастный случай. Наконец не выдержала мучений и отправилась в швейную мастерскую.

Машу застала на роботе.

– Почему не приходила ночевать?

– Я выхожу замуж.

– За кого?

– За Василия.

– За Бочкарёва? – удивилась Зоя.

– Нет, за другого.

– Тебе разве мало было одного Василия? Не успела от него избавиться – нашла другого.

– Он меня любит.

– А ты его?

– Ещё не знаю.

– Что я скажу отцу?

– Скажи, что вышла замуж.

От возмущения Зоя не могла дальше вести разговор, махнула рукой и пошла домой.

Недели через три Маша как ни в чём не бывало пришла домой.

– Что случилось? – Спросила Зоя.

– Мне такая жизнь не нужна.

– Какая?

– У Василия комната в общежитии. К нему постоянно по вечерам заходят друзья с бутылками. Я обязана накрывать стол и им прислуживать. Времени на отдых не хватает.

– Дай Бог, чтобы ты образумилась, – произнесла Зоя и отправилась в свою комнату.

В посёлке единственным местом развлечения для молодёжи была танцплощадка в парке. Там назначались встречи, знакомились, влюблялись. Маша не пропускала ни одного вечера танцев.

Стоял тёплый тихий летний вечер. Солнце собиралось спрятаться за деревья парка. Девчата со швейной мастерской толпились на деревянном настиле около входа на танцплощадку в ожидании кавалеров. Маша выделялась стройной фигуркой. На ней изящно сидело розовое в мелкий чёрной горошек платье. Здесь почти все знали друг друга. Девушки обратили внимание на незнакомого высокого парня с рыжей кучерявой шевелюрой. Они обменивались мнениями, бросая на него взгляды.

Надоедливые комары с писком набрасывались на них, намериваясь поужинать пере сном. Девушки отмахивались от них зелёными веточками ольхи. Когда баянист заиграл вальс «Осенний сон», этот парень через всю танцплощадку направился к ним. «Кого интересно он пригласит», – шёпотом произнесла одна из них.

Молодой человек свой выбор сделал на Маше. Он слегка наклонил голову и произнес:

– Не откажите в любезности рыжему человеку, – и движением руки показал на центр площадки.

Маша кокетливо присела и протянула ему руку. Он взял её в свою руку, отвёл на несколько шагов и закружил в вальсе.

Подруги смотрели им вслед с сожалением, что пригласили не их.

Партнёр оказался разговорчивым весельчаком. Сразу же представился Серафимом. Много шутил, больше над собой: «Мне говорят, что я рыжий, а я отвечаю, что не рыжий, а блондин».

После окончания танца остался стоять среди девушек и сразу же спросил:

– Вы знаете поговорку «рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку зарплатой».

– Не зарплатой, а лопатой, – поправила его кто-то из девушек.

– Так лопатой убивали в старину, а сейчас стоит деду показать свою зарплату – его разорвёт от смеха.

Он продолжал балагурить, а сам постоянно бросал взгляд на партнёршу, оценивая её внешность. Платье, обтягивающее стан, подпоясано узким пояском, подчёркивало стройную фигуру. Под ним красиво выделялись груди молодой девушки. Русые волосы аккуратно зачёсаны назад. Пухлые некрашеные губы походили на дольки мандарина и притягивали к себе. Длинные ресницы были слегка подкрашены.

Когда Маша с партнёром удалилась на очередной танец, подруги принялись их обсуждать.

– Почему парни липнут к Маше как мухи на мёд?

– Наверное, находят в ней что-то особенное.

– Что в ней особенного? Такая же, как все.

– Ножки стройные, красивые.

После нескольких танцев Маша знала о Серафиме почти всё.

Он приехал из Донбасса повышать квалификацию в школе горных мастеров. Живёт в общежитии. На Украине остались родители, брат и сестра.

После танцев Серафим провожал Машу до дома. На улице стоял полумрак, на небе горели звёзды, луна подмигивала им, проникая к земле через ветви деревьев. Он всю дорогу шутил, рассказывал анекдоты. Маше понравилось, что он не пытался даже взять её под руку и с первого знакомства не приставал с поцелуями.

Они расстались у калитки дома. Он смотрел ей вслед. Она уходила лёгкой ровной походкой. Подол платья колебался на ходу, оголяя ноги чуть выше колен.

Серафим крикнул ей вслед: «До субботы!» Она помахала рукой в знак согласия.

С некоторых пор на летней танцплощадке по субботам и воскресеньям играл духовой оркестр, в остальные дни танцевали под баян.

Маша и Серафим стали регулярно встречаться, проводить вместе всё свободное время. Сотовых телефонов в то время не было. Приходилось при расставании договариваться о дне новой встречи в парке у танцплощадки.

В хмурый пасмурный день Маше не хотелось выходить из дома, но у неё была назначена встреча с Серафимом. Пришлось надеть тёплую шерстяную кофточку и отправиться в парк. Начал моросить нудный дождик. Ещё издали она увидела стоящего на их излюбленном месте Серафима.

Они обнялись и пошли к танцплощадке. Моросящий дождик перешёл в дождь с крупными каплями, они поднимали пузыри на образовавшихся на асфальте лужах. Молодые люди остановились под деревом, намериваясь переждать дождь. Серафим прижался сзади к Маше и обнял её. Ей было приятно стоять около тёплого тела.

– Танцев сегодня не будет, – с сожалением произнесла она.

– Не будет, – согласился Серафим. – Куда пойдем?

– В такую погоду надо сидеть дома. Проводи меня.

Они подождали, когда дождь сделал перерыв и быстрым шагом, обходя лужи, поспешили к дому Маши. За спиной грянул гром. После третьего удара на них обрушился ливень. Они бросились бежать. Около калитки Серафим произнёс:

– Пока, я побежал в общежитие.

– Куда бежать в такой дождь, пойдём в дом, переждёшь ливень и обсохнешь.

Зоя была удивлена, когда увидела дочь с молодым человеком. У неё даже мелькнула мысль: «Неужели привела нового мужа?».

– Это Серафим, мой приятель, можно он переждёт у нас дождь? – сказала Маша и побежала в свою комнату переодеваться.

Серафим стоял у порога, с его одежды ручейками стекала вода на пол. «Он похож на мокрую курицу», – подумала Зоя и, улыбнувшись, произнесла:

– Я сейчас принесу вам сухую одежду.

Старые брюки и рубашка Ивана Семёновича оказались Серафиму в пору. Зоя унесла его одежду сушить и пригласила к столу пить чай. Из соседней комнаты вышел Иван Семёнович, поздоровался и присел к столу. Серафим чувствовал неловкость своего положения и начал первым разговор:

– Мне очень понравился ваш дом. Он очень выделяется от общей серой застройки. У нас на Украине строят дома из самана и обязательно белят. Среди зелени садов они смотрятся как игрушечки. У моих родителей большой огород и сад. В саду чего только нет. Там растут яблони, груши, сливы, абрикосы. Даже две шпалеры винограда.

Он говорил, не останавливаясь, Зоя дождалась паузы и спросила:

– Как вы оказались в Кузбассе?

– Я потомственный шахтер. У меня дед и отец шахтёры. Я приехал на курсы горных мастеров для повышения квалификации.

Разговор длился долго, погода успела утихомириться: дождь перестал, ветер разогнал тучи. Мокрая одежда Серафим подсохла. Он простился с гостеприимными хозяевами и отправился в общежитие.

После его ухода Маша спросила:

– Вам понравился Серафим?

– Чтобы человека узнать, надо пуд соли съесть, – ответил Иван Семёнович.

– Слишком уж говорливый, – сказала Зоя.

После такой оценки Маша засомневалась, стоит ли говорить родителям, что он сделал ей предложение. «Другого удобного случая может не представиться», – решила она.

– Тётя Зоя, Серафим уговаривает меня выйти за него замуж.

– Он тебя хоть любит?

– Говорит, что любит.

– А ты его любишь?

– Не знаю.

– Когда была несовершеннолетняя, с родителями не советовалась, – произнёс отец. Повзрослела – стала советоваться. Это правильно, но кто же без

любви выходит замуж? Два раза обожглась, хочешь погореть в третий раз. Вот когда полюбишь, тогда и дай ему согласие.

Зоя не ожидала от мужа такого длинного монолога и решила смягчить обстановку: «Я за столом наблюдала за парнем, по его глазам поняла, что он неравнодушен к Маше».

На этом разговор о замужестве прекратился.

На очередной встрече в парке Серафим настаивал на регистрации их отношений. Маша отвечала:

– Ты закончишь обучение и уедешь на Украину, а я останусь брошенкой?

– Поедешь со мной. Там рай по сравнению с Кузбассом, нет морозов.

– Не хочу ехать на Украину, мне здесь хорошо.

– Тогда я здесь останусь работать на шахте.

– Если здесь останешься, тогда я согласна.

Серафим обрадовался, обнял Машу и крепко поцеловал.

– В выходной день едем в центральный Загс Прокопьевска подавать заявление, – предложил он.

После подачи заявления они гуляли по парку, танцевали под духовой оркестр, посетили кинотеатр.

После просмотра кино, Маша сказала:

– Я проголодалась, пойдем в столовую и перекусим.

Серафим предложил зайти в ресторан.

– Сегодня счастливый день, его следует отметить.

– Мне стыдно идти в ресторан, у нас девчата считают, что в ресторан ходят только непутёвые девки.

– Это когда они ходят одни, а ты идешь со мной.

– Как-то страшно, я никогда не была в ресторане.

– В жизни надо всё испытать, вот и убедишься, что там нет ничего страшного.

Они вошли в просторное фойе с гардеробами с двух сторон и направились к двери в зал. Услужливый швейцар распахнул перед ними высокую массивную дверь. В зале были свободные столики, Серафим выбрал столик у окна. К ним незамедлительно подошёл официант и положил на стол меню.

– Что будем заказывать? – спросил Серафим,

Маша посмотрела в меню и ужаснулась ценами.

– Здесь всё очень дорого, пойдём в другое место.

– Уходить неудобно. Шахтёры не бедный народ, иногда можно пригласить в ресторан любимую девушку.

Маше было приятно слышать эти слова, и она предложила:

– Тогда заказывай сам.

Серафим сделал заказ. Заиграл оркестр, и он пригласил Машу на танец. Она почувствовала прелесть танцевать на паркете. Гладкий скользкий пол не мог равняться с полом из досок на летних танцплощадках.

В ожидании заказа Маша рассматривала зал. Она обратила внимание на двух молодых женщин, сидящих за соседним столиком. Перед ними стояли бокалы с вином и тарелочки с кусочками сыра. Они утончёнными руками с маникюром

изящно брали бокалы, подносили к губам и, сделав маленький глоток, ставили на стол. Затем, придерживая кусочек сыра вилкой, отрезали ножом маленький кусочек и медленно подносили ко рту. После этого разглядывали зал и обменивались репликами.

Официант принёс заказ: пиво, овощной салат, ромштексы с жареным яйцом и картофелем фри.

– Зачем ты заказал пиво? – спросила Маша.

– В ресторане не принято делать заказ без алкогольных напитков.

Серафим с Машей успели станцевать несколько танцев, а их соседки продолжали сидеть с недопитыми бокалами.

Когда ведущий со сцены объявил дамский танец, соседки, как по команде сорвались с места и направились к столику, за которым сидели двое мужчин и оживлённо о чём-то беседовали. После танца партнёры проводили их к столу, и присели вместе с ними. Вскоре на столе появилось шампанское и шикарные закуски.

– Кто эти женщины? – спросила Маша.

– Ресторанные львицы.

– Тебе откуда известно? – удивилась Маша.

– Меня в Горловке шахтёры несколько раз приглашали в ресторан по случаю получения премии.

– Я наелась, пойдем отсюда.

По дороге домой Маша заговорила о предстоящей совместной жизни:

– Мне не хочется отмечать свадьбу в доме родителей и оставаться у них жить.

– Твои слова совпали с моими мыслями, но я не решался начать разговор. Снимем квартиру или комнату и будем жить свободно и независимо.

Маша подумала, лучше бы сказал: «Жить в любви и счастливо».

После регистрации брака молодожёны пожаловали в дом родителей Маши.

– Мы расписались, – заявила дочь и положила на стол свидетельство о регистрации брака.

Родители вроде бы привыкли к выходкам дочери, но очередная свадьба стала неожиданной. После небольшой паузы Зоя произнесла:

– Поздравляем.

– Вы не могли заранее предупредить, – возмутился Иван Семёнович, – мы бы хоть приготовились к встрече, а то как снег на голову.

Зоя стала хлопотать, накрывая на стол, а отец уже мягким голосом предложил:

– Милости просим в дом, занимайте Машину комнату. Дай вам бог любви, счастья и согласия.

– Иван Семёнович, дорогой, не обижайтесь, мы уже сняли квартиру.

В тот же день молодожёны отправились на съёмную квартиру. Маша взяла с собой самые необходимые вещи. Серафим уже давно перенёс свой чемодан из общежития.

Первые дни совместной жизни проносились в эйфории счастья и любви. Муж носил Машу на руках. Она была счастлива, нежно прижималась к нему и

улыбалась. Им казалось, что они будут жить вечно в страсти интимной жизни, в полной гармонии, без конфликтов и споров.

Серафим приходил с работы уставшим. У него хватало сил поесть и заняться любовью. После этого мгновенно засыпал.

Маша скоро поняла, что ей одной приходится покупать продукты, готовить еду, ходить за водой, выносить мусор, заниматься уборкой квартиры. Начались упрёки. Серафим не смог сразу переключиться на выполнение некоторых домашних работ. Он привык жить в семье родителей без домашних обязанностей.

В один прекрасный день Маша забрала свои вещи и пришла к родителям.

– Что случилось? – удивилась Зоя

– Пусть Серафим немного поживёт один, я решила его проучить.

– За что учить?

– Ничего не делает по дому.

Серафим вернулся после ночной смены. В доме не было не только жены, но и её одежды. Душевная тоска навалилась на него. Он любил Машу и не хотел её терять. Стал вспоминать все размолвки и анализировать их причины.

Через несколько дней пошёл к Сидоренко. В доме застал Ивана Семёновича.

– Можно вещи оставлю у вас? – обратился к тестю, – я сдал квартиру хозяевам.

– Вешай в шифоньер рядом с Машиными вещами.

Вечером как ни в чём не бывало Маша с Серафимом, пришли к родителям в дом.

– Вы помирились? – удивилась и вместе с тем обрадовалась Зоя, – ну и слава богу.

– Садитесь к столу, – предложил Иван Семёнович, – разговор будет.

Услышав слова отца, в комнату вбежали Тоня и Галя.

– Не вас я приглашал, стрекозы, быстро бегите на улицу.

Когда молодые люди присели к столу, Иван Семёнович обратился к дочери:

– Что ты творишь? До каких пор это будет продолжаться?

Маша испугалась и прикусила язык. Она боялась, что отец может сказать о её побегах от мужей. Отец продолжал:

– Может быть, тебя муж бьёт?

– Не бьёт.

– Может быть, он пьяница?

– Нет.

– Зарплату он тебе приносит?

– Приносит.

Может быть, он тебя не любит?

– Любит.

Какого лешего тогда тебе надо?

Маша молчала.

– Остаётесь жить у нас. Никаких выкрутасов я больше не потерплю, – подвёл итог разговора Иван Семёнович.

У молодожёнов потекли счастливые дни. Они по-прежнему встречались с друзьями, ходили в парк. Маша стала заметно полнеть. Вскоре ушла в декретный отпуск и большую часть времени проводила дома. Схватки начались в воскресный день, муж вызвал такси и увёз её в родильный дом. Уже ночью она родила крупного мальчика. Серафим каждый день навещал роддом. Ему не терпелось увидеть сына. На выписку жены из больницы с Серафимом отправились Валя и Маша. Иван Семёнович был на работе, а Зоя готовила праздничный стол.

Медсестра вынесла младенца на крыльцо. За ней стояла Маша. Серафим хотел обнять и поцеловать жену, но сестра вручила ему свёрток с ребёнком.

Серафим, принимая от медсестры сына, спросил:

– На кого похож ребёнок?

– Сами посмотрите.

– Он весь закутан, ничего не видно.

– Не волнуйся, – услышал голос Маши, – такой же блондин, как ты.

На радостях Серафим написал родным на Украину, что стал отцом.

В тёплый летний день во двор Сидоренко вошла полная женщина средних лет в необычной одежде. На ней была вышиванка – белая кофточка, расшитая узорами, и широкая юбка. Из-под косынки торчали рыжие волосы. В одной руке держала кошёвку с фруктами, в другой – торбу с сухофруктами.

Переступив порог дома, представилась:

– Я Ганна – мать Серафима, приехала познакомиться и посмотреть на внука.

– Почему вы не предупредили, когда приезжаете? Мы бы вас встретили, – сказала Зоя.

– Зачем вам лишни хлопоты, я прекрасно от вокзала доехала на такси. Показывайте внука, знакомиться будем позже.

Зоя проводила Ганну в комнату молодых родителей. Там у детской кроватки стояли Тоня и Галя. Им было поручено следить за ребёнком, чтобы он не плакал.

– Отойдите, дивчины, – сказала Ганна, – дайте мне побачить внука.

Она наклонилась над кроваткой и, увидев светлые волосики ребёнка, выпрямилась и с радостью произнесла: «Вылитая наша порода».

– Пока трудовой народ не вернулся с работы, пойдёмте, я вам покажу наш огород, – предложила Зоя.

Ганна со знанием дела рассматривала огурцы и помидоры, грядки с морковью и свёклой.

– Огород большой, – подвела она итог, – но я не вижу кукурузы.

Зоя не знала такого растения и ответила:

– Мы не сажаем кукурузу.

– Как же вы выращиваете скотину?

– У нас прекрасная сибирская картошка.

Вечером за столом собралась вся многочисленная родня Сидоренко. Ганна рассказывала о жизни на Украине, хвалила свой большой сад. Она намеривалась соблазнить невестку переехать жить к ней в хату. У неё не было сомнения, что сын согласится с радостью. Когда же Иван Семёнович начал рассказывать, что

он с Серафимом наметили построить дом для молодой семьи, свои намерения на время отложила, подумав: «Хай строят. Мабудь сменят дом на хату в Украине».

С тех пор как Иван Семёнович построил свой дом, утекло много времени. Улица вытянулась на несколько сотен метров. На её окраине общими усилиями возвели дом для Серафима и Маши. Она к этому времени уже родила второго ребёнка. Ей пришлось уволиться из швейной мастерской. Зоя навещала её каждый день. Приносила молоко и другие продукты, помогала управиться с домашними работами. Младшие сёстры Тоня и Галя забегали понянчиться с детьми.

Машу словно прорвало. Она родила четверых детей погодков. После рождения каждого ребёнка приезжала Ганна навестить родственников и посмотреть на очередного внука. В последний приезд она уговорила Машу переехать на жительство в Украину. Серафима уговаривать не пришлось. Он был рад уехать на родину, где тёплый привычный для него климат. Недавно выстроенный дом продали. На вырученные деньги планировали купить дом в Горловке.

Провожать многодетную семью поехали Зоя, Тоня и Галя. Иван Семёнович был на работе, и провожать на вокзал не поехал. Его угнетало чувство потери. Он любил детей и, как ему казалось, делал всё, чтобы дети и внуки жили рядом, а они разлетались по всей стране. Дети Фёдора уехали на Дальний восток, а вот теперь Маша с детьми уезжает в Украину.

С работы возвращался в плохом настроении. Посередине двора стояло ведро. Он пнул его ногой. Ведро, звеня, покатилось в сторону. Увидел у стены дома лопату. Она стояла не на месте. Взял её и отнёс в стайку. В дом вошёл молча, хмурый и сердитый.

Зоя оценила состояние мужа и дружелюбно произнесла:

– Иван Семёнович, садись к столу. Буду тебя кормить.

Когда муж наелся, спросила:

– Что у тебя произошло? Рассказывай?

Он продолжал молчать. Тогда она подошла к нему и положила руку на плечо.

– Иван Семёнович, не хмурься.

Муж снял руку с плеча. Зоя отошла в сторону. Она знала: пройдёт время, он отойдёт от своих дум и начнёт разговаривать как ни чём не бывало. За прожитые совместно годы он ни разу не ругался. Своё недовольство всегда выражал молчанием.

28

В то время, как Маша перебирала мужей Валя продолжала учиться в школе. Каждую осень старшие классы отправляли в колхоз на уборку урожая. Они помогали копать картофель, рубить капусту. По вечерам разводили костёр и пекли картошку. Мальчишки накрывали ведром картошку в прогоревшем костре, и она получалась рассыпчатой и вкусной. Все садились в кружок, каждый доставал привезённую из дома еду, и начиналось пиршество. Веселье длилось до полуночи, пока сопровождающий их преподаватель не заставлял

идти спать. Ночевали в колхозном клубе на соломе, разложенной на сцене. Мальчики ложились в левой части сцены, девочки в провой. Классный руководитель Ираида Викторовна укладывалась посередине.

Школьникам очень нравилось убирать морковь и турнепс. Ими они наедались до отвала.

Однажды к школе подъехала колхозная машина и старшеклассников повезли на прополку свёклы. Они сидели в кузове на деревянных досках, прикреплённых к бортам машины. Кто-то запел: «Широка страна моя родная». Песню подхватили с юношеским задором. Машина катила по просёлочной дороге мимо полей и лесных участков. Позади оставался шлейф от поднятой пыли.

Свекольное поле тянулось вдоль речки. Машина остановилась, из кабины вышел бригадир и предложил ребятам следовать за ним. Они поднялись на небольшой косогор и остановились. Перед ними простиралось чёрное поле без единой травинки. Бригадир остановился и стоял в изумлении, не видя результатов труда его бригады.

– Где свёкла, которую надо полоть? – спросил кто-то из ребят.

– Её уничтожила саранча, – прискорбно ответил бригадир.

– Что будем делать?

– Поедем обратно.

– Можно искупаться?

– Купайтесь, но недолго, – грустно ответил бригадир.

На обратном пути песен не было, но весёлое настроение сопровождало их всю дорогу.

Поездки в колхоз запомнились ученикам на всю жизнь. Они часто вспоминали о них, как о лучших и счастливых днях своей жизни.

Валя дружила с одноклассницей Олей. Они вместе возвращались из школы, ходили в кино и на танцы. Иногда к ним присоединялась Клава, которая жила по соседству.

В воскресный вечер Валя с Олей зашли за Клавой, чтобы отправиться вместе в кино. В её доме отмечался какой-то семейный праздник, стол был заставлен яствами. За столом сидели хозяева и гости. Девочек моментально усадили за стол. Кто-то из гостей налил им по стакану бражки. Валя пригубила содержимое стакана. Бражка показалась ей сладкой и приятной, и она допила её до дна. Во время еды девочкам ещё подливали в стаканы коварный напиток. Когда они собрались идти в кино и вышли во двор, у них заплетались ноги, кружилась голова. Потеряв равновесие, обе оказались на земле. Родители Клавы уложили их на одну кровать спать.

Утром мать Клавы растормошила подруг: « Хватит спать, пора по домам, вас давно ищут родители».

Валю охватил испуг: она впервые не ночевала дома. Не раздумывая, соскочила с кровати и побежала домой. Голова болела, тошнота подкатывалась к горлу. Дома застала только маму, отец был на работе, дети в школе.

Зоя, увидев дочь в помятом штапельном платье, которое недавно сшила и тщательно отгладила, была в шоке.

– Ты где была?

– Ночевала у Клавы.

– Почему в таком состоянии, что скажет отец, если увидит тебя в таком виде?

Валя не могла ответить. Ёе стало тошнить, и она побежала к умывальнику.

– Что произошло у Клавы?

– У них были гости, нас посадили за стол и угостили вкусной бражкой.

Зоя поняла состояние дочери, открыла крышку погреба и достала банку солёных огурцов. Налила в стакан рассол и приказала:

– Пей!

После выпитого рассола Валя почувствовала некоторое облегчение. Ей надо было подготовить уроки ко второй смене, но она была не в состоянии и прилегла на диван.

Зоя переживала за дочь и отправилась к Чигоряевым узнать, что произошло в их доме. Мать Клавы не удивилась, когда увидела Зою и первой заговорила:

– Простите меня, пожалуйста, что я не доглядела за девочками, когда гости наливали им бражку. Они не в состоянии были идти в кино, и я их уложила спать.

– Клава дома?

– Она ещё спит, подняться не может.

Зоя убедилась, что с дочерью ничего страшного не произошло, и отправилась домой.

Когда Валя стала собираться в школу, мать произнесла:

– Валя, ты же сегодня не учила уроки.

– По литературе у нас сегодня сочинение, а по английскому спрашивали на прошлом уроке.

Оля и Клава в этот день в школу не пришли, а Вале не повезло. Её спросили по английскому языку. Она не перевела заданный текст и ёй в дневник учительница поставила жирный кол.

Июньская жара спала. Солнце покатилось к горизонту. Валя торопилась закончить прополку картофеля. У неё была договорённость с подругами встретиться на танцах. Часов у неё не было. В те годы иметь ручные часы для школьницы было непозволительной роскошью. Её слух уловил музыку духового оркестра на танцплощадке в парке, расположенном в нескольких кварталах от дома. «Опоздала к началу танцев», – мелькнула мысль. Она закинула тяпку на плечо и направилась к дому. Мать встретила на крыльце.

– Мама, можно я закончу полоть картошку завтра?

– А что так?

– Я договорилась с Олей и Клавой пойти на танцы.

Мать хорошо знала её подруг и их семьи. Немного подумав, произнесла:

– Хорошо, иди, но чтобы до двенадцати часов вернулась домой.

– Спасибо, мама, – обрадовалась Валя и побежала в дом, на ходу снимая старенький сарафан.

Она помылась, причесалась, надела ситцевое платье с юбкой двенадцатиклинкой, белые босоножки и посмотрела на себя в зеркало. Из зеркала

на неё смотрела худенькая девочка-подросток. Она осталась довольная собой и поспешила в парк.

Путь лежал по улице частного сектора. На дороге лежал слой пыли, тротуаров не было. Пришлось идти по тропке, натоптанной вдоль палисадников.

Подруги уже танцевали. Ей не пришлось долго ждать партнёра. Её тут же пригласил на танец незнакомый парень.

Небольшого роста, худенькая с вьющимися волосами, она легко танцевала, откинув стан назад, не позволяя партнёру прижать её к себе. Подол платья развевался, оголяя стройные ножки выше колен.

Натанцевавшись вдоволь, три подружки отправились домой. К ним присоединились парни, которым было идти с ними по пути. Первой в переулок свернула Ольга, затем дошли до дома Клавы.

Валя осталась с Алексеем. Он пришёл на танцы с друзьями, которые жили с ним на одной улице. Те отправились провожать девушек, а он остался один, как и Валя.

– Можно я тебя провожу? – предложил он.

– Проводи, если хочешь. Я живу недалеко.

Он шёл рядом и неожиданно спросил:

– Не рано ли тебе ходить на танцы? Ты хоть семь классов закончила?

– Я окончила девять классов и перешла в десятый.

На его лице промелькнуло удивление. «Настоящая дюймовочка и уже в десятом классе», – подумал он.

Около Валиного дома они простились. Он ушёл, не спросив даже её имени.

Алексей регулярно приходил на танцплощадку со своими товарищами, но не танцевал, а наблюдал за танцующими парами. Валя пользовалась успехом у парней. Она никогда не отказывалась от приглашения на танец.

Когда время приближалось к половине двенадцатого, Алексей подходил к Вале и говорил:

– Пора идти домой.

– Ещё есть немного времени.

– Мама будет ругаться.

Эти слова действовали на неё магически, и она покидала танцплощадку. Если рядом стоял партнёр по танцам, то, глянув на высокого парня с широкими плечами, не пытался задержать напарницу.

Алексей шёл рядом, не делая попытки взять её под ручку или обнять. Около дома, поговорив и посидев на лавочке, они расставались.

Валя узнала, что он окончил техникум и был на четыре года старше её. Она относилась к нему, как к старшему брату, опекающему её.

В один из вечеров он спросил Валю:

– Скажи, я тебе друг или товарищ?

Не придавая значения смыслу вопроса, ответила:

– Конечно, товарищ.

– Брянский волк тебе товарищ, я считаю нас друзьями.

– Пусть будет так.

– Присядем на лавочку, время ещё есть.

Они присели. Он спросил:

– Можно я тебя поцелую?

– Что ты придумал? Нельзя! Мама не разрешает. Она говорит, что я могу принести в подоле.

Он засмеялся и произнес:

– Не бойся, от поцелуев в подоле не приносят.

Осенью Алексея призвали в армию. Он не успел объясниться в любви и узнать у Вали, готова ли она ждать его три года. Служить попал во Владивосток. Окончив учебные курсы, проходил службу на эсминце.

Мужской коллектив, оторванность от семьи и привычной жизни всегда вызывают тоску по прошлому, особенно по любимой девушке. Алексей по нескольку раз в месяц отправлял письма Вале на нескольких страницах. Прежде чем начать писать, он доставал её фотографию и клал на стол перед собой. На снимке Валя стояла на берегу реки во весь рост в модном купальнике с коротенькой юбочкой. Стройная фигурка с длинными красивыми ногами вызывали восхищение. Писал он о своих чувствах, описывал море в разную погоду, природу Дальневосточного края, интересные события. Его родители были учителями и научили его владеть пером.

Валя с интересом читала письма, но у неё не было способностей так красочно и интересно отвечать ему, а скорее всего не было чувств к нему. Из её лаконичных писем он узнавал, какие она получала оценки в школе и где бывала с подругами. Такая переписка длилась один год.

Валя была хорошей помощницей Зое. Она любила нянчить младших сестрёнок. Когда они подросли, шила им куклы и наряды для них. Девочки к ней привязались. Тоня даже ходила с ней на свидания.

После окончания школы Вале хотелось стать педагогом, и она поехала в Новокузнецк поступать в педагогический институт, но не прошла по конкурсу. Пришлось пойти работать. Она очень любила детей, и ей хотелось устроиться на работу в детский сад. В ближайшем детском саду свободных вакансий не оказалось. Только в третьем её приняли с испытательным сроком. Успешно пройдя испытательный срок, стала работать воспитателем в младшей группе. Ей нравилось играть с детьми, помогать им одеваться перед выходом на прогулку. Со временем окончила факультет дошкольного воспитания и до пенсии работала заведующей детским садом.

Она продолжала с подругами ходить на танцы. Иногда Ольга приходила на танцы со своим старшим братом Василием. Он постоянно танцевал с Валей и провожал её до дома.

Вскоре подруги вышли замуж и у них появились свои семьи и заботы. Валю охватило беспокойство: не остаться бы старой девой. Кроме того, ей хотелось самостоятельной жизни. Когда брат Ольги Василий предложил ей выйти за него замуж, она согласилась. На письма Алексея перестала отвечать. Иногда в отсутствие мужа доставала их и перечитывала как интересную книгу. Застав дочь за их чтением, мать посоветовала:

– Сожги письма. Если муж их обнаружит, будут у тебя большие неприятности.

Отслужив три года, Алексей вернулся домой. На следующий день погладил морскую форму, надел бескозырку и отправился к Вале. В доме застал только Зою Михайловну.

– Валя дома?

– Должна скоро прийти.

– Почему она бросила мне писать?

– Валя вышла замуж.

Эта новость как обухом ударила Алексея по голове.

– Можно я её подожду?

– Подожди, но будь деликатным. Она в положении.

Зоя Михайловна встретила Валю во дворе и предупредила, что в доме её ожидает Алексей.

Войдя в дом, Валя увидела красавца-моряка, поднявшегося с табурета, которому она едва доставала до плеча. Он заметил её изменившуюся округлившуюся талию, осторожную походку.

– Алексей, давай отложим разговор, мне надо идти в поликлинику.

– Можно я тебя провожу?

– Проводи, если хочешь.

Эти слова напомнили ему первую встречу на танцах, когда он впервые пошёл провожать её.

Они шли рядом, как когда-то ходили с танцев.

– Валя, я хочу тебе признаться.

Она испугалась: подумала, что он хочет признаться в любви.

– В чём?

– Я без разрешения взял из твоего альбома фотографию.

– Оставь её себе на память.

Вскоре семья Алексея переехала на жительство в Казахстан. Вале не довелось больше никогда с ним встретиться, но в её душе он оставил незабываемый след. Время от времени она вспоминала его и его душевные письма.

29

В школе у Гены были любимые предметы ботаника и зоология. Окончив семь классов, пошёл учиться в сельскохозяйственный техникум на ветеринарный факультет. После окончания техникума по распределению поехал работать на животноводческом комплексе посёлка Верх-Чебула, расположенного на севере Кемеровской области.

Считается, что поселение основал в 1762 году бежавший с Урала каторжанин Чугуев. Название поселение получило от названия реки: Чебула. В переводе с тюркского языка означает «длинная река».

Молодой специалист с головой окунулся в любимую работу. Много времени проводил в коровниках, осматривая животных. В вечернее время иногда гулял вдоль реки, присматриваясь к рыбакам. Детское увлечение рыбалкой побудило в выходной день взять удочки и до зари отправиться к реке. Тропа привела к

прогалине между кустами ивняка, росшими у воды. По утоптанному берегу понял, что здесь местные жители купаются. Он отошёл в сторону, нашел местечко между кустами, где удобно закидывать леску, не зацепив её за ветки. Насадил на крючок червяка, забросил его в воду и стал ждать рыбацкого счастья.

День начал пробуждаться. Воздух был насыщен запахами травы, леса и реки. Пение птиц радовало слух. Где-то вдали кричала кукушка. «Скажи, кукушка, сколько рыбок я поймаю?» – тихо произнес Гена и начал считать. Счёт пришлось прервать. На берегу появилась молодая женщина. Она оглянулась, разделась, зашла в воду и поплыла. Геннадий отошёл вглубь кустов, присел и стал наблюдать. Вдоволь поплавав, купальщица вышла из воды. Она сияла белизной в лучах утреннего солнца. Длинные волосы были распущены.

Гене хотелось выйти из своего укрытия и познакомиться с девушкой, но благоразумие подсказало, что она может обидеться за то, что он подглядывал за её купанием.

С тех пор он стал часто ходить на рыбалку в надежде встретиться с незнакомкой. Такой день настал. Увидев её, подходящую к берегу, вышел из своего укрытия и направился к ней.

– Доброе утро! Я здесь недалеко рыбачу, не помешаю вашему купанию?

– Скорее я распугаю всю рыбу.

– Тогда мне тоже придётся искупаться. Вы не возражаете?

– Купайтесь. Река большая, места хватит.

Когда они вышли из воды, на её щеках горел румянец, глаза сияли молодостью и радостью. В воде они успели познакомиться. Гена быстро оделся, взял удочку и пошёл рядом с Аней.

– Почему вы прекратили рыбачить? – спросила она.

– У меня кончилось время, – ответил он, а сам подумал: «Кажется, я поймал очень ценную рыбку».

Они стали встречаться: ходили на реку купаться, в кино, в клуб на танцы. Вскоре поженились. Аня работала медицинской сестрой в больнице. Была добрым, отзывчивым человеком.

В очередной отпуск молодая чета навестили родителей Геннадия. Зое понравилась невестка. Она сказала Ивану Семёновичу: «Слава богу, теперь у нас ещё один сын устроен, можно спокойно жить и молиться за его счастье».

Прошло три года, а Аня не беременела. Геннадий переживал. Он привык жить в многодетной семье, и ему хотелось иметь детей.

В палате, которую обслуживала Аня, лежала молодая женщина. К ней часто приходила соседка с дочерью больной, которую она приютила на время болезни матери. Девочка присаживалась на кровать, обнимала маму и спрашивала: «Когда ты придёшь домой?» У женщины появлялись слёзы на глазах, и она отвечала: «Не знаю». Ане горько было смотреть на эту сцену, она знала диагноз пациентки. Когда женщина скончалась, Аня предложила Гене удочерить четырёхлетнюю Юлю. Он без колебания согласился, подумав: «Если у нас появятся свои дети, Юля не будет помехой».

30

Когда Ивану Семёновичу отмечали пятидесятилетний юбилей. Он чувствовал себя счастливым человеком среди любящих его детей. Все они учились и радовали родителей. Мише недавно исполнилось шестнадцать лет. Иван уже стал задумываться о выходе на пенсию, как вдруг Зоя преподнесла ему сюрприз:

– Иван Семёнович, – начала она разговор, – не знаю, обрадуешься ты или огорчишься?

– Что случилось?

– Я забеременела.

– Не может быть!

– Ошибки быть не может. Не первый же раз.

– Подумай, сколько мне лет, я не смогу вырастить ребёнка.

– А ты не думай о возрасте, вот и вырастим.

– Быть по-твоему.

Иван стал относиться к жене с большей нежностью и заботой. Когда подошло время забирать её с ребёнком из роддома, сказал Мише:

– Мне, старому и хромому, стыдно в таком возрасте забирать младенца. Сходи, встреть мать при выписке.

Миша нарвал в палисаднике букет цветов и отправился в родильный дом. За ним увязались сёстры Тоня и Галя.

Медицинская сестра, вынесшая ребёнка на крыльцо, осмотрела семейство, остановила взгляд на Михаиле и произнесла:

– Что-то очень молодой отец.

– Это мой сын, – сказала Зоя.

Миша передал букет медсестре и неумело принял из её рук свёрток с ребёнком. Держа брата двумя руками, посмотрел на мать. Зоя взяла на руки новорождённого ребёнка, и гурьба двинулась к дому.

– Мама, можно я понесу братика? – попросила Тоня.

– Успеешь ещё наноситься, у тебя всё впереди.

– Мама, покажи Толика, – вторила сестре Галя.

– Почему Толика?

– Нам с папой так хочется его назвать.

Зоя поняла, что в её отсутствие шло обсуждение имени ребенка. Значит, её постоянно вспоминали. Ей это было приятно, и она, конечно, согласится с мнением мужа и детей.

Иван Семёнович встретил роженицу во дворе. Взял в руки ребёнка, поцеловал жену в щёку и произнёс:

– Сейчас посмотрим, кого ты нам подарила.

– Только не здесь, – запротестовала Зоя.

– Конечно, в кроватке.

Над кроваткой склонилась вся семья. Между сёстрами завязался спор, каждой хотелось, чтобы Толик походил на неё.

– Не надо спорить, сороки, – сказал отец, – он будет походить на нас всех.

Зоя уход за ребёнком полностью переложила на дочерей. Они этому были рады, называли его Толяном. «Пусть учатся, в жизни пригодится», – думала Зоя.

Тоня и Галя учили его ползать. Положат на полу, а сами играют в куклы, сшитые матерью. Не зря поговорка гласит: «У семи нянек дитя без глаза». Когда Толя научился ползать, Зоя заметила, как он заполз под стол и вылизал блюдце с молоком для котёнка. Она отчитала дочерей, но они внимательней не стали. Толик свалился в люк открытого подполья, куда спустился отец по делам. Он поймал ребёнка на лету и вылез из погреба сильно взволнованным и возмущённым:

– Вы куда смотрели, чем занимались? – стал отчитывать дочерей.

– Играли в куклы.

Иван Семёнович схватил кукол, выскочил из дома и бросил их в туалет.

Девочки заплакали и побежали к матери, уткнулись носами в подол её платья и продолжали рыдать.

– Не плачьте, – строго сказала Зоя, – сами виноваты.

Дочери продолжали шмыгать носами.

– Успокойтесь, мы вместе сошьём новые куклы. Они будут красивее прежних кукол.

31

Толя рос смышленым энергичным мальчиком. Много времени проводил у бабушки.

У него исполнилась мечта: ему купили велосипед «Орлёнок». Он тут же уселся на него и выехал через открытые ворота на улицу. Соседские ребята, как обычно, играли на углу улицы в чику. На кусок кирпича ставили металлические монеты, с расстояния нескольких метров бросали к кирпичу биты. Чья бита оказывалась ближе к кону, тот первым ударял по стопке монет битой, стараясь их перевернуть, чтобы забрать себе. При появлении Толи игра моментально прекратилась. Все окружили счастливого владельца велосипеда.

– Дай прокатиться? – раздался голос.

– А ты умеешь кататься?

– Умею!

– Тогда бери. Только далеко не уезжай.

Когда все умеющие ездить на велосипеде прокатились, довольный Толик покатил домой.

– Мама! Я поеду к бабушке.

– Езжай.

Бабушка жила на другом конце посёлка. Он часто по нескольку дней жил у неё и был знаком с местными ребятами. Прежде чем зайти к ней, он проехал по улице, вызвав интерес местных ребят. Вскоре все катались на велосипеде до угла

улицы и обратно. Когда очередь дошла до незнакомого Толе мальчишки, тот доехал до угла улицы, завернул за него и скрылся.

Толя ждал беглеца. Ребята постепенно разошлись. Стало вечереть, и он побрёл к бабушке. Его душу угнетало состояние, которого он никогда не испытывал, одолевали сомнения, говорить ли родителям о потере велосипеда.

Увидев его состояние, бабушка спросила:

– Ты заболел?

– Нет.

– Кушать хочешь?

– Нет.

Тогда ложись спать, уже поздно.

Ночью Толя плохо спал. Потеря велосипеда для него была трагедией.

Утром отправился к знакомым ребятам и узнал адрес похитителя.

В доме его встретила женщина.

– Ваш Колька вчера угнал мой велосипед.

– Он стоит в сарае, забирай и укатывай.

Бабушка удивилась, увидев внука с велосипедом.

– Где ты его взял?

Ему пришлось рассказать всю правду.

– Ты такой же курица, как была твоя мать, – подвела она итог, выслушав внука. Надо было мне вчера рассказать.

Дома Толя спросил мать:

– Мама, ты была курицей?

– Почему задаёшь такой вопрос?

– Бабушка сказала.

– Она пошутила.

В школе Толик учился хорошо. Окончив школу без единой тройки, поступил учиться в горный техникум.

На вечерах танцев около Анатолия всегда толпились однокурсники. Он был среди них заводилой, умел рассказывать анекдоты, подшучивать над товарищами. На стройного красивого юношу обратила внимание студентка старшего курса. Она подошла к нему и пригасила на танец. Танцевать с ней было легко и свободно. Высокая, слегка полнеющая, она легко повиновалась любым его движениям. Жгучая брюнетка, с чёрными глазами, завораживающе смотрела на него.

– Почему вы молчите? – Спросила она у партнёра.

– Что я должен говорить?

– Для начала скажите своё имя.

– Меня звать Анатолием, а по батюшке Иванович. Не забывайте моего отчества, когда будете обращаться.

– Меня звать Наташей. Отчество твоё постараюсь не забыть.

– Мы уже перешли на ты?

– А почему бы нет.?

Во время перерывов она рассказывала интересные истории, удерживая партнёра около себя. У Анатолия ещё не было знакомых девушек, и его вполне устраивало её общество.

После танцев Наташа попросила его проводить её домой. Они шли по тёмной улице. Видимость была почти нулевая. Электрического освещения не было, а небо, затянутое тучами, не пропускало свет от луны и звёзд. Наташа взяла Анатолия под руку. От её прикосновения он испытал необыкновенные чувства. Она вела его твёрдой рукой, обходя на дороге знакомые ей ямы и кочки.

Они подошли к трёхэтажному каменному дому. Она жила на втором этаже в однокомнатной квартире, доставшейся ей после смерти матери. Они поднялись на этаж, Наташа открыла дверь, зажгла свет и пригласила: «Проходи».

Анатолий вошёл и осмотрелся. В комнате стояли диван, кровать, стол и полка с книгами. На стенах висели две картины репродукции.

– Снимай ботинки, пиджак вешай на спинку стула, – предложила Наташа.

В глубине души Анатолия сверкнула искра, что им командуют, но тут же погасла.

– Чай пить будешь?

Он с удовольствием бы выпил стакан чая, но какое-то внутреннее чувство подтолкнуло к сопротивлению, и он ответил:

– Спасибо, не хочу.

– Тогда садись на диван.

Она первой уселась, хлопнула рукой по мягкому сидению, приглашая Анатолия сесть рядом.

Когда он присел, она подняла ноги и поставила изящные узкие ступни на диван.

– Я люблю сидеть на диване, поджав ноги, обхватить их руками и опустить подбородок на колени.

Подол её платья скатился к поясу, оголяя колени и выпуклые икры. У Анатолия перехватило дух, охватило волнение, сердце тревожно забилось. Наташа обняла его шею руками и прижалась к губам долгим поцелуем. В нём все затрепетало, его впервые целовала девушка. После поцелуя она поднялась с дивана, повернулась к нему спиной и попросила: «Расстегни платье». Он дрожащими руками исполнил её просьбу. Дальше окунулся в омут, и всё происходило как в тумане.

За окном дождь каплями стучал по стеклам окна, ветер звенел металлическим сливом. Анатолий поднялся с дивана и произнёс:

– Надо идти домой, родители будут волноваться. Я их не предупредил.

– Ключ на столе, можешь убираться, – обиделась Наташа.

В это время за окном сверкнула молния и загремел гром.

– Куда же ты пойдёшь в такой дождь?

Он вернулся на диван. Тепло и лёгкий запах женского тела подействовали на него магически. Домой пришёл под утро.

Анатолий каждый день провожал Наташу. Домой возвращался поздно, на выполнение домашних заданий не оставалось времени.

У Зои возникли сомнения: не бросил ли сын учиться. Она отправилась в техникум. Директора на месте не застала, зашла к заведующей учебной частью.

За столом сидела женщина средних лет в больших очках. Она сняла очки и внимательно посмотрела на посетительницу.

– Я мама Анатолия Сидоренко, – начала разговор Зоя, – хочу узнать, как учится мой сын.

У хозяйки кабинета изменилось выражение лица: появилось удивление, глаза расширились и внимательно изучали посетительницу. Она собиралась вызвать на беседу родителей Анатолия, а тут вдруг мать сама пожаловала. После небольшой паузы произнесла:

– С учёбой у вашего сына всё в порядке, а вот на личном фронте беда.

– Что случилось?

Зою охватил испуг за сына.

– Вы знаете, что он дружит с Наташей Кузьменко?

– Не знаю.

– Тогда, значит, не знаете, что она в положении?

У Зои начали подкашиваться ноги. Она ожидала услышать что угодно, но только не это.

– Присаживайтесь, – произнесла заведующая, – нам надо обсудить ситуацию.

– Что делать, не представляю?

– Надо узаконить их отношения.

– Анатолию только шестнадцать лет. Ему рано жениться.

– Зато Наташе девятнадцать. Она в этом году заканчивает техникум.

– Мы дома всё обсудим и примем решение, – сказала Зоя, покидая кабинет.

По дороге домой она успокоилась и решила, что возьмёт девушку к себе в дом. Вырастили семерых детей, поможем вырастить и внука.

Иван Семёнович, выслушав жену, расстроился. Он не мог предположить, что младший сын преподнесёт такой сюрприз, считая его ребёнком. Немного подумав, просил у Зои:

- С родителями девушки говорила?

- У неё нет родителей.

Затем спросил сына:

– Ты любишь её?

– Не знаю.

– Как это могло случиться, если нет любви?

– Пошёл её первый раз провожать, немного посидели в квартире. Когда я собрался уходить, она дверь закрыла на ключ.

– Если была не мила, надо было стучать в дверь, вышли бы соседи, и она открыла бы дверь, – вмешалась в разговор Валя, оказавшаяся у родителей.

Она с мужм и двумя сыновьями жила в собственном доме.

– Завтра пойдём сватать невесту, – твёрдым голосом заявил отец, – пригласим жить у нас, а потом решим, как быть дальше.

Для Наташи приход родителей Анатолия оказался неожиданным. В квартире было не убрано, сама не причёсана.

После непродолжительного разговора она согласилась перейти жить в дом родителей Анатолия.

Зоя старалась сблизиться с будущей невесткой, рассказывала о своих детях, привлекала к работе по дому. То попросит почистить картошку, то протереть пыль.

Наташа оказалась строптивой. К тому же мать не успела приучить её к работе по дому. Воспитывалась у тёти, которая после смерти матери стала её опекуном. Все просьбы Зои воспринимала как насилие над ней. Через две недели заявила:

– Мне не хочется быть у вас обузой, мы с Толей переходим жить в мою квартиру.

Не прошло и месяца, как Анатолий вернулся к родителям.

– Что случилось? – спросила мать.

– Не хочу я там жить.

Валя регулярно ходила на квартиру к Наташе. Она понимала, что молодой беременной женщине, у которой не было родственников, нужна поддержка. У них сложились хорошие дружеские отношения.

При выписке из родильного дома Наташа позвонила Вале:

– Меня выписывают из роддома, я не знаю, что делать с ребёнком.

– Жди меня, я сейчас приеду.

Валя приехала к роддому на такси, забрала Наташу с ребенком и увезла в её квартиру. Наташа была удивлена: в квартире была чистота, стояла детская кроватка с приданым и ванночка для купания ребёнка. Валя помогла распеленать и выкупать ребёнка. Рассказала и показала, как ухаживать за малышом. Затем подарила книжку по уходу за грудным ребёнком.

Когда Валя собралась уходить, Наташа со слезами на глазах произнесла:

– Что я буду делать одна с ребёнком? Я не умею с ним обращаться.

Видя беспомощность Наташа, Валя заявила:

– Быстро собирайся, поедем к нам.

Дома Валя истопила баню, помогла помыть ребёнка, показала молодой матери, как надо пеленать сына. На следующий день отправилась к матери сообщить, что у неё появился внук.

– Почему она после родов приехала к тебе, а не к нам? – удивилась Зоя.

– Не знаю. Наверное, не дозвонилась до Анатолия. Где он сейчас?

– На занятиях в техникуме.

Анатолий большой радости не испытал, когда узнал, что у него появился сын.

– Надо ехать за Наташей, – твёрдым голосом заявила мать.

Зоя вызвала такси, и они поехали к дому Вали. Уговаривать невестку не пришлось. Ей хотелось создать семью, хотя понимала, что Анатолий к этому не готов. В машине он держал пакет с ребёнком на руках, но никаких отцовских чувств не испытывал.

В доме Сидоренко молодой семье отвели отдельную комнату. По ночам ребёнок часто плакал, раздражая отца, которому утром надо было идти на занятия. Он перешел спать в другую комнату.

Наташа не стирала пелёнки сына, а складывала в кучу. Когда Зоя обнаружила эти залежи, сказала:

– Пелёнки надо стирать каждый день.

– У вас нет горячей воды.

– Воду можно согреть на плите.

– У вас не только нет воды в доме, ещё и туалет на улице. Я уезжаю в свою квартиру.

Молодая семья уехала, а Зина с горечью подумала: «Я вырастила семерых детей, мне даже в голову не приходило, что туалет может быть в доме».

32

Время быстро пролетало. Старшие дети разъехались, завели свои семьи. С родителями остались Тоня и Галя. Чем старше становились девочки, тем больше доставляли хлопот Зое. Им уже было семнадцать и шестнадцать лет. Они не пропускали ни одного вечера танцев. В поселковом парке на открытой площадке по субботам и воскресеньям играл баян. Сёстры пользовались успехом у кавалеров. На них любо было смотреть. Юные красивые фигурки кружились в вальсе. Подолы юбок восьмиклинок развевались, оголяя колени стройных ножек. Домой их часто провожали парни одноклассники.

Иногда сёстры ездили на автобусе в центр города, где в парке играл духовой оркестр. В один из вечеров они опоздали на последний автобус. Пришлось идти пешком по автомобильной дороге с надеждой, что их догонит какая-нибудь машина и подвезет. Их не пугала пустынная улица, в городе не было случаев нападения и грабежа людей. В прекрасном настроении сёстры шли, взявшись за руки. Под впечатлением вечера Тоня взяла сестру за талию, и они закружились на асфальте дороги.

В это время Зоя не находила себе места. Шёл первый час ночи, а дочери не возвращались домой. Дома они появились во втором часу.

33

После окончания школы Тоня поступила учиться в медицинское училище. На бойкую и энергичную девушку обратили внимание студенты и преподаватели. На втором курсе её выбрали в комитет комсомола. Она бескомпромиссно относилась к двоечникам и прогульщикам, когда их поведение рассматривали на комитете комсомола. Тоня со светлой косой нравилась многим ребятам. Первым предложил ей дружить Олег Васильцов:

– Тоня, пойдём в воскресенье в парк. Погуляем, потанцуем.

– Ты сначала исправь тройки по анатомии, а потом гуляй.

После такого разговора другие парни не пытались завязать с ней дружбу. Почти каждый имел тройки.

Выбранная специальность ей нравилась. Она постоянно по вечерам читала дополнительную медицинскую литературу. Зоя, бывало, скажет:

– Тоня, сходила бы погуляла, сколько можно сидеть дома.

– Интересная книга попалась, надо дочитать.

После успешного завершения учёбы ей было предоставлено права выбора места работы. В перечне населённых пунктов, где требовались медицинские сестры, ей понравилось название посёлка Успенка. Она не имела понятия, где расположен посёлок, но его название чем-то тронуло её душу.

Её путь к месту работы лежал через Кемерово. Там получила медицинское оборудование, инструменты, расходные материалы и лекарства. Выяснилось, что в Успенке несколько лет не было медицинского работника. Дальше Тоню повезли на машине. Дорога тянулась на северо-восток к границе с Томской областью. Ехали по холмистой местности, заросшей хвойным лесом. Среди остроконечных елей встречались развесистые кедры.

С возвышенности в распадке среди холмов, покрытых лесом, Тоня увидела дома, разбросанные далеко друг от друга.

– Вот это Успенка, – произнес шофёр.

Тоня надеялась увидеть посёлок городского типа, а здесь стояли отдельные домики.

– Это весь посёлок? – удивилась она.

– Центр находится за холмом, ответил сопровождающий её работник облздравотдела. Посёлок старинный, назван в честь религиозного праздника. Официальный статус получил только в 1927 году.

Машина переехала по мосту речку Кельбес и покатила по улице.

– Улица называется Промысловая, – сообщил шофер, стараясь показать свою осведомлённость.

– Какая здесь промышленность?

– Промышленности, кроме заготовки леса нет, а называют улицу так потому, что на ней проживают охотники-промысловики.

Машина остановилась около поселкового совета. Их встретил крепкий широкоплечий мужчина средних лет. Он обрадовался их приезду. Каждому протянул огромную руку для рукопожатия. Тоне показалось, что он чем-то похож на медведя.

– Давно вас жду с нетерпением, никуда не выхожу из кабинета. Наконец-то у нас будет медицинский работник, а то рожать женщин приходится возить в Новокузнецк.

Работник облздравотдела представил Тоню.

– Очень рад, очень рад! Меня зовут Михаил Никитич. Пойдёмте, покажу ваше хозяйство.

У Тони на душе появилось беспокойство. На практике она принимала роды под наблюдением врачей, а тут придется принимать одной.

По дороге им встретился мальчик лет двенадцати. Михаил Никитич окликнул его:

– Витёк, беги к тётке Авдотье, пусть придёт в медпункт.

Они остановились около небольшого домика с двумя входами. Их машина уже стояла около крыльца.

– В одной половине расположен фельдшерский акушерский пункт, а во второй ваша квартира, – сообщил Тоне Михаил Никитич. Сейчас Евдокия принесёт ключи. Она числится уборщицей.

Евдокия прибежала, запыхавшись, открыла замок ключом и распахнула дверь. В помещении был полный порядок. Даже журнал приёма посетителей лежал на столе. Тоня удивилась чистоте в помещении, не увидев нигде пылинки. «Видимо, Евдокия добросовестно относится к своим обязанностям, – подумала она, – или навела порядок, узнав о приезде медицинской сестры».

Водитель машины тем временем внёс коробки и поставил у дверей.

– Пойдёмте смотреть вашу квартиру, – предложил Михаил Никитич.

Небольшая комната с печью была светлой и уютной.

– Располагайтесь, теперь это ваш дом, – предложил Михаил Никитич, – если что-нибудь понадобится, вам поможет решить Евдокия Ивановна или приходите ко мне.

Через три дня Тоня пришла к Михаилу Никитичу. Он не удивился её приходу.

– Как обустроились?

– Хорошо. Пришла с вами посоветоваться: хочу провести медицинский осмотр населения.

– Хорошее дело. Чем могу помочь?

– Надо оповестить жителей.

– Лена! – крикнул он.

В кабинет вошла смуглая девушка с черными глазами и остановилась у дверей с вопросительным взглядом.

– Напечатай объявление: «В фельдшерско-акушерском пункте проводится медицинский осмотр всех жителей» и приколи его на входной двери и у магазина.

Тоня надела белый хорошо отглаженный халат, повязала голову белой косынкой, накинула на шею стетофонендоскоп и отправилась на первый приём. С утра посетителей не было. Люди были заняты на работе и домашними делами. Позже стали заходить пожилые женщины. За долгие годы жизни у них накопились разные заболевания. Тоня внимательно выслушивала их жалобы, измеряла давление, просила раздеться по пояс и выслушивала шумы в лёгких, бронхах и сердце. Затем давала советы, некоторым предлагала поехать на обследование в областную поликлинику Кемерова. По посёлку поползли слухи о хорошем внимательном докторе. Её стали называть по имени и отчеству, а между собой: «Наша докторша». К ней стали заходить девчата, чтобы познакомиться с новым жителем посёлка. Она проводила осмотр и быстро находила с ними темы для разговора. Взрослые мужчины, не испытывающие недугов, на медосмотр не заходили. Они считали эту процедуру тратой времени. А вот молодые парни приходили с удовольствием. Им хотелось познакомиться с симпатичной девушкой. Некоторые приглашали в клуб или на рыбалку. Пыл таких посетителей Тоня быстро охлаждала: «Вам мало знакомых девушек в поселке, с незнакомой захотелось погулять?»

Впервые к ней пришел посетитель с травмой руки. Иван Савельев вынимал из трактора двигатель. Он сорвался с тали и повредил левую руку.

Тоня осмотрела руку. Она чувствовала, что прикосновение к руке доставляет пациенту боль, но он терпеливо переносил её.

– Перелома кости нет, – вынесла вердикт, – видимо, трещина. Надо сделать рентген.

– На рентген не поеду, не первый раз, заживёт, – твёрдо заявил Иван.

– Руке нужен покой.

Тоня обработала рану, перевязала и сделала косыночную повязку.

– Завтра придёте ко мне на перевязку.

Хорошо.

Тоне понравился молчаливый мужчина. Ему было лет двадцать пять. По внешнему виду и поведению чувствовалась в нём уверенность и достоинство. «Он старше меня года на три», – подумала она .

Когда остались вдвоём с Евдокией Ивановной, Тоня спросила её:

– Вы хорошо знаете семью Савельевых?

– Да кто же их не знает. Они почитай первыми поселились в этих краях.

– Когда?

– Их предки были раскольниками. Бежали из России в Сибирь.

– Сейчас-то семья большая?

– Остались только мать с сыном.

– Где же отец.

– Его медведь в тайге задрал.

– Как задрал?

– Подробности не знаю. Спроси у Ивана, он расскажет.

– Что за люди Савельевы?

– Мать живёт сама по себе. Ни с кем не дружит. Молчаливая. Вреда ни кому не делает. По мне лучше быть молчаливой, чем бегать по посёлку и сплетничать.

На следующий день Тоня спросила Ивана:

– Сильно болит?

– Терпимо.

– Опухоль не спадает, завтра приходите на перевязку.

– Сколько дней придётся ходить?

– Пока не заживёт.

На очередной перевязке Иван почувствовал нежное прикосновение рук Антонины Ивановны к его руке, которое раньше не испытывал. Видимо, боль в руке отвлекала его внимание. Он перевёл взгляд на её сосредоточенное приятное лицо и стал любоваться им, глазами цвета весеннего неба, толстой светлой косой, спускающейся на грудь. Тоня почувствовала этот пристальный бесцеремонный взгляд. Можно было смутиться или хотя бы для приличия выразить своё недовольство, но она перекинула косу через плечо и продолжала заниматься перевязкой руки.

Через несколько дней Тоня поинтересовалась:

– Почему вы грустный?

– Время сбора брусники, а я не могу в тайгу пойти.

– Ходить вы можете.

– Как одной рукой ягоду брать?

– Возьмите меня с собой. Я себе брусники наберу и вам помогу.

На лице Ивана появилась улыбка. Он бы не решился сам пригласить её куда-нибудь.

– Готовьтесь. В воскресение рано утром зайду за вами.

Они шли рядом по широкой, давно не езженной дороге. Высокий хвойный лес встретил торжественной тишиной. На востоке разгоралась заря, заливая заревом небосвод над вершинами деревьев. В стороне послышался мелодичный посвист: «ти-и-инь» . . . Тоня остановилась и прислушалась. Посвист повторился.

– Это свистит самочка рябчика, – объяснил Иван.

– Как ты догадался, что свистит самочка.

– Она опекает молодое потомство и этим свистом удерживает их около себя.

– Иван, скажите, это правда, что вашего отца задрал медведь.

– Правда.

– Расскажи, как это было, – попросила Тоня.

Ивану не хотелось тревожить память о трагедии в его семье, но Тоне не мог отказать.

– Давно это было. – Начал он рассказ, – мой отец в госпромхозе числился охотником-промысловиком. Занимался заготовкой пушнины, сбором ягод, грибов и кадровых орехов. Ему в тайге был отведен промысловый участок, который остался после отца. Там стояло несколько охотничьих избушек. Главная избушка стояла на высоком берегу реки, по которой на лодке завозил продукты и сплавлял в посёлок дары природы. Дальше по реке располагались промысловые участки других охотников.

В тот год тайга подарила людям необыкновенный урожай кедровых шишек. Отец загрузил мешками с шишками моторную лодку и погнал в посёлок. Он планировал помыться в бане и через несколько дней вернуться в угодья.

Мимо его участка по реке проплывал заготовитель орехов. Пристал к берегу и пошёл навестить отца. В избушке никого не было. Он вернулся к лодке и продолжил свой путь. У воды увидел медвежонка. Медведицы поблизости не было. Не раздумывая, достал карабин и выстрелил. Погрузил малолетку в лодку и уплыл. Настоящий промысловик никогда бы не стал стрелять зверя в чужих угодьях, а это был хапуга.

Медведица слышала хруст веток под ногами человека, подходящего к избушке, и шум мотора. Она стала искать детёныша. Когда обнаружила на берегу его кровь, сделала вывод, что он погиб от человека, посетившего избушку. Медведь – умный, хитрый и мстительный зверь.

Отец вернулся в угодья, привязал лодку к стволу дерева, взял в руки охапку пустых мешков и направился к избушке. Сзади из засады на него набросилась медведица и ударом лапы по голове лишила жизни. Через несколько дней его тело на лодке, взятой на буксир, привёз промысловик с соседнего участка.

Тоня была потрясена печальным рассказом и не задавала больше вопросов. Она почувствовала жалость и сострадание к Ивану. Воспоминания всколыхнули в груди Ивана боль потери отца. Они продолжали путь молча.

Дорога вывела их на большой выруб. Всюду торчали пни, между которыми зеленели полянки брусничника.

– Это первый выруб. Здесь лес рубили первые жители поселка. Постепенно деляны для рубки леса отходили всё дальше и дальше от посёлка. Мы пойдём в другое место, – сообщил Иван.

На следующем вырубе стали попадаться участки брусничника, усыпанные красными ягодами. Иван свернул с дороги и пошел через него к лесу. Тоня шла за ним и удивлялась: «Почему Иван не останавливается собирать ягоду, которая краснела вокруг пней?» Неожиданно перед ними раздалось хлопанье крыльев, и большая тёмно-сизая птица поднялась в воздух и полетела от них. Тоня испугалась и вскрикнула:

– Ой!

– Не бойтесь, это глухарь.

– Что он здесь делал?

– Кормился брусникой, – улыбаясь, ответил Иван.

– Он напугал меня.

– Это хорошая примета.

– Пугать людей хорошая примета?

– Нет. Где кормится глухарь – там хороший урожай ягод.

Когда они пересекли выруб, Иван на кромке леса нашёл еле заметную тропинку и направился по ней. Она виляла между соснами и елями. Тоне идти было непривычно: ноги проваливались в мягкий моховой покров. Через несколько сотен метров перед ними открылась большая поляна, заросшая брусничником. Она была расписана ягодами, как персидский ковёр. На кустах брусничника висели длинные кисти крупной тёмной ягоды.

– Вот здесь мы будем брать бруснику, – сообщил Иван.

Он развязал одной рукой рюкзак, достал ведро, встал на колени и начал собирать ягоды. Они, ударяясь о дно ведра, издавали барабанный бой. Тоня последовала его примеру. Она захватывала между пальцами несколько кистей брусники и срывала ягоды. В ладони оказывалась горсть ягод.

Тоня часто отвлекалась от сбора ягод и осматривала выруб.

– Кого высматриваешь? – спросил Иван.

– Медведь здесь не появится? – вопросом ответила она.

– Не беспокойтесь, здесь ему делать нечего.

–А ягоды?

– Их достаточно в тайге, вдали от людей. Запомни, что в урожайный год медведь человека не тронет, если тот не спровоцирует его.

Не прошло и часа, вёдра до краёв наполнились брусникой. Тоня первый раз в жизни собирала бруснику и с изумлением смотрела на переполненное ведро ягод, среди которых виднелись листочки брусничника.

– Ягоду надо провеять, – услышала голос Ивана.

Он достал из рюкзака кусок лёгкой ткани и расстелил его на ровной площадке. Затем из своёго ведра отсыпал часть ягод на разосланную ветровку и предложил Тоне:

– Веять ягоды придётся вам, я не могу одной рукой.

– Что надо делать?

– Берите ведро, вставайте около тряпки, поднимите ведро над головой и потихоньку высыпайте бруснику. Ветерок унесёт весь мусор.

Иван любовался стройной гибкой фигурой в спортивном костюме, когда Тоня изящно поднимала ведро над головой. Про себя отметил: «Трудолюбивая девушка». Когда брусника была провеяна, произнёс:

– Наберём ещё по ведру ягод и будем обедать.

– Я думала, что мы вернёмся к обеду и не взяла с собой еду.

– Не беспокойтесь, у меня еды хватит на троих.

– Почему на троих?

– Я придерживаюсь поговорки: «Идешь в тайгу на день, бери еды на три».

Иван расстелил на траве ткань, на которой провеивали ягоды, и объявил:

– Это будет наша скатерть-самобранка.

Затем вынул из рюкзака хлеб, сало, помидоры и пирожки с морковью. Рядом поставил термос и две эмалированные кружки. Бросил на траву ветровку и пригласил Тоню:

– Обед подан, прошу к столу.

Он достал из ножен, висящих на поясном ремне, охотничий нож и стал резать сало.

– Зачем вам такой большой нож? – удивилась Тоня.

– Для защиты, – пошутил Иван.

– От кого?

– Мало ли от кого потребуется.

Тоня подумала, что это не шутка, а скорее намек и внимательно посмотрела на Ивана. Он уже сосредоточенно резал круглую краюху хлеба. В магазине такой хлеб не продавали. У неё не укладывалось в голове, как может в этом человеке совмещаться незаурядная сила и мягкий спокойный характер. Она изрядно проголодалась и с удовольствием ела хлеб с салом, закусывая помидором.

– Хлеб очень вкусный, где его покупали? – спросила Тоня.

– Матушка испекла.

Иван налил чай, поднял свою кружку и произнёс:

– С полем вас.

Что это такое?

– Когда охотник впервые добывает дичь, его поздравляют с полем. Ты впервые пришла в тайгу и набрала ягоды.

– Согласна, – поддержала его Тоня. Подняла кружку и легонько дотронулась до кружки Ивана.

Она не заметила, что Иван перешёл в разговоре на ты. Когда стали есть пирожки, запивая чаем, заваренным неизвестными Тоне травами, она их похвалила.

– Их стряпала матушка, – пояснил Иван, – я ей сказал, что иду за ягодами не один.

«Видимо, он рассказывал обо мне матери, а называет её странно, у нас так называть матерей не принято», – думала Тоня.

Она разомлела от сытой еды, от воздуха, насыщенного ароматами леса, трав и ягод. Ей захотелось вытянуться на траве и расслабиться, но пришлось подняться и приняться за сбор брусники. Они набрали ещё по ведру ягод.

– Шабаш, – произнёс Иван, – больше ягод нам не донести

Тоня поднялась с колен, выпрямила спину и залюбовалась окружающей природой. Осень радовала пышной яркостью красок. Выруб, окружённый хвойным лесом, вершины которого смотрелись частоколом на фоне голубого неба, завораживал её.

– Помоги надеть рюкзак, – услышала голос Ивана.

Он стоял с рюкзаком на правом плече, левая рука висела в косынке. Тоня аккуратно сняла косынку, осторожно продела руку в лямку рюкзака и вернула косынку на место.

Иван зашагал к кромке леса.

Тоня подхватила своё ведро. Оно оказалась неполным.

– Почему моё ведро неполное? – возмутилась она.

– Дома наполним, – услышала ответ.

Она последовала за ним и была удивлена, когда подошли к лесу точно у тропы. «Видимо, он запомнил дерево, у которого начинается тропа», – подумала она.

Около крыльца Тониной квартиры Иван попросил её помочь снять рюкзак. Затем спросил:

– У тебя таз есть?

– Есть.

– Принеси.

Когда она вернулась с тазом, её ведро стояло наполненное ягодами. Иван отсыпал из рюкзака добрую половину брусники в таз.

– Мне не надо столько ягод, – запротестовала Тоня.

– Угостишь кого-нибудь или отправишь домой.

– Как их заготавливать впрок?

– Ягоды надо залить водой в любой таре. Будут храниться до следующего урожая.

– Может, зайдешь ко мне ненадолго?

– Спасибо. Как-нибудь в другой раз. Помоги лучше ещё раз надеть рюкзак.

На следующее утро Тоня проснулась с ощущением усталости. Ей не хотелось подниматься из постели. Между тем рассвет разгорался всё ярче и ярче. В комнате стало светло. За окном, приветствуя утреннюю зарю, защебетали птички. Усилием воли она поднялась с кровати, сделала зарядку и умылась холодной водой. Сердце оживило движение крови в сосудах. Возвратились бодрость и силы.

Тоне всё больше и больше нравился Иван с его мускулистым крепким телом и с пронзительно голубыми глазами. Она чувствовала, что ему тоже не

безразлична, но её смущало его отношение к ней как к младшей сестре. Она до мелочей анализировала поход за брусникой. Другой парень обязательно взял бы с собой спиртное, говорил бы комплименты и приставал к ней, а этот не проронил ни одного лишнего слова.

Она не знала, что Иван воспитан в староверческой семье. Он не пьет водку и не курит табак. Жену староверы выбирают на всю жизнь. У них не принято жить гражданским браком и разводиться.

Пришло время снимать у Ивана повязку. Тоня размотала туго забинтованный бинт, пощупала руку и спросила:

– Больно?

– Нет.

– Попробуй осторожно поднять стул.

– Он присел, взял стул за ножку и поднял над головой.

– Хватит, опусти! – забеспокоилась Тоня.

Иван планировал сделать Тоне предложение выйти за него замуж. В это время в помещение вошла женщина со словами:

– Антонина Ивановна, послушай меня, что-то хрипит в груди.

Ивану пришлось проститься и удалиться.

Тоня чувствовала недоговорённость в их расставании и надеялась, что он вскоре к ней зайдёт. Она постоянно вспоминала его и думала: «Неужели я ему безразлична?» Эти мысли бередили девичье самолюбие.

Поход Ивана с докторшей за ягодами не остался незамеченным в посёлке. Поползли разные слухи. На приём к Тоне пришла девица с накрашенными губами и ресницами. В посёлке женщины не красились, и Тоня подумала, что это, наверное, приезжая и предложила:

– Проходите, присаживайтесь. На что жалуетесь?

– На сердечную боль.

– Одну минутку, я запишу вас в журнал.

– Обязательно запишите.

Тоне не понравилось нагловатое поведение посетительницы.

– Фамилия, имя, отчество, – спросила она.

– Бурова Екатерина Васильевне.

– Разденьтесь по пояс, я вас послушаю.

– Не надо меня слушать.

– В чём тогда дело?

– Я люблю Ивана Савельева.

– Разбирайтесь с ним, я помочь не могу.

– А кто может?

– В вашем случае, я думаю, врач-психолог.

Можно было бы выпроводить непрошеную посетительницу, но Тоня поднялась со стула и как можно спокойней произнесла:

– Поверьте мне: в таких делах посторонние люди не помогут.

Ранним утром через три дня при первых лучах солнца Иван зашёл к Тоне. Увидев его, она была удивлена. На нём вместо зелёной камуфляжной одежды

была белая косоворотка, подпоясанная узким ремешком. Её сердце трепетно забилось, предчувствуя что-то необычное.

– Какой ты нарядный, тебя трудно узнать.

Он низко поклонился и произнёс:

– Тоня, ты мне люба, прошу выйти за меня замуж.

Она обрадовалась, но не показала вида, а спросила:

– А что ты скажешь Кате Буровой?

Вместо ответа он подошёл к ней и обнял. Она прижалась к нему и посмотрела в глаза. Они говорили о многом. Их губы встретились.

После поцелуя Иван спросил:

– Так ты согласна?

– Конечно, согласна.

– Завтра воскресение, мы с матушкой приглашаем тебя на обед.

Когда Иван ушёл, Тоня подумала: «Наверное, это смотрины, неужели он откажется от предложения, если я не понравлюсь его матери?»

Иван зашёл за Тоней, чтобы проводить в свой дом. День стоял такой тихий, что казалось, редкие облака на небе застыли на месте. Они шли рядом. Иван не пытался взять её под руку. По дороге встречались односельчане. Молодые люди здоровались, им в ответ раскланивались.

Добротный дом пятистенок Савельевых стоял в Таёжном переулке. Мать Ивана оказалась моложавой, средней полноты женщиной. Не ней было длинное цветастое платье, голова повязана косынкой. Она приветливо встретила невесту и пригласила к столу.

Тоне бросились в глаза жареные караси и рябчики. Рядом стояли грибы, огурцы, помидоры, отварной картофель. В деревянной миске краснела брусника, на подносе лежали румяные пирожки.

Анастасия Карповна наливала в тарелки щи из чугунка и рассказывала: «У нас все продукты свои, из огорода и тайги. В магазине покупаем только муку, соль и сахар.

– Мне очень понравился ваш хлеб, – похвалила Тоня, – я никогда в жизни не ела такой вкусный хлеб.

– Так пеку его для себя.

Когда Анастасия Карповна положила на тарелку карася, Тоня спросила:

– Рыбу, наверное, ловил Ваня?

– Кому же ещё ловить, он такой же добытчик, как его отец.

– Ваня мне рассказывал про своего отца.

Анастасии Карповне понравилось, что её сына называют Ваней. Она спросила:

– Тоня, ты не будешь возражать, если к свадьбе тебе и Ване сошью свадебную одежду из одинаковой ткани?

– Какую одежду? – удивилась Тоня.

– Ване рубашку, а тебе сарафан и платок.

– Я никогда не носила сарафан.

– Сделай одолжение моим родственникам, им будет приятно видеть невесту в нашей традиционной одежде. После свадьбы сарафан можешь не носить.

– Хорошо, – согласилась Тоня.

Михаил Никитич не удивился, а обрадовался, когда в его кабинет вошли Иван и Тоня. Сарафанное радио уже сообщило, что в посёлке намечается свадьба. Не дожидаясь заявления от молодых людей на регистрацию брака, произнес:

– Спасибо тебе, Иван Сергеевич.

– За что мне спасибо? – удивился Иван.

– Надеюсь, что Антонина Ивановна теперь надолго пропишется в посёлке и нам не надо будет искать другого фельдшера.

Тоня с волнением ожидала дня свадьбы. Она знала, что семьи староверов придерживаются своих строгих правил. Оказалось их обычаи и строгие нравственные устои уходят из жизни. Раньше нельзя было жениться на мирских девушках, до свадьбы нельзя было целоваться с невестой, мужчины не брили бороды. Теперь же не все молодые люди придерживались этих обычаев.

Молодую пару в доме встретила Анастасия Карповна с иконой в руках. Она перекрестила их и благословила на долгую счастливую жизнь.

На свадебном столе были дичь и рыба, пироги и пряники, овощи и салаты. Стояли домашняя бражка и квас. Водки и вина не было. За стол многие садились, перекрестившись двумя перстами. На свадьбу были приглашены только родственники и близкие друзья Ивана по работе. События с замужеством развивались стремительно, и Тоня не успела пригласить своих родственников.

После поздравлений гости начали петь. Пели душевно хорошими голосами. Некоторые песни Тоня не знала.

Анастасия Карповна обходила гостей и угощала бражкой. Она вся святилась от радости. От неё невозможно было оторвать глаз. Тоня не могла понять: она рада женитьбе сына или встрече с родственниками.

Молодожёнам в доме Савельевых отвели комнату. Свекровь к невестке относилась уважительно. Она гордилась тем, что уважаемая в посёлке фельдшер стала её родственницей. Кроме того, Тоня не брезговала ни какой работой. Всегда старалась помочь свекрови.

По Кельбесу с шумом шла моторная лодка, разгоняя волны до берегов. Впереди сидела Тоня в тёплой шубе, на корме Иван управлял мотором. Ей хотелось задать вопрос, но шум мотора не позволял разговаривать. Оставалось только наблюдать за окружающей местностью. Река протекала между высоких холмов, заросших смешанным лесом. Около уреза воды стояли ивы. Несколько деревьев поднимались из воды. Они не были плакучими, напоминали стройных девчат, зашедших по колено в воду и собирающихся искупаться. Иногда над водой нависали скалистые высокие обрывистые берега. Ей казалось, что кусок сколы может сорваться и угодить в лодку. В школе Тоня любила географию. Как только приехала в Успенку по карте изучила окрестности посёлка. Она узнала, что Кельбес впадает в реку Яя, которая в свою очередь в Томской области впадает в Чулым – правый приток Оби. Из энциклопедии узнала, что название реки досталось местным шортам от тюркских племен, некогда здесь проживающих. Кельбес означает озёрная река. Она стала мечтать о путешествии по этим рекам. Её мечты были прерваны:

Иван сбросил обороты мотора и повернул лодку к берегу. Заглушив и подняв двигатель из воды, направил лодку в устье ручья. Когда днище стало касаться дна, выскочил из лодки и повел её на буксире.

– Весной ручей многоводен, – сообщил Тоне, – к осени мелеет.

– Далеко еще будем плыть?

– Нет, тут рядом стоит избушка.

На небольшой поляне стояла избушка. Её окружал хвойный лес. Избушка казалась сказочной. Одно небольшое окошко смотрело в сторону реки, дверь, подпёртая колом, была низкой. Когда поднялись на берег, Тоня заметила под ногами кедровые шишки.

– Ваня, посмотри, сколько здесь шишек, – сообщила она и стала их собирать.

– Не торопись, они все будут наши. Сегодня проведём разведку, определим самый урожайный участок. Сейчас проветрим избушку, затопим печь и перекусим тем, что матушка положила.

Иван положил мешок в рюкзак, надел его на спину, закинул ружьё на плечо и скомандовал:

– В путь – дорогу.

– Почему мы здесь не собираем шишки?

– Здесь кедрач редкий, далеко надо ходить от дерева к дереву. Вблизи есть два массива, где сплошной кедрач.

Они шли по елово-кедровой тайге. Лес встретил торжественной тишиной, в которой иногда слышался шорох падающих с кедров шишек. Иван уверенно шёл в нужном направлении. Ноги мягко по щиколотку проваливались в моховой покров. Часто встречались белые грибы. Их коричневые шляпки притягивали к себе. Тоня удивлялась, что, кроме белых грибов, другие грибы не встречались. Когда увидели семейку больше десяти грибов, спросила:

– Ваня, можно я наберу грибов?

– Наберём на обратном пути, зачем носить с собой тяжесть?

Перед ними часто с деревьев слетали кедровки и сойки. Одна кедровка слетела с моховой полянки. Иван подошёл к этому месту и предложил Тоне:

– Видишь разорванный мох?

– Вижу.

– Разрой его.

Тоня присела и отвернула небольшой пласт моха. Там оказалось несколько горстей кедровых орехов.

– Кто их сюда положил? – удивилась она.

– Кедровка сделала запас на зиму. Если она их зимой все не склюёт, то здесь может вырасти кедр.

Постепенно смешанный лес перешёл в сплошной кедрач. Под ногами стали встречаться кочки. Впереди из-под деревьев поднялся выводок тетеревов и, отлетев в сторону, они уселись на кедрах.

– Здесь будем собирать шишки, – сообщил Иван, снял рюкзак и бросил на кочку. Я скоро вернусь. Он взял в руки ружьё и скрылся за деревьями.

Тоня уже привыкла в полевых условиях полностью доверять мужу и слушаться его. Под ногами всюду лежали кедровые шишки. Она развязала

рюкзак, достала мешок и стала в него их собирать. Невдалеке раздался выстрел. Тоня ожидала его, но все-таки вздрогнула. Вскоре подошёл Иван и бросил к её ногам черную, как уголь птицу. Это был тетерев. Перья его хвоста закручивались лирой.

Чтобы набрать мешок и рюкзак шишек, много времени не ушло. Иван надел на плечи рюкзак и взвалил сверху мешок.

– Ваня, дай мне нести рюкзак, – попросила Тоня.

– Тебе нести косача, по дороге срежешь несколько грибов.

Вечером Иван варил на костре косача с грибами и вермишелью. Тоня сидела рядом и наслаждалась окружающей красотой. Её душу переполняло счастье. После ходьбы по тайге она чувствовала благодатную усталость. С наслаждением вдыхала воздух с запахом костра и слушала перекличку неизвестных ей птиц.

Солнце садилось за тайгой. Вершины деревьев будто срезали его, а за ними небо покрывалось святящим багрянцем. Этот багрянец стал постепенно исчезать, словно кто-то невидимой рукой стирал его с неба. Наступили сумерки, стало холодать. Ей захотелось тепла и ласки.

Иван и Тоня проснулись со светом, проникшим в избушку через маленькое оконце.

Наступило раннее утро. Небо ясное и чистое, утренняя заря румянцем разливалась по небу. Свежесть утра, чистый воздух, насыщенный ароматом тайги, бодрили Тоню. После завтрака они вошли под кроны еще не проснувшегося леса.

Тоне нравилась спокойная, размеренная сельская жизнь. Анастасия Карповна её уважала и освободила почти от всех домашних дел, муж в ней души не чаял. Всё свободное время проводила с Иваном в тайге или на рыбалке. На работе радовалась редким посетителям. Несколько раз успешно приняла роды. Наступило время рожать самой. Свекровь стала больше проявлять о ней заботы. Постоянно спрашивала:

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Как ведёт себя мой внук?

– Почему внук, может быть, внучка?

– У меня глаз намётанный, давно определила, что быть у меня внуку.

– А я буду рада любому ребёнку.

– Когда срок родов подойдёт?

– Недели через три.

– Не упусти срок, решила ехать рожать к матери, поезжай раньше.

Тоня и Иван появились в доме Сидоренко без предупреждения. Они словно снег свалились внезапно на голову Зои. Она всплеснула руками и бросилась обнимать дочь. Мать больше года не видела дочь.

Иван стоял у дверей и наблюдал за радостной встречей тёщи с дочерью. В руках держал подарки: ягоды и орехи. Выпустив дочь из объятий, мать попросила:

– Познакомь меня со своим мужем.

– Вот он, стоит рядом.

– Здравствуй, Ваня, – произнесла Зоя, подошла к нему и обняла, – рада, что у дочери такой хороший муж, милости прошу в наш дом.

– Это вам, – произнёс Иван и поставил к её ногам тяжёлый груз.

Тоня благополучно родила мальчика. Она лежала в четырёхместной палате и разговаривала с соседкой. Неожиданно услышала знакомый голос:

– Тоня, ты как здесь оказалась?

Её спрашивала любимая сестра Валя.

Тоня поднялась на ноги, подошла к кровати сестры, присела рядом, легонько обняла и поцеловала её.

– Валя, тебя вчера я не видела в палате.

– Меня привезли ночью, и я сразу родила.

– Кто появился на свет?

– Мальчик.

– Молодец, второго мальчика рожаешь.

– А ты кого родила?

– Тоже мальчика.

– Имя выбрали?

– Ваня очень хочет назвать Серёжей в честь своего отца. Если бы родилась девочка, назвали бы в твою честь Валей.

– Спасибо. Буду ждать, когда родишь девочку.

Забирать Тоню из роддома приехали муж и мать. Внешне Иван был спокоен, но в душе бурлила радость. Тёще даже показалось, что он не рад ребёнку.

– Ваня, почему грустный?

– От радости, дома плясать буду.

Через день Валю из родильного дома забрал муж.

34

Галя окончила школу через год после Тони и поступила учиться в педагогическое училище. Учёба ей очень нравилась и давалась легко. Свободное время проводила с подругой Аней.

– Завтра наше училище приглашают в Горный техникум, пойдём? – спросила Аня.

– Что там будет?

– Концерт художественной самодеятельности, затем танцы. Училище и техникум давно проводят совместные вечера. У них учатся в основном мальчики, а у нас девочки.

– Почему не пойти, – согласилась Галя, – конечно пойдём.

Во время концерта Галя обратила внимание на высокого юношу с чёрной шевелюрой на голове. Он пел в хоре и читал со сцены стихи. Она не сводила с него глаз. Когда начались танцы, он подошёл к ней и пригласил на танец. Её охватило приятное волнение. «Неужели он заметил, что я смотрела на него, когда выступал на сцене?» – думала она.

Виктор Журавлёв легко танцевал и оказался приятным собеседником. Ему понравилась белолицая девушка с яркими голубыми глазами. Её толстая светло-русая коса спускалась через плечо до пояса. Гибкий стан легко повиновался его движениям.

После танцев он проводил домой Аню и Галю. Прощаясь с Галей, назначил свидание на следующий выходной день.

Они дружили два года. Ходили в кино, на танцы, гуляли в парке. Галя любила укромный уголок в конце парка. Здесь на зелёной поляне стоял одинокий клён. Она подходила к нему, обнимала шершавый ствол, прижималась ухом и замирала, к чему-то прислушиваясь и чего-то ожидая. Виктор подходил сзади, брал за плечи, легонько отстранял от дерева, поворачивал лицом к себе и, пристально глядя в голубые глаза, словно хотел что-то в них увидеть, произносил:

– Пойдём к нашей любимой лавочке.

Подойдя к лавочке, Галя намеривалась присесть, но не успела. Виктор запрыгнул на неё, принял актёрскую позу и начал читать стихи. Она с интересом слушала и думала: «Он читает стихи ради меня или тренируется к очередному концерту?»

После чтения стихов Виктор спрыгивал с лавочки и произносил дежурную фразу: «Пойдём, я провожу тебя до дома.

Он любил её, заботился как о ребенке, но никогда не обнимал и не целовал, откладывая объяснения до времени.

Галя иногда откровенничала с Аней:

– Я не могу понять Виктора.

– В чём дело?

– Он всюду со мной ходит, на танцах никому не разрешает подойти ко мне, но ни разу даже не поцеловал.

– Он бережёт твоё целомудрие.

После окончания учёбы Виктор получил направление на работу в Воркуте, а Галя в сельскую школу. Перед его отъездом к месту работы они пошли в парк проститься с любимыми уголками. Не договариваясь, вышли на любимую лужайку и подошли к знакомому клёну. Виктор положил руки ей на плечи и, глядя в глаза, произнёс:

– Галя, я давно тебя люблю. Очень сожалею, что не попросил твоей руки раньше. Семейные пары распределяют на работу в одно место. Мы могли бы поехать на работу в один город. Теперь боюсь, что потеряю тебя навсегда.

– Я тоже тебя люблю.

Они обнялись и замерли в первом любовном поцелуе. У Гали закружилась голова. Когда пришла в себя, сказала:

– Даю тебе слово перед любимым деревом, что буду ждать тебя.

Они ещё раз обнялись, поцеловались, и Виктор долго держал её в своих объятиях. Влюблённые договорились после отработки положенного срока вернуться в Прокопьевск и пожениться.

Молодые учителя Галя и Аня поехали работать по направлению в начальную школу небольшой деревни Берёзовка. Директор школы Петр Петрович обрадовался их приезду:

– Проходите в учительскую, дорогие коллеги, я давно вас ждал. По штатному расписанию в школе числятся четыре учителя, а мы с Еленой Васильевной, моей супругой, второй год работаем вдвоём. С ней вы познакомитесь позже, а сейчас пойдёмте смотреть ваши хоромы.

Хоромами оказался небольшой деревянный домик. Внутри кроме печи, стола, двух металлических кроватей и табуретов ничего не было. Обстановка повергла Галю в шок. Она привыкла жить в семье на всём готовом. Никогда не задумывалась, откуда в семье постельное бельё, посуда и другие вещи.

– Здесь мы будем жить? – удивилась она.

– Вам не нравится домик? – спросил Петр Петрович.

– Домик хороший. Мы думали, что жить будем на квартире и не взяли с собой постельное бельё и посуду.

– Дело поправимое. Матрасы вам принесут, а посуду и всё необходимое для проживания купим в сельпо. Я позабочусь, чтобы вам привезли дрова.

Молодые учительницы были на виду всего села. Дети после школы рассказывали о них родителям, на родительских собраниях Галя и Аня знакомились с односельчанами.

Зоя решила проведать дочку и поехала в Берёзовку. Вышла из автобуса в центре села. Центр состоял из одноэтажных зданий школы, клуба и конторы. У пробегающего мимо мальчика спросила:

– Где живут молодые учителя?

Он показал рукой на дом, стоящий в стороне от улицы, и побежал по своим делам. Зоя шла мимо домов, вдыхая воздух с запахом сена и навоза, напоминающий ей далёкое детство.

Галю и Аню застала за обедом. Они ели хлеб с салом и пили чай. Дочь выскочила из-за стола и бросилась в объятья матери.

– Мамочка, как хорошо, что ты приехала. Мне здесь скучно и тяжко. Хочу домой.

Зоя выложила привезённые продукты и присела к столу.

– Вы почему обедаете всухомятку?

Девушки молчали. Они выросли в больших семьях и не были приспособлены для самостоятельной жизни.

– Разве трудно сварить суп?

Молчание продолжалось. Зоя поняла свою ошибку. Она опекала дочь и не привлекала к приготовлению пищи. Старшие дети занимались уборкой в доме и уходом за младшими детьми.

Уезжала Зоя с двойственным чувством. Она понимала, что Галя уже взрослая девушка и должна приспособиться к самостоятельной жизни. С другой стороны ей было жалко её и хотелось вернуть под свою опеку.

После долгих размышлений отправилась в районный отдел народного образования с надеждой перевести дочь работать в город.

Войдя в кабинет, представилась: «Я мама Гали Сидоренко, которую направили работать в Берёзовку».

– Очень приятно, – ответил пожилой мужчина, сидящий за столом, – с чем вы пожаловали к нам?

– Я недавно ездила в Берёзовку. Девочки живут в тяжёлых условиях, оголодали. Едят только хлеб с салом.

Мужчина улыбнулся и произнёс:

– Если едят сало, то с голода не помрут. К нам-то зачем пришли?

– Нельзя ли дочь перевести работать в город?

– В городских школах нет вакантных должностей. Ваша дочь должна работать там, куда её направили по распределению.

Наступил ноябрь. На земле лежал пушистый снежок. Яркие лучи солнца слепили глаза. Лёгкий морозец приятно бодрил и легонько пощипывал уши. Молодые учителя возвращались домой из школы. По дороге им встретился почтальон. «Девчата, вам письмо», – радостно сообщила женщина средних лет. Она порылась в большой черной сумке и достала конверт. Помахивая им в воздухе, спросила:

– Кто будет плясать?

– Письмо-то кому? – спросила Аня.

Кто из вас Сидоренко?

– Я, – ответила Галя.

– Пляши!

Галя положила руки на бёдра и, слегка приплясывая, подошла к почтальону.

– Издалека тебе пишут, – сказала почтальон и передала конверт.

Когда девушки сделали несколько шагов, Аня спросила:

– От кого письмо?

– От Виктора, домой придём, прочитаю.

– Как он узнал твой адрес?

– Я говорила ему, что меня направляют работать в Берёзовку.

В доме было холодно, истопленная утром печь успела остыть. Аня принялась растапливать печь, а Галя с нетерпением стала читать письмо.

– Что пишет Виктор?

– Послушай, что он пишет: «У нас морозы ниже сорока градусов. С первых зарплат купил унты и меховую куртку. Выгляжу настоящим полярником. Дома здесь строят не так, как у нас. Они подняты над землёй на сваях, и под ними не только гуляет ветер, но, пригнувшись, может пройти человек. За меня не беспокойся, я выдержу любые морозы и приеду к тебе через два года. Я бы приехал и раньше, но здесь отпуск дают только через два года».

На этом Галя оборвала чтение и сказала: «Дальше идёт сугубо личное».

Заканчивалось письмо стихом, посвящённым Галине.

– Отвечать на письмо будешь? – спросила Аня.

– Конечно. Пообедаем, и сяду писать.

Единственным местом общения молодёжи в селе был клуб. В нём регулярно шли фильмы, устраивались танцы. Перед началом сеанса фильма молодых учителей с интересом рассматривали односельчане. За учительницами стали

ухаживать местные парни. На Аню обратил внимание агроном Борис. Она стала поздно приходить домой. Через полтора года Аня вышла замуж за Бориса и переехала жить в дом его родителей. Галя осталась одна. Она отказывалась от всех ухаживаний – ждала возвращения Виктора из Заполярья. Ей часто вспоминалась их последняя встреча в парке у клёна. Её совесть не позволяла нарушить слово, данное Виктору при свидетеле – клёне. Галя отождествляла его с живым существом.

После двух лет работы Галя подала заявление на увольнение и уехала к родителям в Прокопьевск.

Зоя обрадовалась возвращению дочери. Дала её несколько дней отдохнуть, а затем предложила:

– Галя, ты в отпуске, времени у тебя свободного много, свари борщ.

Дочь удивлённо смотрела на мать. Прежде она никогда не заставляла дочерей готовить еду. Считала это своей обязанностью. Зоя заметила её замешательство и продолжила:

– Я буду тебе помогать. Любая женщина должна уметь готовить еду. В жизни тебе это пригодится. Помни поговорку: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» и истину: если с мужем размолвка, никогда не оставляй его без еды. Сытый человек быстрее отойдёт от обиды».

Из Воркуты пришло письмо от Виктора. Галя вынула его из почтового ящика и, радостная, помчалась в дом читать. Уселась на диван, поджала под себя ноги, выбрав удобную позу. В хорошем расположении духа распечатала конверт и начала читать. После прочтения расстроилась и задумалась. Её даже не обрадовали слова признания в любви и просьба дождаться его из армии.

– Ты почему сидишь как в воду опущенная? – спросила мать.

– Письмо получила от Виктора.

– Что пишет?

– Его призвали в армию. Вернётся только через три года.

Время тянулось медленно. Виктор регулярно писал письма. Галя много времени проводила в школе. Иногда после занятий шла в парк, подходила к знакомому клёну и разговаривала с ним, как с человеком, вспоминая последнюю встречу с Виктором.

Как-то одноклассники пригласили её на вечеринку. Она с радостью согласилась встретиться с подругами, с которыми проучилась в школе десять лет. Среди приглашённых гостей были незнакомые ей парни. Когда начались танцы, её пригласил на вальс тёмноволосый мужчина среднего роста. За столом подруга шепнула ей на ухо, что это известный юрист Усманов. Он стал ухаживать за Галей и предложил проводить её до дома. Она наотрез отказалась, заявив, что домой пойдёт с Лидой и её мужем. Они живу рядом с её домом.

Через несколько лет она узнала, что своим отказом от провожатого спасла свою жизнь. Усманов оказался серийным убийцей и насильником. Он был приговорён к пожизненному заключению.

Виктор, отслужив в армии, приехал домой вечером. Его встретили мать, отец и младшая сестра. Старшая сестра за время его отсутствия успела выйти

замуж и родить двух девочек. Она жила в доме родителей мужа. Он обнял и поцеловал всех, умылся, переоделся в штатскую одежду и собрался уходить.

– Ты куда в такую поздноту? – спросила мать, – я стол накрываю.

– Потом мама, я к Галине.

– Дождись утра.

– Не могу.

Всю дорогу, возвращаясь из армии, он мечтал о встрече с Галей и вот теперь летел как на крыльях. Калитка в высоких воротах оказалась закрытой на засов. Не раздумывая перелез через ворота и подошел к дому. Света в окнах не было, стал стучать в стекло.

– Кого леший принёс так поздно? – раздался голос Ивана Семеновича.

– Это Виктор, пришёл сватать Галину.

– Кто по ночам сватается? – удивился Иван.

В доме загорелся свет, дверь заскрипела и отворилась.

Войдя в прихожую, Виктор произнёс:

– Извините, пожалуйста, пять лет не виделись, не мог дождаться утра.

– А здравствуйте где? – спросил Иван Семёнович.

– Здравствуйте, дядя Ваня, – улыбаясь, произнёс Виктор.

В это время из комнаты в халатике вышла Галя.

– Воркуйте, – произнёс Иван Семёнович и удалился.

Как только за Иваном Семёновичём закрылась дверь, молодые люди шагнули навстречу друг другу и обнялись. Виктор почувствовал тепло мягкого тела девушки. Её сердце учащённо стучало. Он сильнее и сильнее прижимал её к себе.

– Ты меня задушишь, – взмолилась Галя, – давай присядем к столу.

Они уселись друг против друга. Виктор взял её руки в свои и посмотрел в голубые глаза. Они были такими же, как и пять лет тому назад. Лицо же изменилось. Перед ним сидела ни девочка со смешинкой на губах, а взрослая женщина с внимательным взглядом.

Они просидели до утра за столом. Он рассказывал о своей службе, читал стихи. Она говорила о работе в школе.

Домой Виктор вернулся со вторыми петухами. Отец уже ушёл на работу. Мать внимательно смотрела на него, оценивая его состояние.

– Мама, – начал разговор Виктор, – я сделал предложение Галине.

– С родителями говорил?

– Нет, они спали.

– Садись к столу, я тебя накормлю.

Виктор поел и завалился на диване спать. Когда проснулся, посмотрел на часы. Время подходило к концу занятий в школе. Он соскочил с дивана и побежал бриться и умываться.

– Куда торопишься? – спросила мать, – садись за стол, я тебя накормлю.

– У меня нет времени.

Для матери главной заботой в семье было вовремя накормить детей. Сын за сутки второй раз отказывался от еды.

Галина была приятно удивлена, когда увидела около школы Виктора с букетом цветов. Он подошёл к ней, вручил букет и поцеловал в щёку. Она оглянулась и увидела, что на них смотрят ученики и преподаватели, взяла Виктора под руку, и они зашагали из двора школы.

– Мне хочется пройти в парке по нашим любимым местам и вспомнить молодость.

– Ты что, уже в старики записался? – пошутила Галя.

– Никуда я не записывался. Представь себе: прошло семь лет с того дня когда мы впервые встретились. Эти воспоминания всегда были со мной.

– Я проголодалась, пойдём домой, пообедаем, а затем пойдём гулять.

– Домой идти далеко, зайдём в кафе, перекусим и отправимся в парк.

Они остановились на полянке перед клёном.

– Здравствуй, клён, – произнесла Галя, – вот мы и встретились вновь втроём.

– Ты очень подрос за прошедшие годы, – сказал Виктор, обращаясь к клёну, и заключил Галю в объятия.

Она закрыла глаза и почувствовала надёжную силу в его руках и поцелуе. Когда разомкнула веки, увидела синее небо. Солнце светило, ласково грело кожу щёк. Вокруг было тихо и прекрасно. В душе вызревала гармония покоя и счастья. Не хотелось, чтобы любой посторонний звук нарушил это мгновение. Ей хотелось, чтобы это состояние длилось вечность. Виктор выпустил её из своих объятий и произнёс слова, которые ей запомнились со студенческих лет:

– Пойдём, я провожу тебя домой.

Через день родители Виктора отправились к Сидоренко. Их приход для Зои и Ивана Семёновича не был неожиданным. Они давно были знакомы. Решение детей создать семью было ожидаемое. Им предстояло решить все свадебные проблемы.

Они договорились свадьбу проводить в доме родителей жениха, сколько человек приглашать на торжество, какие блюда готовить, что подарить молодожёнам.

Накрытые свадебные столы стояли во дворе Журавлёвых. Родственники и друзья удивлялись обилию напитков и закусок. Из Успенки приехала любимая сестра Гали Тоня с мужем Иваном, пришли старший брат Михаил с женой Людмилой, сестра Валя с мужем и самый младший брат Анатолий. Из Украины получили поздравительную телеграмму от Маши. Гена в поздравлении сообщил, что занят на уборке урожая и приехать не может.

Веселье продолжалось за полночь. Когда гости разошлись, молодая чета осталась на жительство у Журавлёвых.

35

Анатолий успешно окончил техникум, и его призвали в армию. Вместе с другими призывниками, имеющими техническое образование, направили в танковое подразделение, расположенное в Читинской области.

Провожали его родители, сестра Валя и группа друзей. Наташа на проводы не пришла. Была, видимо, занята ребёнком или, может быть, перед отъездом поссорилась с ним. Родители заметили отсутствие Наташи, но не проронили ни слова. Анатолий уезжал уязвлённый её поступком и во время службы не писал ей письма.

В воинской части обратили внимание на его хороший почерк и назначили писарем. Он мечтал стать танкистом, освоить профессию водителя, но начальство решило иначе. Скоро понял преимущество службы писарем. Ему требовалось постоянно находиться в штабе. Его не назначали в наряды, не поднимали по тревоге на учения, не заставляли маршировать в строю. В увольнение ходил не по графику, как все солдаты, а регулярно. Анатолий был в курсе всех событий, происходящих в части. Офицеры относились к нему уважительно, а замполит, заметив, что он неплохо рисует, привлек его к оформлению стенной газеты. Писарь стал незаменимым человеком. Через полтора года ему был предоставлен краткосрочный отпуск сроком на десять дней.

В родительском доме на встречу с отпускником собрались его друзья. Веселье длилось до поздней ночи. Когда все разошлись, он спросил у матери:

– Как живёт Наташа?

– Разве ты не заешь, что она вышла замуж?

– Не знаю, я с ней не переписывался.

Зоя смотрела на сына, пытаясь понять, рад он или сожалеет о случившимся. У него ведь растёт сын Женя.

Анатолий молча поднялся со стула и, слегка покачиваясь, пошёл в свою комнату.

Весь отпуск провёл с друзьями в весёлых компаниях и на танцах. Солдатскую форму не надевал, чтобы не попасть в комендатуру. Время пролетело быстро. Наташу и сына не навестил, не зная, как к его визиту отнесется её муж.

Провожать Анатолия пришли все его друзья. На прощание он обнял маму, пожал руку отцу, и весёлая компания двинулась со двора.

– Забыли рюкзак с солдатской одеждой, – крикнула им в след Зоя.

Кто-то из товарищей вернулся и взял рюкзак. Компания на автобусе доехала до железнодорожного вокзала. На перроне проводы продолжались: обнимались, жали руку отпускнику, договаривались о новых встречах. Его втолкнули в вагон, когда поезд уже тронулся.

В пути Анатолий не обнаружил рюкзака с солдатской одеждой. Кто-то из друзей не передал его в вагон. Его охватило беспокойство: в часть придётся пойти в гражданской одежде. Стал обдумывать ситуацию. «Форму можно купить, – думал он, – но у меня нет таких денег. Прийти в часть ночью, часовые солдаты знакомые – пропустят, а утром, что надеть?». Не найдя решения, улёгся спать.

На проходной в танковую часть часовой, увидев Анатолия в штатской одежде, удивился:

– Толян, что с тобой?

– Раздели, – пошутил Анатолий.

– Сейчас вызову начальника караула, одному в штатской одежде ходить в расположении части не положено.

Дежурный офицер забрал у Анатолия документы и отправил на гауптвахту со словами: «Передам документы в штаб, там решат, что с вами делать».

Анатолий ожидал такой участи, но сильно не расстраивался, вспомнив солдатскую поговорку: «Плох тот солдат, который ни разу на губе не побывал».

Через три дня ему принесли новенькую солдатскую форму, и он приступил к своим служебным обязанностям.

Последний месяц службы для солдат самый тяжёлый. В календаре вычёркиваются прожитые дни, мысли уносятся к родным и близким. С нетерпением ожидается демобилизация. Этот день всё-таки наступил. Анатолию он принёс разочарование. Все земляки уехали домой, а его задержали до подбора на его место солдата из нового пополнения.

Домой Анатолий вернулся возмужавшим и серьёзным. Зое показалось, что у него улетучилась юношеская бесшабашность.

– Куда думаешь пойти работать? – спросил отец.

– Дай ему немного отдохнуть, – вмешалась в разговор мать.

– Он что в шахте вкалывал или перетрудился, работая писарчуком?

Зоя не стала спорить, а Анатолий ответил:

– Я же окончил горный техникум и ни дня не работал. Надо осваивать профессию. Пойду на шахту. Кем примут – на той должности и буду работать.

– Правильное решение, – поддержал Иван Семёнович, а сам подумал: «Повзрослел сын».

В шахтоуправление Анатолий шёл по знакомой пыльной улице с небольшим волнением. Знакомые дома по обе стороны улицы, казалось, переживали за него, поблескивая стёклами окон в лучах утреннего солнца. Он первый раз в жизни устраивался работать. «Кем меня примут работать на шахте? – бередила сознание мысль.

Ему предложили должность горного мастера. Потекли рабочие смены. Каждый день преподносил что-то неожиданное: неполадки в горном оборудовании, осложнения в горных выработках, заботы о выполнении плана и много других проблем, которые могу встретиться в шахте.

Отец и дядя Степан живо интересовались его работой не из любопытства. Им хотелось знать, какие изменения происходят на шахте, на которой отработали многие годы и ушли на пенсию.

Как-то вечером, сидя за ужином, Анатолий спросил:

– Можно я приглашу к нам в дом Галю, хочу познакомить с вами?

Родители переглянулись. Каждый слова сына воспринял по-своему. Отец спросил:

– Она случайно не беременная?

Сын понял намёк отца, но на вопрос не ответил.

– Я собираюсь сделать ей предложение выйти за меня замуж.

– Кто она такая? – спросила мать.

– Мама, ты должна её помнить, я учился с ней в одном классе. Она была самой маленькой в классе. Сейчас она работает учителем в нашей школе.

– Нет, не помню. Приходите в воскресение, я наварю борща. Иван Семёнович, ты не против встречи.

– Конечно, не против.

В назначенное время Галя пришла в дом Сидоренко. От Анатолия она давно всё знала о его родителях, но всё же была удивлена, увидев пожилую пару. Отец был высокий сильный, крепкий как дуб. Мать – небольшого роста, стройная, как молодая девушка.

Зоя, разливая борщ, постоянно наблюдала за Галей. Ей показалось, что девушка чем-то похожа на неё. Такой же рост и фигура. Русые волосы аккуратно зачёсаны назад и обрезаны на уровне плеч. Улыбка и взгляд напоминали, что-то давно знакомое. Её поразила мысль: «Неужели сын влюбился в неё, потому что она похожа на его мать?»

Тем временем Галя непринуждённо рассказывала о делах в школе, вела себя как в давно знакомой обстановке.

На свадьбу Анатолия и Гали собрались многочисленные родственники. Дом гудел, как пчелиный улей. Невеста всем понравилась. Она была спокойной, внимательной, с каждым находила о чём поговорить. Сказывалась профессия учителя.

Молодожёны остались жить в доме родителей жениха. Галя с первого дня стала звать Зою мамой, а вот тестя назвать папой не решалась, поскольку даже жена называла его по имени и отчеству.

Зоя не могла нарадоваться на невестку. Ей нравился её спокойный характер, уважительное отношение к старшим и мужу. Её душу наполнялась радостью, когда видела, как молодые люди любят друг друга.

В свободные вечера Толя и Галя отправлялись гулять в парк. Они ходили по берёзовым аллеям и рассказывали друг другу о событиях прошедшего дня. Событий на работе у каждого было достаточно, чтобы каждый день рассказывать об этом. У них даже была своя лавочка, на которую присаживались отдохнуть.

Темнело осенью рано, через полураздетые ветви деревьев пробивался лунный свет. На чистом небе мерцали звёзды. Стояла заколдованная тишина. Толя и Галя сидели на лавочке, прижавшись к друг к другу, очарованные природой, стараясь не спугнуть волшебный миг. Внезапно налетевший ветерок нарушил тишину, с деревьев посыпались листья. Они поднялись с лавочки как по команде и пошли по аллее, шурша листьями под ногами.

Наступила поздняя осень, погода хмурилась, по небу плыли мрачные тучи. Молодожёны продолжали ходить в парк. Галя была в положении. Анатолий бережно водил её под руку. Сырые листья, прилипшие к асфальту, уже не шуршали под ногами. Парк становился пустынным, только стайки дроздов с шумом срывались с деревьев при подходе к ним людей. Птицы собирались в стаи, готовились к дальнему перелёту.

Вскоре Галя родила сына. Его назвали Стасом. Анатолий был счастлив. Он готов был носить на руках не только ребёнка, но и жену.

Через два года на свет появилась дочь Алеся. Многодетная семья получила трёхкомнатную квартиру в благоустроенном доме и покинула родительский кров. Иван Семёнович и Зоя вновь остались вдвоём.

Забегая вперед, скажу, что Стас окончил музыкальное училище и работал в ансамбле «Белые зори».

Алеся после учёбы в Новосибирском медицинском институте работает врачом в посёлке Кольцово.

36

У солнечной стены дома на лавочке сидели престарелые, но ещё бодрые хозяева. Иван Семёнович давно вышел на пенсию. Все дети, как птенцы из гнезда, разлетелись из дома и жили своими семьями. Родителей не забывали, часто навещали. На их дни рождения в родном доме собирались дети, внуки и правнуки. Звучали шутки, звенели детские голоса, доставляя радость пожилым людям. Оставшись вдвоём, они вспоминали события из прожитых лет.

– Иван Семёнович, – обратилась к мужу Зоя, – помнишь, ты говорил мне, что не успеешь вырастить Анатолия? А дождались внуков.

– Конечно, помню. А скажи-ка, сколько у нас всего внуков?

Зоя начала считать: « Трое Фединых детей уехали в Советскую гавань, Маша увезла на Украину четверых, у Миши один сын, у Вали двое сыновей, у Тони сын и дочка, у Гали три дочери, у Толи сын и дочка, у Гены одна приёмная дочь. Получается шестнадцать внуков».

– Для меня главной целью в жизни было вырастить и выучить детей, чтобы получили образование, не остались такими неучами, как я. Тебя, Зоя, я всю жизнь очень любил, вот только об этом не говорил.

– Я это понимала, видя твою заботу обо мне и семье.

Их разговор походил на объяснение в любви.

РАССКАЗЫ

Честь и слава России

Мне пришло приглашение принять участие в юбилейной встрече однокурсников по учёбе в Высшем военно-морском училище. Не раздумывая, пригласил с собой Валентину Михайловну Самсонову, и мы вылетели в Санкт-Петербург на несколько дней раньше назначенной встречи. Остановились у приятеля Василия Шайтарова. Его квартира находится около метро станции «Московская». Очень удобно ездить на метро в центр города.

На следующий день мы отправились знакомиться с достопримечательностями северной столицы. От станции метро «Невский проспект» прошли к Исаакиевскому собору. Подходя к нему, услышали звон колоколов собора и выстрел пушки в Петропавловской крепости, извещающий полдневный час. Перед нами возвышалось

высочайшее купольное сооружение мира. Его высота 101,5 метра. Оно может вместить 12 тысяч человек. Исаакиевский собор иногда называют музеем цветного камня. При строительстве было использовано 43 породы минералов.

Французский архитектор Огюст Монферран спроектировал здание в 1825 году и руководил строительством сорок лет. Архитектор умер через месяц после освещения храма. Об истории храма можно найти много интересного в интернете.

После осмотра собора мы отправились на Сенатскую площадь к памятнику «Медный всадник». Скульптура Петра Первого на вздыбленном коне возвышается на гранитной скале. Монолитный камень весом две тысячи тонн был найден в двенадцати вестах от Санкт-Петербурга. Его доставляли вручную через лес и по воде около года. На Сенатскую площадь он прибыл в сентябре 1770 года. Торжественное открытие памятника состоялось в августе 1782 года. По повелению Екатерины Второй на постаменте начерчено: «Екатерина Вторая Петру Первому». Таким образом, императрица подчёркивала приверженность петровским реформам.

Скульптуру «Медным всадником» назвал А.С.Пушкин в одноименной поэме. Это выражение стало настолько популярным, что было принято практически официальным.

Сфотографировав памятник, мы отправились по набережной Невы в сторону Зимнего дворца, вспоминая слова А.С.Пушкина из романа «Евгений Онегин»: «Онегин, добрый мой приятель, родился на брегах Невы, где, может быть, родились вы, или блистали мой читатель». Перед нами открылась панорама Дворцового моста и Петропавловской крепости на противоположном берегу Невы. В лучах весеннего солнца сиял золотом шпиль Петропавловского собора.

Обойдя Зимний дворец по периметру, мы вошли через центральный вход в Эрмитаж, и до конца дня бродили по многочисленным залам музея.

Второй день мы посветили экскурсии по Пушкинским местам. Санкт-Петербург буквально нашпигован местами, где бывал великий поэт. Петербуржцы бережно хранят всё, что связано с творчеством и жизнью поэта. Поездка на автобусе заняла много времени. Отмечу только, что мы проехали мимо дома, в котором жил учитель поэта В.А. Жуковский. Здесь впервые прозвучала поэма «Руслан и Людмила». После знакомства с ней Жуковский решил, что ученик превзошёл своего учителя. Посетили дом на реке Мойке, в котором оборвалась жизнь А.С.Пушкина.

Экскурсия продолжилась в Царском селе. Ныне это город Пушкин. Здесь в Лицейском саду стоит памятник А.С. Пушкину-лицеисту. Поэт в задумчивой позе сидит на скамейке, поднятой на пьедестал. Недалеко Лицей, в котором учился поэт, и Екатерининский дворец-музей – официальная летняя резиденция российских монархов. В советское время во дворце открылся музей. В нем размещены неоценимые произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Во всех залах сохранена обстановка, интерьеры, посуда и мебель прошедших времён. Неизгладимое впечатление произвела янтарная комната.

Мы покидали дворец с чувством прикосновения к истории нашей страны.

Встреча с однокурсниками проходила в кафе «Элегия». Собрались мои друзья, которые своим трудом вписали крупицу в историю нашей родины. Среди них доктор технических наук Владислав Иванович Кузнецов. Тема его диссертаций –

космическая навигация. Они засекречены до сих пор, хотя мы давно пользуемся навигатором при езде на автомашинах.

Доктор исторических наук Юрий Дмитриевич Пряхин – знаток истории Флота российского. Я зачитывался его книгами, которые публиковались в России и за рубежом.

Кандидат технических наук Алексей Григорьевич Кирчанов – специалист по подводным лодкам. Многие его изобретения внедрены при строительстве субмарин.

Большой неожиданностью для меня было знакомство с внучкой последнего морского министра Российской империи Ольдой Владимировной Петровой. О её дедушке Иване Константиновиче Григоровиче хочу рассказать более подробно. Он родился в Санкт-Петербурге в 1853 году. Образование получил в морском училище. В русско-японскую войну командовал эскадренным броненосцем «Цесаревич». Был назначен командиром порта Порт-Артур и произведён в адмиралы. После окончания войны был переведён на Черноморский флот начальником штаба. Затем назначен командиром Кронштадского порта. С 1911 года по 1917 год он министр императорского российского флота.

После революции работал сотрудником Петроградского отделения государственного архивного фонда, с 1920 года – сотрудником Морского архива. Иван Константинович написал «Воспоминания бывшего морского министра», которые пролежали в архиве более семидесяти лет и были опубликованы только в 1993 году. В 1924 году выехал за границу на лечение и обосновался в курортном городке Ментона. Жена и две дочери остались в Санкт-Петербурге. Скончался в 1930 году в возрасте 77 лет, завещав похоронить его на родине. Его завещание было выполнено только в 2005 году.

Утром 15 июля отряд кораблей Черноморского флота в составе гвардейского ракетного крейсера «Москва» и сторожевого корабля «Пытливый» под флагом Командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.А. Татаринова вошли в порт Ментона на Лазурном побережье Франции.

Южное солнце заливало жаркими лучами окрестности. Пляжный сезон был в разгаре. Жители города и многочисленные туристы были удивлены и встревожены, увидев корабли под Андреевским флагом. В их порт никогда не заходили боевые корабли.

В 10 часов 16 июля на кладбище начался траурно-торжественный ритуал передачи французской стороной останков адмирала И.К.Григоровича представителям Военно-Морского Флота Российской Федерации. Гроб с прахом адмирала был установлен на подиум у кладбища. Выстроена рота Почётного караула Черноморского флота и оркестр, рядом выстроены и французские моряки. Командующий Черноморским флотом А.А.Татаринов и Председатель Санкт-Петербургского Морского Собрания Н.В.Орлов покрыли гроб, согласно традиции, должностным флагом морского Министра Российской империи.

Представители двух сторон подписали протокол передачи останков бывшего Морского министра России адмирала Ивана Константиновича Григоровича.

На торжественно-траурном ритуале заместитель префекта Департамента Морские Альпы Кристиан Абрар произнёс: «Французская земля имела честь приютить у себя этого незаурядного человека, и мы гордимся этим. Рады, что наконец-то будет

исполнена его последняя воля. Он обретет покой на Родине, о которой никогда не забывал».

Правнучка адмирала Наталья Московченко отметила: «Я считаю, что это не траурное событие, а великий праздник, потому что на Родину возвращается прадедушка. Это событие для всего флота российского. Это, конечно же, радость для нашей семьи бесконечная».

Звучал горн, четыре капитана второго ранга Черноморского флота подняли гроб на плечи, и процессия отправилась в путь к причалу по узким улочкам Ментоны, преодолев почти три километра. Почётный караул, оркестр, да и вся церемония вызвали большое уважение у жителей и отдыхающих Ментоны. Приезжали люди даже из Марселя и Ниццы. На причале гроб был помещён на катер Командующего Черноморским флотом и доставлен на борт гвардейского ракетного крейсера «Москва», проделав путь мимо российского сторожевого корабля «Пытливый» и французского военного корвета.

К этому времени на палубе крейсера был выстроен весь личный состав и участники торжественно-траурной церемонии. При вносе гроба на борт крейсера, прозвучал артиллерийский салют из 19 выстрелов. Адмиралу были отданы почести как человеку, возродившему российский флот после его поражения в русско-японской войне 1904-1905 годов.

На торжественно-траурном митинге выступили представители французских властей и флота, правнучка адмирала Наталья Васильевна Московченко. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.А. Татаринов сказал: «…Эта миссия очень важна. Она важна для восстановления исторической справедливости, она важна для подрастающего поколения наших молодых матросов и офицеров. Служба адмирала Григоровича является примером для каждого из них…»

Отряд кораблей ВМФ России семнадцатого июля вышел из вод Франции и взял курс на Новороссийск. Прах адмирала И.К. Григоровича возвращался под Андреевским флагом, под которым адмирал служил России почти полвека.

Двадцать пятого июля корабли прибыли в Новороссийск. Здесь на торжественно-траурном митинге адмиралу были отданы почести личным составом Черноморского флота, и гроб с останками адмирала был передан Командующему Балтийским флотом адмиралу В.П.Валуеву. Вечером того же дня гроб военным самолётом был доставлен в Санкт-Петербург.

Здесь началась торжественная церемония перезахоронения останков адмирала. Гроб с прахом адмирала, накрытый должностным флагом, установили у здания Адмиралтейства. Около стены надгробная плита, привезённая с кладбища Ментоны. На ней эпитафия на английском языке: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нём, кто так много думал о тебе». Выстроена рота почётного караула и оркестр Ленинградской морской базы. Всё было торжественно и тихо. Только три женщины не скрывали эмоций и слёз.

Это были внучки адмирала Ольда и Кира, и правнучка Наташа. Ольда Владимировна сказала: «Мы счастливы, это много лет хранилось у нас в памяти, таилось, но понимаете, были времена, в которые не было возможности осуществить это…»

Командир ЛенВМБ вице-адмирал В.Ю. Кудрявцев подает команду. Воинские части проходят под звуки оркестра парадным маршем мимо гроба адмирала.

Раздаётся звук горна. Почётный караул выполняет команду: «На караул». Офицеры поднимают гроб на плечи. Оркестр исполняет траурный марш 1908 года. Гроб ставится на катафалк, и торжественно-траурная процессия в автомобильной колонне следует по набережной Нивы мимо Зимнего дворца и направляется в Александро-Невскую лавру. После панихиды гроб с прахом под траурный марш перенесли к фамильному склепу семьи Григоровичей. Здесь была отслужена лития, и под троекратный салют роты почётного караула гроб был установлен в фамильном склепе рядом с гробом любимой жены Марии Николаевны.

Должностной флаг морского Министра Российской империи был передан внучкам адмирала, а они его здесь же на кладбище передали начальнику Центрального военно-морского музея капитану второго ранга А.В.Смирнову. Надгробная плита, привезённая с кладбища Ментоны, также была передана в музей.

Адмирал И.К.Григорович с заслуженными почестями был похоронен. Его имя продолжает жить в названии сторожевого корабля «Адмирал Григорович», который спущен на воду в марте 2016 года. Его крёстной матерью стала внучка адмирала Ольда Владимировна Петрова. Ей поручили разбить бутылку шампанского о корму корабля.

Экипаж корабля с честью прошёл все испытания на море. Не только в водах Балтики, но и в водах сурового Баренцева моря. В церемонии подъёма флага почётными гостями были потомки адмирала во главе с его внучкой Ольдой Петровой.

Командир корабля капитан 3 ранга Анатолий Величко торжественным шагом поднялся по трапу корабля. На его вытянутых руках – Андреевский флаг. Команда, гости замерли. Оркестр играет Гимн Российской Федерации. Несколько минут – и вот флаг уже развевается на ветру, осеняя своим крестом великолепный корабль. Андреевский флаг, как и в прежне годы, символизирует силу, честь и достоинство нашей Родины.

Корабль совершил переход в Черное море к месту приписки – в Севастополь. Там состоялась торжественная встреча и приём корабля в состав Черноморского флота. Среди встречающих была и Ольда Владимировна.

Сегодня «Адмирал Григорович» несет службу в составе постоянной группы кораблей ВМФ России на Средиземном море. Он производил пуски крылатых ракет «Калибр» по террористам группировки ИГИЛ.

Ольда Владимировна Петрова регулярно проводит патриотические встречи с учениками школ Санкт-Петербурга. Она живая легенда нашей истории. Встреча с ней всколыхнула во мне воспоминания о годах службы на Флоте. Прощаясь с ней, я обнял её и произнёс: «Надеюсь, что это не последняя наша встреча».

Чёрная икра

В Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта шло распределение студентов на производственную практику. Им было предоставлено

право выбора места прохождения практики. Они толпились у доски объявлений, на которой висел список городов, в которые можно было поехать.

Товарищ со старшего курса посоветовал Сергею:

– Езжай в Гурьев.

– Что там хорошего?

– Ты чёрную икру ел? – ответил товарищ вопросом.

– Не пробовал.

– Вот там вдоволь наешься.

Четыре студента приехали в Гурьев, отправились к начальнику отдела кадров отделения дороги и предъявили направление для прохождения практики.

Их приезд радости у начальника не вызвал.

– Ребята, вы приехали не во время. В городе проходит сетевое совещание железнодорожников МПС, все гостиницы заняты. Делегатов разместили даже в нашем общежитии. Мне негде вас поселить.

– Что же нам делать? – спросил Сергей.

Взгляды студентов устремились на мужчину. Он стоял в задумчивости. Его нахмуренное лицо ничего хорошего не предвещало. Пока он думал, студенты успели рассмотреть чисто выбритое без единой морщинки лицо человека в возрасте примерно пятидесяти лет. Черные волосы были аккуратно зачёсаны назад. На висках проступала редкая седина. Они заметили, как на лице появилось приятное выражение.

– Поедете в Макат, поживёте там. Будете практику проходить в локомотивном депо. Я позвоню начальнику локомотивного депо.

До Маката студенты ехали поездом по одноколейной железной дороге, ожидая встречные поезда на разъездах. За окном вагона простирались казахстанские степи. «Вот и поели чёрной икры», – думал Сергей.

Посёлок оказался небольшим, застроенным в основном частными домами. Ребят поселили в общежитие локомотивного депо на первом этаже. На втором этаже жили женщины.

Через несколько дней у Сергея был день рождения.

– С тебя причитается бутылка, – заявили приятели.

Для студента святое дело – отметить день рождения в кругу приятелей. Иначе сочтут за жмота и потеряешь друзей.

В городе спиртное не продавали. Приятели расстроились сильнее, чем Сергей. Сосед по общежитию сказал, что в Старом Макате продают вино.

– Далеко до этого города? – спросил Сергей.

– Это не город, старинное казахское поселение. Расстояние около пяти километров.

Пустынную степь заливали солнечные лучи. В ередине лета трава уже пожелтела от палящего солнца. По накатанной грунтовой дороге бодро шёл Сергей, вдыхая аромат степного воздуха.

. В кедах идти было легко. Он снял рубашку, завязал её на голове чалмой, предоставив обнажённому телу принимать солнечные ванны. Перед ним предстало средневековое селение, обнесённое дувалом. У первого встречного спросил дорогу к магазину. Его путь лежал по узкой улочке, по которой не проехать автомашине. По

обе стороны стояли глинобитные стены. На полпути встретилась огромная лохматая собака, сидящая в тени у стены дома. Шерсть клочьями свисала на боках. Её голова была величиной с приличный арбуз. Сергей остановился, решая, что делать. Желание попасть в магазин пересилило страх. Собака сидела спокойно, не обращая на него внимания. Это придало ему уверенности. Он медленно двинулся вдоль стены противоположной стороны улицы, в двух метрах от собаки, стараясь не смотреть ей в глаза. Когда отошёл от неё на приличное расстояние, почувствовал, что у него учащенно бьётся сердце, а спина покрылась холодным потом.

Купив в магазине полную авоську болгарского вина «Тамянка», направился в обратный путь. Собака сидела на том же месте. Переживания повторились. Когда отошел на метр от собаки, за спиной раздался собачий рык. Возможно, она зевнула. Он остановился и остолбенел, ожидая нападения. Затем медленно, не оглядываясь назад, стал удаляться от пса.

Во время застолья студенты вспоминали интересные события из студенческой жизни. При этом использовали нецензурные выражения. Николаю это надоело, и он предложил:

– Давайте по очереди рассказывать анекдоты. Условие одно: в нём не должно быть нелитературных выражений.

Все согласились, и он начал первым:

– Едут в поезде около Байкала четверо в одном купе: мать с дочкой, немец и француз. Матери лет сорок, дочери около двадцати. В какой-то момент поезд зашел в туннель. В вагоне наступила кромешная темнота. Туннель был коротким и свет в вагонах не зажигали. В этот момент в купе слышится смачный поцелуй, вслед раздаётся сильный шлепок по щеке.

Поезд выходит из туннеля, все сидят на своих местах. Никто не подаёт вида: кто целовался, кто бил по щеке. Вот что каждый думал про себя.

Мать: молодец дочь, правильно я её воспитала. Если целуют без разрешения, надо бить по физиономии.

Дочь думает с сожалением: почему в темноте поцеловали маму, а не меня.

Немец сидит и думает: франт француз целуется, а меня по лицу бьют.

Француз думает: если ещё раз туннель встретится, я опять себе руку поцелую и немцу по физиономии врежу.

– Слишком суховат, – произнес Виктор, – вот послушайте:

Муж работал адвокатам, часто ездил в командировки. Жена как-то говорит:

– Адвокаты, защищая подсудимого, часто врут, чтобы его выгородить.

– Бывает не без этого.

– Давай договоримся: ты мне всегда будешь говорить только правду.

– Договорились.

Поехал муж в командировку, заходит в двухместное купе, а там на второй полке лежит молодая женщина.

– Я вам не помешаю, мой билет в это купе.

– Ни в коем разе, я сейчас спущусь вниз.

С полки свесилась красивая, стройная ножка в ажурном чулке и туфельке на высоком каблуке.

– Вам помочь? – спросил адвокат.

– Если не трудно.

Он подал ей руку и, обхватив за талию, помог спуститься. У него с собой была бутылка коньяка, и они приятно провели время. Она оказалась разговорчивой симпатичной женщиной. Ехала, как и он, в командировку. В Москве устроились в один номер гостиницы и не выходили из него два дня. Только на третий день вспомнил, что надо сообщить жене и свое обещание говорить только правду. Послал телеграмму: «Доехал хорошо, по пути подвернулась нога, второй день лежу в гостинице, целую, обнимаю».

После хорошо отмеченного дня рождения Сергею не спалось. Среди ночи услышал тихий стук в окно. Отодвинул занавеску и увидел небритую физиономию человека, который приложил палец к губам, давая понять, что надо соблюдать тишину. Затем показал рукой – открой окно. Сергей не боялся открыть окно, понимал, что, если незнакомец задумал что-то плохое, он закричит, проснутся друзья и скрутят непрошеного гостя. Приоткрыв створку, услышал шёпот: «У меня на втором этаже живёт невеста, разреши пройти через вашу комнату».

Через пять дней студенты вернулись в Гурьев. В первый же выходной отправились на базар за черной икрой. Прилавки ломились от фруктов, овощей, рыбы и других товаров. Прошли по всем рядам, икры не у кого не видели. Собираясь покинуть базар, у выхода подошли к праздно стоящему мужчине, и Сергей заговорил с ним:

– Мы хотели купить чёрную икру, но не нашли на прилавках.

– И не найдёте.

– Почему?

Мужчина внимательно посмотрел на них и спросил:

– А вы кто такие?

– Студенты на практике, вот хотели попробовать икру.

Он ещё раз окинул их взглядом и произнес:

– В том конце базара у входа стоит мужчина, обратитесь к нему.

Ребятам пришлось ещё раз пройти через базар. Мужчину, стоящего без дела, увидели сразу. Сергей поздоровался и произнёс:

– Нам посоветовали обратиться к вам за покупкой икры.

Он, как и первый мужчина, внимательно посмотрел на них, оглянулся по сторонам и спросил:

– Кто советовал?

– Мужчина у ворот на другом конце базара.

Немного подумал и решивл что молодые ребята не похожи на сотрудников ОБХС. Он показал рукой на пожилую женщину, торгующую овощами, и предложил обратиться к ней.

– Добрый день, бог в помощь, – обратился к ней Сергей.

– Что надо?

– Хотим купить икру.

Она наклонилась и достала из-под прилавка пол-литровую банку икры.

– Можно попробовать?

– Как ты попробуешь? Банка закрученная.

– Мне говорили, что в банке может быть не качественная икра.

– Проходи дальше и ищи качественную.

Она быстро спрятала банку под прилавок.

– Видимо, нам не суждено попробовать икру, – грустно произнес Николай, – пошли домой.

Не успели они отойти от входа на базар, их догнала женщина и спросила:

– Вы хотели, что-то купить?

– Икру хотели купить.

– Пойдёмте со мной, я живу недалеко.

Они подошли к высокому забору. Женщина открыла калитку ключом, и предложила войти во двор. Красивый частный дом окружал сад. На яблонях висели яблоки, ветки вишен гнулись от обильного урожая. Под деревом стоял столик со скамейкой. «Присядьте на скамейку», – предложила хозяйка, а сама пошла в дом и крикнула, видимо, сыну:

– Сёма, принеси из подвала тазик.

Вскоре на столике оказался большой эмалированный таз, полный икры. «Наверное, больше десяти килограммов», – подумал Сергей. Женщина подала ему деревянную плоскую полочку и предложила:

– Попробуйте.

– Вкуснятина.

– Всю заберёте?

– Нам только на еду, по килограмму.

– По килограмму, так по килограмму. Сейчас принесу весы. Цена пятнадцать рублей.

– Нам говорили, что в прошлом году была по восемь рублей.

– Так то в прошлом. Брать будете?

– Будем, будем, – раздались голоса.

Прощаясь с женщиной, Сергей спросил:

– Можно перед отъездом мы к вам ещё зайдем?

– Приходите.

По утрам студенты наслаждались завтраком, намазывая на куски мягкого свежего хлеба слой масла и икры.

Сергей думал: «Будет что рассказать друзьям после практики».

Судьба друга

В городском парке на окраине Киселёвска играл духовой оркестр. Вечерело. Солнце спряталось за деревья. Духота спала. На лавочке около летней танцплощадки сидели трое друзей. Они в этом году окончили школу, и через три дня им предстояло явиться в военкомат для призыва в армию. По этому случаю распили бутылку водки и вели дружескую беседу:

– Парни, – произнёс Валера, – нас могут отправить в разные части, и мы не скоро увидимся.

– По этому случаю надо выпить, – предложил Андрей.

– Уже достаточно, я больше не могу, – взмолился Семён.

Он жил с матерью в частном домике, отец погиб на войне. Прожить вдвоём на её скромную зарплату было нелегко. Он никогда не просил у неё денег. Водку пил впервые. Семён вспомнил лицо матери, когда пришла повестка из военкомата. По её словам: «Получишь в армии специальность, будешь одет и накормлен» понял, что она рада его призыву в армию. Семён любил мать и понимал её состояние. Служба в армии в те годы считалась престижной. Она воспитывала молодых людей и давала возможность приобрести специальность.

– Ты отрываешься от компании? – спросил Андрей.

– Не отрываюсь.

– Тогда идём в магазин.

Время было позднее, магазин оказался закрытым. Они обошли вокруг небольшого одноэтажного дома. На окнах через стёкла виднелись металлические решётки. Дверь в подсобку оказалась закрытой изнутри. Андрей нашёл обрезок трубы, подсунул под дверь, и она соскочила с петель.

В темноте подошли к прилавку. Уличный фонарь на столбе освещал полку около прилавка. На ней стоял самый ходовой товар: хлеб, колбаса, водка.

Приятели по-хозяйски расположились за прилавком. Водку закусывали колбасой с хлебом и объяснялись в неразлучной дружбе. К утру перестали соображать, где находятся. Семён давно спал на полу.

– Уже поздно, – произнёс Андрей, – я пойду домой.

– Я тоже, – поддержал его Валера.

Утром продавцы магазина обнаружили спящего у прилавка Семёна, вызвали милицию. Составили протокол.

Проведённая ревизия выявила большую недостачу, которую приписали Семёну. Он не назвал имена друзей, с которыми грабил магазин и получил срок заключения в колонии общего режима.

Его мать не выдержала потрясения и скоро скончалась. Её домик продали дальние родственники.

Когда Семён вернулся из заключения, его друзья успели жениться, имели детей. Он разыскал Андрея, который жил в собственном доме. Старые друзья обнялись.

– Проходи в дом, встречу надо отметить.

Лиля, накрывая стол, урывками посматривала на гостя. Он был небритым, на локтях пиджака виднелись протёртые дыры. Ей не понравился его пристальный взгляд, оценивающий её.

– Это мой школьный товарищ, – произнёс Андрей.

– Я уже догадалась.

После скромного застолья друзья присели на диван смотреть последние события по телевизору. Семён мгновенно уснул.

– Лиля, – обратился Андрей к жене, – пусть Семён поживёт у нас некоторое время.

– Соображаешь, что говоришь? – возмутилась Лиля, – ты уйдёшь на шахту в ночную смену, а я останусь в доме с незнакомым мужчиной. Уводи куда хочешь.

– Он уснул.

– Буди и уводи.

Андрей растолкал Семена:

– Пойдём, я провожу тебя.

– Куда? – спросил приятель не трезвым голосом.

– Когда придём, узнаешь.

Они пришли к Лиде. Она была старше Андрея на пять лет. Работая в шахте вместе с её мужем, он часто бывал в их доме. Несколько лет назад Иван погиб при аварии в забое.

– Можно войти? – громко произнёс Андрей, открывая дверь в дом.

– Входи, коль пришёл.

– Я не один.

– Заходите все.

– Нас только двое.

Лида внимательно посмотрела на посетителей и произнесла:

– Присаживайтесь, где удобнее.

– Удобнее на диване, – произнёс Андрей.

Пока разговор не касался Семёна, он успел уснуть.

– Это мой школьный товарищ, – продолжал Андрей и рассказал всё, что знал о Семёне.

– При чём здесь я?

– Возьми его в квартиранты. Ему надо устроиться на работу. Денег у него нет. За первое время заплачу я.

– Не нужны мне деньги и алкаш в доме не нужен.

– Он не алкаш, на него водка действует как снотворное.

– Оставляй, поживём – увидим, – произнесла Лида стандартную фразу.

Через несколько месяцев Андрей встретил в центре города счастливую пару, Семён и Лида шли под ручку.

Запоздалое решение

Еще до свадьбы Андрей и Света решили первое время детей не заводить: надо пожить для себя, достигнуть успехов в карьере. Они развлекались с друзьями, праздно проводили время на вечеринках, каждый отпуск выезжали в Турцию на побережье Адриатического моря. Годы проходили один за другим.

Мать Андрея, Наталья Федоровна, начала беспокоиться:

– Андрюша, когда вы мне подарите внука?

– Ещё не время.

– Мне хочется понянчить внука, а то умру и не подержу на руках отпрыска.

Годы шли, а внук не появлялся. Наталья Федоровна скончалась от сердечного приступа, оставив сыну квартиру и рыжего котёнка.

Уже не молодая семейная пара прозрела: «Пора иметь детей», – решили они.

Их усилия были тщетны. Света не беременела. Любовь супругов была направлена на кота. Они нянчились с ним, как с ребёнком. Приучили обедать

вместе с ними за столом. Ставили к столу стул, а на стол его миску. Кот запрыгивал на стул, вставал на задние лапы и лакал из своей миски.

Света обратилась в гинекологическую клинику. Утешительного ничего не услышала. Слишком много она принимала противозачаточных средств.

Со временем скончался кот. Между супругами стали происходить размолвки. Андрей хотел ребёнка. Света не сказала ему о посещении клиники. Она боялась развода.

Однажды в квартиру залетела муха. Света взяла газету и стала гоняться за ней.

– Оставь её в покое, – раздражённо произнёс Андрей, – пусть в доме кроме нас будет ещё кто-нибудь живой.

Портрет

В выходной день Степан зашел в книжный магазин. Продавцы связывали брошюры и укладывали стопки около дверей. Его внимание привлекла толстая пачка портретов Н.С. Хрущёва на толстой лощёной бумаге.

– Что у вас происходи? – спросил он у пожилой женщины.

– Недавно Хрущёва на должности первого Секретаря ЦК КПСС сменил Черненко. Нам поступило распоряжение литературу, связанную с Хрущёвым, сдать в макулатуру.

– Портреты тоже в макулатуру? – удивился Степан.

– Конечно.

– Можно я их заберу?

– Забирайте.

На следующий день жена Степана, собирая муж на смену в шахту, стала заворачивать бутерброды в газету.

– Погоди, Рая. У меня есть хорошая бумага.

Он принёс портрет Хрущёва и завернул в него еду.

В обеденный перерыв Степан съел бутерброды, запил из термоса крепким чаем и, держа в руках портрет, задумался: что с ним делать? Решение пришло быстро. Он поднялся на ноги и прикрепил портрет к стойке.

Горный мастер, продвигаясь по штреку к месту забоя, увидел портрет. Остановился и стал рассматривать помятое полное лицо вождя в отставке. «Как я не замечал портрета раньше?» – подумал и снял его со стойки.

На следующий день портрет висел на прежнем месте. Он снял его. Так повторялось несколько раз. Мастера одолевало любопытство: почему портрет появляется постоянно в шахте? Кто-то продолжает уважать бывшего руководителя или выражает протест? Он спросил у шахтёров, но любопытство не удовлетворил.

Поездка в город

Варвара Карповна всю жизнь прожила в собственном доме. В больших городах никогда не бывала. Дел там у неё никаких не было. В посёлке всё есть: магазины, дом культуры, библиотека. Она не представляла, как можно жить без огорода под окнами, без курочек, гуляющих по двору.

Настал момент, когда ей срочно понадобилось ехать в Новосибирск. Сын уехал поступать учиться в медицинский институт, но по конкурсу не прошёл. Устроился работать лаборантом, готовился поступать на следующий год. Она знала, что сын временно живет в квартире тёщи её двоюродного брата, которая недавно скончалась. У неё изболелось сердце по Володе. Постоянно думала, как ему живётся одному, как питается, кто стирает бельё.

Взяла на работе пять дней в счёт очередного отпуска, договорилась с соседкой присмотреть за домом и курами, купила билет на поезд и отправилась в путь.

Владимир встретил мать на перроне железнодорожного вокзала. Они прошли через вокзал, поднялись по широкой лестнице на привокзальную площадь и остановились на автобусной остановке. Варвара Карповна обратила внимание на высокое здание, стоящее на противоположной стороне площади. «Как можно жить на большой высоте от земли?» – думала она.

Автобус довёз их до улицы Татьяны Снежиной. Улица виляла около панельных домов, которые были как братья-близнецы и чередовались: один стоял вдоль улицы, следующий – под углом. Володя объяснил маме, что такая постановка домов называется «свободной планировкой». Около подъездов стояли лавочки, выкрашенные в зелёный цвет.

Они вошли в подъезд дома, стоящего под углом к соседнему дому, и поднялись на четвёртый этаж. Панели и двери всех квартир блестели свежей зелёной краской.

На следующий день Володя уехал на работу, а Варвара Карповна принялась за уборку, постирала бельё и отправилась в магазины покупать продукты, чтобы к приходу сына приготовить ужин.

К дому возвращалась с полной авоськой продуктов. Около подъезда на лавочке сидели женщины. Варвара поздоровалась и сообщила:

– Я приехала к сыну. Он живёт на четвёртом этаже. Постирала бельё, а утюга в доме нет. Дайте, пожалуйста, кто-нибудь утюг.

– Света, – обратилась к полной женщине соседка, – ты живёшь на первом этаже, дай женщине утюг.

Светлана поднялась и направилась в подъезд. Варвара Карповна последовала за ней. Получив утюг, поднялась на четвёртый этаж, поставила авоську на пол и вставила ключ в замочную скважину. Замок не открывался. Внезапно дверь приоткрылась, и женщина грубым голосом произнесла:

– Что вам здесь надо?

Варвара хотела сказать, что ошиблась, но не успела. Женщина, увидев в её руке утюг, быстро захлопнула дверь. За дверью послышался голос:

– Немедленно уходите, я вызову милицию.

Варвару Карповну охватил испуг. Она не сразу смогла понять, что произошло. Спустилась на этаж ниже, остановилась у окна и стала размышлять: «Дом как будто тот, подъезд второй, покраска такая же, зелёная».

Выйдя на улицу, вернула женщине утюг и сообщила, что ошиблась подъездом.

– Вам какой нужен подъезд? – поинтересовалась та.

– Второй.

– Так это и есть второй.

– Я ошиблась домом.

– Какой номер дома вам нужен?

– Не знаю.

Все женщины заулыбались, а Варвара Карповна отправилась разыскивать свой дом.

Вечером о своём приключении рассказала сыну. Владимир улыбнулся и попросил:

– Мама, ты больше об этом никому не рассказывай, а то подумают: «Вот «деревня» никогда города не видела».

Первая поездка за границу

Моя сестра живёт в Алма-Ате. Многие годы мы ежегодно ездили друг к другу в гости.

Но вот в девяностые годы страна распалась на самостоятельные государства. Проблем с поездками вроде бы не было, заграничный паспорт не требовался. Я купил билет на самолёт и полетел на очередной день рождения Нины.

В аэропорту Алма-Аты мне предложили заполнить регистрационную карту с указанием срока пребывания. До пяти дней можно было находиться в городе без регистрации в миграционной службе. Я и указал срок пребывания – пять дней. Обратный билет купил на пятый день для проезда поездом. Родственники нагрузили меня фруктами со своих дачных участков.

Перед пересечением границы в вагон вошли пограничник, таможенник и милиционер. Мои документы вызвали подозрение у милиционера, и он предложил мне пройти с ним в здание вокзала.

В небольшом помещении он сел за рабочий стол, положил перед собой мой паспорт, регистрационную карту и сообщил:

– Вы нарушили миграционное законодательство.

– В чём нарушение? – удивился я.

– Согласно регистрационной карте вы должны находиться в Казахстане до пяти дней. Вы превысили срок пребывания.

– Сегодня пятый день моего пребывания.

– Правильно, пятый. Вы должны были выехать вчера, до пятого дня.

Мы начали спорить. Каждый понимал по-своему сочетание слов «до пяти дней». Меня охватило беспокойство: поезд мог уехать с моими вещами без меня. По разговору я понял, что сотрудник милиции вымогает взятку. Мозги лихорадочно работали: как предложить деньги и сколько? Вдруг он привлечет меня за попытку подкупа должностного лица.

В это время в зале ожидания раздался какой-то шум, и туда пригласили сотрудника милиции. Как только он вышел из комнаты, я схватил документы, выбежал на перрон и заскочил в ближайший вагон поезда. С замиранием сердца смотрел в окно – не гонится ли за мной милиционер. Только когда поезд пересёк государственную границу, успокоился и пошёл в свой вагон.

В горном Алтае

Мне нравится путешествовать по Горному Алтаю. Несколько раз проехал по серпантинам Чуйского тракта. Дорога там как змея виляет по склону гор над пропастью, в которой бурлит Катунь. Ловил хариусов в её притоках. Поднимался в горы, где среди хвойного леса выступают гранитные утёсы и каменные столбы.

В долину реки Белокурихи мы попали весной. Горы нас встретили цветущим маральником. Его кусты покрывали склоны фиолетовыми коврами.

Мы поднимались по узкой крутой тропе, ведущей к вершине, на которой растет реликтовая сосна. Нас окружал смешанный лес, в котором преобладали хвойные породы. Тропа тянулась вдоль обрыва, на кромке которого встречались огромные скальные глыбы, уложенные природой друг на друга. Их округленная поверхность поросла мхом и травой. Видимо, в далёком прошлом ветер и дожди разрушили мягкие породы вершин гор, обточили и сохранили гранитные глыбы.

Со скал открывался вид на широкое ущелье и вершины гор, покрытые лесом. Нас окружала торжественная красота Алтая. Мы вдыхали горный, кристально чистый воздух, насыщенный ароматом леса, трав и цветов.

Постепенно перед нами открылось плато, на небольшой поляне стояла одинокая сосна с роскошной кроной. Издали она казалась небольшой и очень пропорциональной. Когда подошли ближе, удивились красоте и величию дерева со стволом необыкновенной толщины. В это время к сосне подошла группа туристов. Я попросил их обхватить сосну руками и сфотографировал. Ствол оказался в четыре обхвата. Его смогли обхватить четыре человека.

На трассе

Мы возвращались из поездки по горному Алтаю. Проехали Горно-Алтайск, Бийск, Барнаул и покатили по трассе на Новосибирск. Ехал с предельно допустимой скоростью, чтобы до темноты попасть домой. Вдоль дороги виднелись кафе, столовые и рестораны. Около одного кафе на обочине стояло

несколько фур. Водители ушли обедать. Впереди на встречной полосе не было видно машин. Чтобы быстрее проскочить мимо фур, я увеличил скорость до 120 километров. Подъезжая к первой фуре, боковым зрением увидел стоящего полицейского с жезлом, требующего остановиться. Проскочив три фуры, остановился далеко от сотрудника полиции. Настроение испортилось. Предстояло составление протокола за превышение скорости. Я достал документы, положил в них пятьсот рублей и, понурив голову, пошёл к сотруднику полиции, обдумывая предстоящий разговор. Когда прошёл последнюю машину, стоящую на обочине, поднял взор и увидел за ней манекен полицейского. Настроение мгновенно улучшилось. С улыбкой на лице вернулся к машине.

Содержание

В. Самсонова Об авторе

Роман
Семья фронтовика

Рассказы

Честь и слава России
Чёрная икра
Судьба друга
Запоздалое решение
Портрет
Поездка в город
Первая поездка за границу
В горном Алтае
На трассе

Кайков Альберт Сергеевич

Семья фронтовика

Дизайн обложки – Мыслин О.Г.
Корректор – Уральская М. А.